

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**В. М. Шаклеин
И. В. Ковтуненко**

РУССКАЯ БЛОГОСФЕРА

**Прагматическая и лингвокультурная специфика
реализации категории связности**

Монография

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2023

Рецензенты:

д-р филол., проф., зав. кафедрой русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» *Л. В. Рацибурская*;
д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры русского языка № 6 Института русского языка ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» *М. Л. Новикова*;
д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» *Ф. И. Панков*

Шаклеин В. М.

Ш17 Русская блогосфера: прагматическая и лингвокультурная специфика реализации категории связности : монография / В. М. Шаклеин, И. В. Ковтуненко. — Москва : ФЛИНТА, 2023. — 336 с.

ISBN 978-5-9765-5308-8

Монография посвящена комплексному описанию лексико-грамматических и риторических средств, лежащих в основе моделирования связности когерентного диалогического текста русской блогосферы, систематизации представлений о прагматической специфике функционирования русского языка в компьютерно-опосредованной коммуникации в зависимости от прагматической и лингвокультурной организации блоггового текста как целого. В фокусе исследовательского внимания находятся такие частные проблемы, как: (1) релевантная активация эксплицитных и неявных знаний, которые задействуются блоггером и респондентами в ходе восприятия и интерпретации совместно порождаемого текста; (2) дискурсивное событие как концептуальная основа порождения фреймовых моделей линейной организации стимулов и реакций; (3) динамика / статика межличностного взаимодействия участников виртуального общения, находящая отражение в целостной структуре блогговых текстов; (4) конструктивная значимость пресуппозиций и долгосрочной памяти собеседников в компьютерно-опосредованной коммуникации.

Теоретические выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в вузовском преподавании современного русского языка, общего языкознания, стилистики декодирования, спецкурсах по филологической герменевтике, а также посвященных вопросам когнитивных и дискурсивных оснований организации монологического и диалогического текста.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-5

ISBN 978-5-9765-5308-8

© Шаклеин В. М., Ковтуненко И. В., 2023
© Издательство «ФЛИНТА», 2023

В современной русистике обнаруживается повышенный интерес к тому эмпирически доказанному факту, что межличностное взаимодействие в процессе реального функционирования языка не может быть редуцировано к элементарному обмену стимулом и реакцией. Признается, что форматы производства и восприятия высказываний предопределяются контекстом текущего взаимодействия, коммуникативными ролями говорящего субъекта и его собеседника, характерными для определенного жанра общения.

Прагматический анализ предварительных условий и реализации активного участия в межличностном взаимодействии учитывает прежде всего специфическую конфигурацию коммуникативных ролей адресанта и его респондента в отношении акта коммуникации, который понимается как конструирование и интерпретация некоторого семантического содержания, кодируемого языковыми средствами в связном сообщении, тексте или высказывании.

В нашем научном исследовании мы объясняем прагматическую специфику системного функционирования современного русского языка в компьютерно-опосредованной коммуникации, в частности, анализируем особенности данного типа коммуникации в аспекте противопоставления устной и письменной формы языка, намерений блогера и респондентов, связанных с унисонным дискурсивным взаимодействием. Решение данной проблематики тесно соотносится с вопросом о «техническом детерминизме» [Белкин, 2017]. К настоящему времени в русистике формируется методология изучения вербального поведения пользователей сети Интернет. Анализ дискурсивных, прагматических и когнитивных аспектов этого процесса позволил выявить ряд существенных противоречий на таких уровнях, как:

— методология исследования — между следствиями физических условий производства и восприятия технологической среды и

функционированием русского языка, которое предопределяется преимуществами и ограничениями, обеспечиваемыми данной средой;

- теоретический уровень — между прагматической природой компьютерно-опосредованной коммуникации и доступностью языка для металингвистической рефлексии; между анализом языковых единиц в компьютерно-опосредованном общении и устной межличностной коммуникацией.

Усиленный исследовательский фокус на компьютерно-опосредованной коммуникации, наблюдаемый в русистике на текущий момент, предопределяется:

- активными интегративными процессами в современных парадигмах лингвистического знания в плане трактовки проблематики, связанной с характеристикой совместного виртуального текста как комбинирования линейных последовательностей, при порождении и интерпретации которых открывается доступ к моделированию общения собеседников [Артюхин, 2009; Розина, 2009; Щипицина, 2010];
- разноаспектной теоретизацией в сфере изучения общих закономерностей формирования межличностного общения и оценочных языковых средств манифестации намерений собеседников в процессе совместного разворачивания связного виртуального текста [Егорова, 2014; Кириллов, 2014; Лазарева, 2016];
- цело-частной динамикой монографического описания блогговых текстов как лингвокультурного феномена [Елькина, 2012; Ионова, 2016].

Блог обеспечивает реализацию дискурса, контролируемого автором, его личностными предпочтениями и потребностями. В связи с этим те предпочтения и потребности, которые удовлетворяет блог, оказываются более индивидуальными, чем в других жанрах общественного выражения мыслей и эмоций. Иницилируя сообщения, блоггер проектирует содержательный и эмоциональный характер читательских реакций, их стилистическое оформление. Совместно порождаемый текст реализуется через взаимоотношения между блоггером и респондентами,

которые неявно проявляются в содержании результирующего текста. Для этого текста характерным оказывается подвижность и изменчивость совместных целей (как стилистики, так и содержания).

Противоречия, выявленные выше, и проблематика исследования компьютерно-опосредованной коммуникации в русистике предопределяют приоритет не сплошного анализа практического языкового материала, а избирательного изучения тех сегментов блоггового текста, которые маркируют как признание смысловой позиции собеседника, так и отстаивание индивидуальной точки зрения на обсуждаемую ситуацию в процессе интерактивного разворачивания связного речевого произведения как завершенного целого в структурном и семантическом отношениях.

В рамках научного исследования проблема конструирования интерактивной сущности блогговых текстов решается с опорой на выявление и анализ разнообразных маркеров интерактивности, определение того, реагирует ли собеседник на стимулирующее сообщение блогера или ответную реакцию другого респондента. В связи с этим в сфере исследовательского внимания оказывается проблема воссоздания интерактивности в ответных речевых ходах, манифестирующих согласие или несогласие с точкой зрения блогера или респондента.

Стимулирующие и реагирующие диалогические шаги, предпринимаемые блоггером и респондентами, потенциально задают контекст для аналогичных действий последующих собеседников, порождают необходимость релевантного реагирования на уже озвученные суждения. В данном случае мы руководствуемся тем общепризнанным теоретическим положением, согласно которому любое взаимодействие между участниками коммуникации можно трактовать как реализацию контекстуальных ограничений на характер последующих иллокутивных действий; вступая в диалог, собеседники фактически предопределяют стимулы и реакции, активируя фактор адресата [Борботько, 2016, 2017; Жумаева, 2014; Кудряшов, Макова, 2014; Насилевич, 2016].

В русистике как частном разделе общего языкознания явно обозначилась эвристическая ситуация, настоятельно требующая учета

теоретических и практических сведений об указанных выше прагматических сферах интерпретации дискурсивного поведения блогера и респондентов. В результате открывается перспектива моделирования и системного описания закономерностей связного разворачивания виртуального текста в терминах дискурсивного противостояния собеседников и потенциальной возможности достижения согласия и равного коммуникативного статуса участников компьютерно-опосредованного общения.

Данная познавательная ситуация в свою очередь предполагает более частную детализацию следующих трех проблемных узлов русистики, которые касаются структурной и прагматической организации блоггового текста, синтагматических связей между стимулирующим сообщением и последующими реакциями на него:

- 1) выявление типов интеракционных моделей, которые занимают доминирующее положение в ходе представления реагирующих комментариев;
- 2) сопоставительный анализ характера взаимодействий «блоггер — респондент» и «респондент — респондент» и создание типологии тех дискурсивных вкладов, которые осуществляют блоггер и респонденты в совместно порождаемый текст;
- 3) определение закономерностей формирования дискурсивной связности как моделирования фокуса внимания участников виртуального взаимодействия и осуществляемого ими контроля над тематикой общения.

Особый интерес представляют собой дискурсивные практики, связанные с логической и прагматической стыковкой стимулирующих и реагирующих сообщений-суждений, комментированием предварительно обнародованной точки зрения. Эти практики в свою очередь оказывают воздействие на процесс целостного разворачивания блоггового текста, одновременно испытывают воздействие со стороны целого ряда социокультурных и лингвокультурных факторов (например принадлежность собеседников к тому или иному сообществу). Реализация дискурсивных практик в контексте блоггосферы неизбежно порождает условия для проявления конфликта интересов между собеседниками, противостояния блоггера и респондента, взаимодействующих в ходе обсуждения актуальной проблематики.

В контексте нашей работы указанный характер разворачивания блоггового текста является основой эмпирического исследования таких сфер, как:

- специфика корреляции риторических отношений и информативного содержания блоггового текста;
- диапазон маркеров риторических отношений, формирующих связный характер блоггового текста;
- тенденции, характерные для комментариев респондентов, реагирующих как (а) на исходные сообщения инициатора общения, так и (б) на суждения иных респондентов;
- частотность интерактивных моделей взаимодействия респондентов и блоггеров в сравнении с аналогичными моделями, присутствующими взаимодействию двух респондентов, обсуждающих проблему, исходно заявленную в стимулирующих суждениях блоггера.

Отмеченные выше теоретические положения и их практическая реализация, а также потребность выявления лингвокультурных особенностей интерактивного взаимодействия собеседников в ходе разворачивания блоггового текста определяют **актуальность** настоящего исследования. Актуальность определяется также интенсификацией влияния интернет-коммуникации на моделирование языковой картины мира представителей различных лингвокультур.

В существующей литературе по русской блоггосфере степень научной разработанности проблемы является недостаточной. Анализ публикаций отечественных ученых: А. А. Аникина, Н. А. Ануфриевой, В. В. Елькина, О. М. Елькиной, Т. Н. Колокольцевой, Ю. А. Ляшенко, М. В. Матюхиной, О. А. Питько, А. В. Романовского, В. А. Тищенко, П. В. Ушнова — выявил отсутствие лингвистических исследований по проблемам связности в русской блоггосфере с учетом соотношения стимулирующих и реагирующих сообщений. Изучение существующих теоретических концепций позволяет говорить о повышенном фокусе внимания к рассматриваемой проблематике риторического и дискурсивного потенциала в ходе связного разворачивания блоггового текста.

Интерактивный потенциал риторических отношений между стимулирующими и реагирующими сообщениями блоггера и респондентов, дискурсивные шаги, нацеленные на выражение согласия / несогласия

с мнением собеседника, проанализированы в работе через **гипотезу** о том, что межличностное взаимодействие в блогосфере реализуется в терминах риторических отношений между стимулирующим и реагирующим сообщениями, выражение согласия / несогласия с мнением собеседника.

Дискурсивное противостояние участников компьютерно-опосредованной коммуникации находит воплощение в конкретных моделях риторических отношений между стимулом и реакцией, дискурсивных шагов, связывающих совместно порождаемый текст в единое структурное и семантическое целое. Блогер обладает приоритетным правом контроля над формой и содержанием текста, совместно порождаемого с респондентами; отдельно взятый респондент, отстаивая это право, вступает в противостояние с блогером. Риторические отношения между различными сегментами совместного текста, комментирующая деятельность блогеров и респондентов предопределяются лингвокультурной практикой межличностного взаимодействия, устоявшейся в русскоязычной компьютерно-опосредованной коммуникации.

Объектом исследования являются модели порождения блогговых текстов, представляющие собой устойчивые соотношения стимулов и реакций, нацеленных на связное разворачивание совместного речевого произведения.

Предметом исследования предстают прагматические и лингвокультурные параметры организации блогговых текстов на русском языке, которые объективируются посредством риторических отношений между стимулом и реакцией, дискурсивными шагами, выражающими согласие / несогласие с мнением собеседника.

Материалом настоящего исследования послужили блогговые тексты на русском языке (общий корпус для анализа составили более чем 2000 блогговых текстов). В сферу анализа попадают преимущественно блоги спортивной тематики, которые, согласно нашим наблюдениям, отличаются особой прагматической динамикой и являются более обширными, чем блоги, в которых обсуждается иная проблематика. Более того, в этих блогах частотны контексты повторного взаимодействия блогеров и респондентов, когда блогер инициирует не только исходное сообщение, но и впоследствии реагирует на комментарии респондентов, при этом одновременно сохраняя статус координатора, медиатора

общения и поддерживая паритет со своими собеседниками. Этот параметр имеет приоритетную ценность для 3-й и 4-й глав нашего исследования. В спортивных блогах ярко проявляется альтернативность смысловых позиций, нежелание собеседников создавать конфликтную ситуацию общения, а поэтому в них доминируют риторические отношения контраста и уступки: контраст взаимодействует с уступкой, что оказывается конструктивным критерием для анализа, производимого в 1-й и 2-й главах. В блогах иной проблематики такого динамизма выявлено не было, что свидетельствует о лингвокультурной специфике русскоязычной личности, вступающей в компьютерно-опосредованную коммуникацию. Другими словами, именно блоги спортивной тематики дали нам возможность произвести многомерный характер как прагматической предопределенности, так и лингвокультурных особенностей собеседников, создающих совместный блог.

Главным критерием выбора блогов спортивной тематики стало наличие следующих условий:

- сообщение респондента представлено связными высказываниями и выражает точку зрения, которая может быть бесконфликтно дополнена альтернативной смысловой позицией;
- информация блогера занимает в тексте сильную позицию, является существенной для итоговой интерпретации целостного совместного произведения;
- наличие «вклинивания» в комментарии респондентов реплик блогера.

Этим условиям, согласно нашим наблюдениям, в полной мере удовлетворяют именно блоги спортивной тематики.

В сферу нашего анализа не входили аудиоблоги и видеоблоги, поскольку в каждом из них доминирует лишь устный регистр языка, что, с одной стороны, значительно сужает исследовательские возможности, а с другой стороны, открывает перспективы изучения блогов, репрезентирующих исключительно устный или письменный регистр. Письменно фиксируемые блогговые тексты оказываются исчерпывающе репрезентативными для решения задач, поставленных в работе. В аудиоблогах и видеоблогах выявляется иная специфика функционирования риторических отношений, поскольку устная форма общения в них будет превалировать.

В данном научном исследовании текст блога определяется не только как структурно-семантическая последовательность стимулирующих и реагирующих сообщений, но и как прагматическая и лингвокультурная конфигурация языка, которая нацелена на поддержание фатического контакта между участниками виртуального общения за счет манифестации определенных значений и/или смыслов, специфической структурной организации совокупного текста.

Тексты блогов — это прагматическая и лингвокультурная система, которая порождается с учетом ее потенциальных возможностей в конкретном языке. В этой связи мы рассматриваем текст блога как не состоящий из отдельных сегментов, а реализуемый и кодируемый в семантической и структурной организации этих сегментов. Данный текст акцентирует актуальные значения и/или смыслы, избираемые из потенциального семантического набора, которые предназначены для передачи автору или респонденту. Другими словами, текст блога определяется в нашем исследовании как актуализованная структура, передающая определенную семантику, в том числе и эмотивного характера.

Цель исследования — выявление прагматического и лингвокультурного потенциала моделей блоговых текстов, который предопределяет связный характер совместного речевого произведения.

В соответствии с целью, заявленной в монографической работе, а также исследуемым эмпирическим материалом нами ставятся и решаются следующие задачи:

- 1) выявить специфику риторических отношений контраста в связном разворачивании блогового текста;
- 2) описать базовую модель риторических отношений уступки и ее вариативные возможности в ходе связной организации текста блога;
- 3) установить прагматический потенциал причинно-следственных риторических отношений, релевантный для связного разворачивания блогового текста;
- 4) определить наиболее частотные дискурсивные шаги респондентов, реагирующих на стимулирующие сообщения блогеров, как фактора связного разворачивания совместного речевого произведения;

- 5) проанализировать интеракциональную модель формирования связного совместного текста при регулярном реагировании блогеров на сообщения респондентов;
- 6) статистически просчитать наиболее частотный дискурсивный шаг респондентов, реагирующих на сообщения иных респондентов;
- 7) проследить лингвокультурные факторы связного разворачивания совместного текста, лежащие в основе того, что блогер выступает как наиболее предпочтительный собеседник для респондентов.

Теоретико-методологическая основа монографии формируется сферами общих и частных научных обобщений, которые взаимосвязаны с двумя разнонаправленными тенденциями в современной русистике. Во-первых, это углубление классических подходов к языковедческой проблематике, детализация актуальных теорий и методологий с учетом дисциплинарной «чистоты» исследуемых явлений и теоретических выводов, достигаемых в ходе обобщения научных знаний об этих явлениях. В подобном контексте исследования наиболее системно проявляются взаимосвязи между русистикой и общей теорией языка. Во-вторых, мы учитываем общегуманитарную тенденцию к экспансионизму научного знания [Кубрякова, 1994; 1995], которая предполагает сущностное расширение дисциплинарных границ русистики, выход в философскую теорию познания, действенных коммуникативных практик и дискурсивную психологию.

Общенаучную методологию монографии составляет прагматический подход. В рамках нашего исследования прагматика трактуется в качестве базового наименования всех лингвистических дисциплин, которые в той или иной степени анализируют проблемы контекстуального употребления языковых единиц и их комплексов в актах коммуникации.

Частнонаучная методология исследования формулируется следующими концепциями:

- в области лингвокультурологии и социолингвистики: изучение функционирования языка, которое предопределяется контекстом, системно сигнализируется языковыми средствами, грамматикализуется ими [Беленченко, Кихтан, 2016; Богомолова, 2014; Бондаренко, 2004; Визигина, 2015; Виноградова, 2007; Воробьев, 2008,

- 2015; Кудряшов, 2022; Маслова, 2002; Радбиль, 2014; Шаклеин, 2013; Щетинина, 2012; Фигуровская, 2013];
- в области грамматики дискурса: отсутствие одного из элементов, который обеспечивает структурную связность текста, оптимально компенсируется целым рядом других средств когезии [Борисова, 2017; Гурочкина, 2015; Викторова, 2018; Ковальчук, Володина, 2016; Ошанова, 2014; Савельева, 2018; Скар, Кудряшов, 2017; Усачева, 2013];
 - в области лингвистической эмотиологии: базовой функцией исходного сообщения блогера является эмоционально-волевое воздействие на потенциального респондента с целью получения от него вербального ответа (функция стимулирования) [Авросимова, 2018; Баженова, 2003; Головинова, Кудряшов, 2015 (а); Головинова, Кудряшов, 2015 (б); Лазарев, 2021; Милосердова, 2014];
 - в области лингвистики текста: понятие связности виртуального текста координирует с проблемами организации микротекстов данной формы коммуникации — отдельных текстовых сегментов, включающих в себя сообщения двух или более собеседников [Аникин, Михайлова, 2019; Гаврилова, 2015; Горошко, 2007; Ионова, 2016; Кубрякова, 1994, 1995; Усачева, 2013; Шаклеин, 2011];
 - в области прагматической и когнитивной лингвистики: контекстуальный фактор получает многомерную интерпретацию при исследовании прагматических и когнитивных аспектов функционирования языковых и речевых явлений [Борботько, 2016, 2017; Жумаева, 2014; Кудряшов, 2005; Манаенко, 2009; Насилевич, 2016; Олянич, 2004; Стернин, 2000; Щетинина, 2012; Фигуровская, 2013].

Цель и решение задач, обозначенных в работе, потребовали применения следующих базовых методов исследования, которые являются актуальными для прагматического и лингвокультурного анализа проблем текстопорождения в блогосфере:

- контекстуальный и интерпретационный методы, предопределяющие создание типологии риторических отношений между сегментами блогерского текста, дискурсивных шагов, реализуемых

блогерами и респондентами, вступающими во взаимодействие друг с другом;

- метод функционального анализа, лежащий в основе разграничения диктального и модусного значения стимулирующих и реагирующих сообщений, формирующих связный блогерский текст, и выявления прагматической нагрузки дискурсивных шагов собеседников как метафункции языковых средств;
- метод моделирования:
 - риторических отношений, формируемых между контактирующими и дистантно располагаемыми сегментами блогерского текста, которые маркируются определенными языковыми средствами или проявляются имплицитно;
 - характера стыковки дискурсивных шагов участников компьютерно-опосредованной коммуникации, в основе которых лежат те или иные намерения, связанные с установлением и поддержанием фатического контакта с собеседником.
- статистический метод, который широко используется для:
 - создания типологии дискурсивных шагов блогеров и респондентов в ходе инициации стимулирующих сообщений и реакций на них;
 - установления вариативных возможностей в дискурсивной деятельности блогеров и респондентов, комментирующих сообщения друг друга;
 - анализа типов реакций блогеров и респондентов на комментирующую деятельность друг друга.

Научная новизна монографии и ее наиболее существенные результаты заключаются в следующих основных аспектах, разработанных в ходе прагматического анализа средств и способов поддержания связного характера русскоязычного блогерского текста.

Во-первых, вся совокупность цепочек сообщений, формирующих текст блога, представляется в виде определенных риторических соотношений, в рамках которых каждое сообщение является собой согласие / несогласие с мнением собеседника, утверждение или отрицание. В риторической структуре текста блога обсуждаемая микротема репрезентируется в терминах разнообразных комбинаций утверждения и отрицания в стимулирующем и реагирующем сообщениях (напри-

мер, отрицание — утверждение; отрицание — отрицание — отрицание и т. д.). Подобные комбинации воплощают собой характер отношений согласия и несогласия собеседников с мнением друг друга.

Во-вторых, доказано, что реагирующие комментарии формируют такое виртуальное пространство, в котором респонденты в большей степени ориентируются на предоставление ответного действия блогеру, нежели на уточнение и детализацию сообщения, инициированного иным респондентом. Респонденты придерживаются тенденции поддерживать ту проблематику, которая исходно была обнародована блогером в стимулирующем сообщении, а не предлагать для обсуждения новую проблематику. Сдвиг к новой теме общения намечается в блоговом тексте в связи с информативным обменом между собеседниками, в котором было инициировано несогласие с точкой зрения, выраженной одним из партнеров по взаимодействию.

В-третьих, формат стимулирующего сообщения, отражающего доминирующее информативное содержание в виртуальном тексте, и формат реагирующих сообщений, над которыми блогер получает коммуникативный контроль, трактуются нами как конструктивные факторы, предопределяющие тип дискурсивных шагов участников компьютерно-опосредованного общения, поддержания его связного характера, в том числе с точки зрения детализации проблематики, исходно предложенной блогером для последующего обсуждения. Иницируя компьютерно-опосредованное общение, блогеры, реагируя на сообщения респондентов, проявляют разную степень дискурсивной активности, руководствуясь своей доминирующей ролью в разворачивании текста или информативной достаточностью суждений, выдвигаемых собеседниками. Исходная информация блогера трактуется респондентами как доминирующий стимул для развития общения, тем не менее она выражает реакции на сообщения друг друга как результат действия определенных дискурсивных шагов, преобладающими из которых выступают несогласие с мнением собеседника, критический отзыв в отношении смысловой позиции, выражаемой им, и просьба предоставить актуальную информацию.

В-четвертых, выявлена взаимозависимость между осуществлением конверсационного контроля над темой обсуждения и озвучиванием несогласия со смысловой позицией собеседника, представлением

критики в адрес этой позиции и поиском актуальной информации об обсуждаемом событии. Исследование показало, что в формате современных блоговых текстов контроль над темой текущего обсуждения предопределяется конкретным диапазоном дискурсивных шагов. Анализ частотности реагирования блогеров и респондентов на сообщения друг друга осуществляется с опорой на типологию дискурсивных шагов, релевантных для данного типа общения. Анализ реактивных сообщений в процессе комментирующей деятельности участников виртуального общения продемонстрировал, что дискурсивный шаг несогласия с мнением собеседника является прогнозируемой лингвокультурной практикой в ходе связного разворачивания блогового текста.

Теоретическая значимость работы связывается с тем, что полученные результаты вносят определенный вклад в прагматические теории функционирования языка в компьютерно-опосредованной коммуникации, изучение феномена дискурсивного противостояния собеседника при выражении согласия / несогласия в данном типе коммуникации. Такие факторы разворачивания блогового текста, как возможность выступить адресантом сообщения, интерактивный обмен мнениями, контроль над темой обсуждения, предопределяют формат реакций респондентов, актуальные модели взаимодействия участников компьютерно-опосредованной коммуникации.

В ходе изучения прагматических и лингвокультурных аспектов связного порождения русскоязычных блоговых текстов:

- определены интерактивные нормы взаимодействия инициатора общения и его респондентов, а также конструктивный характер стимула респондента и реакции иного респондента на этот стимул;
- описана функциональная нагрузка риторических отношений контраста, уступки и причины-следствия, моделируемых блогером и реагирующими собеседниками;
- разработаны основы диктумно-диктумного, диктумно-модусного и модусно-модусного согласования инициативной реплики блогера и реакций респондентов в контексте контрастных, уступительных и причинно-следственных риторических отношений между дискурсивными шагами участников компьютерно-опосредованного общения;

- выявлена типология дискурсивных шагов блогеров и респондентов в составе связной реализации виртуального произведения;
- раскрыты и статистически изучены механизмы реакций респондентов на исходные сообщения блогеров, последующего реагирования блогеров на сообщения респондентов и респондентов — на стимулы других респондентов;
- системно описаны модели взаимодействия блогеров и респондентов в терминах согласия / несогласия при совместном связном разворачивании виртуального произведения.

Практическая ценность работы определяется перспективностью использования ее основных результатов для последующей теоретической детализации проблемы связной репрезентации текстов в компьютерно-опосредованной коммуникации, для определения прагматических и лингвокультурных закономерностей стыковки стимулирующих и реагирующих сообщений в асинхронных интерактивных формах общения.

Теоретические выводы, полученные в исследовании, могут найти применение в вузовском преподавании современного русского языка, стилистики жанров и регистров виртуального общения, в спецкурсах по проблемам контекстуального использования языковых средств в самых разнообразных коммуникативных ситуациях и таких ее лингвокультурологических переменных, как физическое пространство и культурный фон общения, дискурсивные роли собеседников, ситуативно предопределяемые грамматические средства воздействия.

Глава 1

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ БЛОГОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ

1.1. Компьютерно-опосредованная коммуникация: актуальные проблемные узлы, прагматические нормы, интерактивная природа

1.1.1. К уточнению понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация»

Компьютерно-опосредованная коммуникация предстает процессом согласования значений и смыслов, обладает следующими следствиями, важными для научного исследования:

- 1) осознание данного типа коммуникации предполагает анализ субъектов, вовлеченных в него, а социальный и лингвокультурный контекст, в котором коммуникация реализуется, играет ключевую роль;
- 2) в процессе разворачивания коммуникации собеседники прибегают к разнообразным видам деятельности, модифицируют исходные взаимоотношения между своими сообщениями и социальным / лингвокультурным контекстом их реализации. В традиционной модели коммуникации физическое присутствие обоим взаимодействующих субъектов в ситуации общения задействуется как параметр, на основе которого осуществляется разграничение диалогического взаимодействия и психологических отношений между индивидами, межсубъектной коммуникации, поддерживаемой, даже если между индивидами обнаруживается физическая дистанция [Радбиль, Рацибурская и др., 2021: 59]. В рамках компьютерно-опосредованной коммуникации каждый из двух и более собеседников имеет возможность не только осуществлять выбор актуальной информации, но и пополнять, детализировать ее. Другими словами, стирается различие между источником и получателем информации.

Компьютерно-опосредованная коммуникация конструирует особую виртуальную реальность. Виртуальная реальность определяется как «...реальное или имитированное окружение, в котором субъект восприятия... испытывает эффект телеприсутствия... Телеприсутствие фокусирует внимание на взаимоотношениях между индивидом, который одновременно является отправителем и получателем сообщения,

и опосредованным окружением, с которым индивид взаимодействует» [в переводе Steuer, 1992: 78].

Виртуальная реальность трактуется нами как электронный аналог реального пространства, в котором взаимодействуют собеседники. Эта реальность в свою очередь совмещает в себе убедительное моделирование эффекта физического присутствия собеседника, который скрывается за маской фиктивной идентичности. В условиях виртуальной реальности наблюдается взаимодействие собеседников, выявляющее их множественные «Я», что предстает своеобразным средством контроля разворачивающегося общения.

Компьютерно-опосредованная коммуникация — это процесс инициации и восприятия информации в виртуальной среде с опорой на технические устройства, обеспечивающие доступ к Интернету.

В настоящее время наблюдаются стремительные и конструктивные изменения в массмедийной сфере. Эти изменения осуществляются с опорой на такие технические средства, как компьютер, информационные и мобильные телефонные сети, Интернет, мультимедийные технологии. Массмедиа начинают отражать самые разнообразные конфигурации коммуникации, формы которой выявляют связь между сущностными характеристиками межличностного общения (превалирование индивидуальности говорящего субъекта, синхронизация) и свойств массовой коммуникации (превалирование целевой аудитории, использование инновационных технологий). Среди значительных преимуществ новых массмедиа исследователи выделяют прежде всего их интерактивную природу: изучаются не только уровни интерактивности, но и определяются ее параметры, практические сферы приложения [Ворошилова, 2010; Колесникова, 2009; Чичканов, 2011; Kikhtan, Klemenova, Ereshchenko, Kovalchuk, Kudryashov, 2019].

Современная эпоха межличностной телекоммуникации преимущественно сосредоточивается вокруг медиа, которые являются компьютерно-опосредованными. Инновационные медийные технологии порождают новый тип коммуникации, предопределяют иные поведенческие модели участников коммуникативного процесса, которые предполагают высокую степень индивидуальной вовлеченности собеседников в этот процесс.

В качестве сущностных характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации рассматриваются следующие параметры:

- интерактивность;
- оперативный обмен информацией между отправителем и получателем;
- асинхронность;
- равная роль собеседников в обмене актуальной информацией, совместном порождении общего семантического содержания виртуального текста;
- обеспечение собеседников возможностью выбора: чем шире диапазон выбора у пользователя сети Интернет, тем выше интерактивность конструируемого виртуального общения [Баркович, 2015; Гурочкина, 2015; Щипицина, 2010].

Широкое распространение компьютерно-опосредованной коммуникации проливает свет на новые условия общения, порождаемые электронными коммуникациями. Социальные и гуманитарные науки проявляют повышенный интерес к тем прагматическим эффектам, которые оказывает данный тип коммуникации на пользователей сети Интернет, социальные группы и организации (более подробно см. [Елькина, 2011; Ковтуненко, Былкова, Кудряшов, Корман, 2021; Палагина, 2011]).

Эти эффекты в свою очередь предопределяют концептуальное пересечение между исследованиями языка информационных технологий и анализом разнообразных коммуникативных процессов. Установлено, что психологические процессы, типичные для компьютерно-опосредованной коммуникации, имеют много общего с межличностным взаимодействием «лицо к лицу», а не только с технологическими процедурами [Золотухин, 2014; Кириллов, 2014; Ключева, 2014].

Научные труды, посвященные актуальным проблемам функционирования компьютерно-опосредованного языка, представляют собой новую и динамически развивающуюся сферу. Несмотря на то что первые новаторские исследования в данной сфере были опубликованы в 80-х годах прошлого столетия, лингвистический анализ компьютерно-опосредованной коммуникации начинает притягивать пристальное внимание исследователей только спустя десять лет, когда особую актуальность приобретает вопрос, связанный с тем, является ли данный

тип коммуникации проявлением устной или письменной формы языка. Лингвистические исследования этого периода посвящены проблемам поверхностных структурных особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации, к которым относят прежде всего акронимы, аббревиации и эмодиконы.

С этого момента — вплоть до настоящего времени — предмет исследования в данной сфере значительно усложняется. В фокус внимания лингвистов попадают проблемы использования языка в виртуальных текстах, функционирование в них категории вежливости, гендерные различия их создателей. Прослеживается, что участники компьютерно-опосредованной коммуникации вовлекаются в несколько одновременных потоков диалога [Егорова, 2014: 17; Kovtunenکو, Kurkimbayeva, Kudryashov, Ukolova, Kushvakha, Kovaleva, 2020], что в свою очередь по-особому предопределяет целостность и связность совместно порождаемых виртуальных текстов.

В социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах:

- изучается проблема выбора языковых средств, а также переключения и смешения кодов [Кожемякина, 2016; Носкина, 2016; Рыбакова, 2015];
- предлагаются разнообразные типологии виртуальных текстов с опорой на такие параметры, как статус участников коммуникации, их гендерные характеристики [Вишнякова, 2012; Гапон, 2016; Лазарева, 2016];
- устанавливаются традиции отдельно взятых языковых культур в функционировании компьютерно-опосредованного языка [Волкова, 2016; Калашникова, 2017; Кудряшов, Калашникова, 2015 (а); Кудряшов, Калашникова, 2015 (б); Кудряшов, Калашникова, 2015 (в)];
- проводятся кросс-лингвистические исследования, нацеленные на выявление специфических моделей функционирования того или иного языка в виртуальном пространстве [Карпун, 2013; Кольцова, 2013; Романова, 2009].

Подавляющее большинство упомянутых выше магистральных направлений языковедческих исследований проводится в русле более широких методологических и междисциплинарных перспектив — прагматической лингвистики, дискурсивного и конверсационного анализа

(более подробно см. [Былкова, 2022; Володина, Акай, Царевская, 2019; Кудряшов, Бурьянова, 2022; Палагина, 2013]).

При этом исследовательские подходы, разрабатываемые для анализа компьютерно-опосредованного языка, фокусируются преимущественно на таких трех феноменах, как:

- 1) понятия, которые являются доминирующими в классических прагматических исследованиях, таких как «импликатура», «пресуппозиция», «уместность», «речевые акты» и т. д.;
- 2) явления, специфические для изучения виртуальных форм коммуникации («аватар пользователя социальных сетей», «коммуникация в социальных сетях» и т. д.);
- 3) жанры и регистры виртуальной коммуникации («блоги», «смс», «чат» и т. д.).

С учетом указанных выше разрозненных феноменов в текущих исследованиях оспаривается сама релевантность понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация», поскольку современные коммуникативные технологии в виртуальном пространстве взаимодействия собеседников получают стремительное и поступательное развитие.

В отдельных публикациях активно задействуются альтернативные понятия, такие как «цифровые медиа», «новые виртуальные медиа» [Кириллова, 2017; Питько, 2016; Румак, 2012; Румянцева, 2012].

Однако, как представляется, подобные понятия являются достаточно широкими и не фокусируются на проблемах специфического использования языка в рассматриваемых нами сферах.

Понятие «компьютерно-опосредованная коммуникация», напротив, основывается на установленных традициях анализа языковых явлений, более широко используется в текущих исследованиях, а поэтому в данной научной работе мы опираемся именно на него.

Вопросы, связанные с выявлением специфики виртуальной деятельности собеседников в компьютерно-опосредованной коммуникации, интенсивно исследуются в рамках двух актуальных проблемных узлов — лингвистической прагматики и лингвокультурологии.

При этом под «**проблемными узлами**» мы понимаем те актуальные исследовательские парадигмы, которые являются методологической основой современного лингвистического исследования, основанного на антропоцентрической трактовке языка и языковой деятельности.

1.1.2. Прагматический проблемный узел исследования компьютерно-опосредованной коммуникации

1.1.2.1. Лингвистическая прагматика как актуальная сфера исследований

Проблемы исследования прагматической специфики компьютерно-опосредованной коммуникации актуализуют понятие прагматики. Принимая во внимание исследовательские границы данной дисциплины и междисциплинарную природу анализа функционирования языка в виртуальной сфере, мы можем сделать следующие комментарии. Мы понимаем прагматику гораздо шире, чем соответствующие классические концепции, которые фокусируются на изучении ограниченного набора феноменов, включая дейксис, импликатуры смысла, пресуппозиции и речевые акты [в переводе Levinson, 1983]. Мы в свою очередь занимаем позицию, согласно которой между прагматикой и лингвокультурологией не обнаруживается четких границ. Подобные границы, задаваемые академическим гуманитарным сообществом, оказываются более эвристическими, чем реальными.

Решение принять серединную установку на толкование прагматики (между широким и узким пониманием) представляется нам наиболее соответствующим для нашего научного исследования, поскольку оно обладает как разумной согласованностью, так и относительной репрезентативностью (более подробно см. [Буряк, Кудряшов, 2016; Современный русский язык., 2012]). Основная причина того, что мы избегаем узкого взгляда на прагматику, заключается в том, что использование языка в компьютерно-опосредованной коммуникации может быть все-сторонне охарактеризовано только с опорой на широкую исследовательскую перспективу, которая принимает во внимание сложные переплетающиеся связи между такими явлениями, как контекстуальное использование языка и технически опосредованные языковые формы.

Другой способ фиксации подхода, представляемого в нашей работе, прослеживается в текущих исследованиях, посвященных внутреннему структурированию прагматики. В частности, системно разграничиваются два подхода к прагматике. Во-первых, прагматика рассматривается как теоретический домен определенной проблематики, связанной

с выявлением тех или иных моделей функционирования языковых и речевых явлений [Григоренко, 2016; Минчук, 2017; Штатская, 2016]. Во-вторых, в рамках прагматики анализируются лингвистические проблемы, которые не могут быть разрешены в терминах грамматики языка [Долгоруков, 2013; Шевцова, 2015; Kescses, 2016]. Классический подход к прагматике выявляет узкое понимание данной исследовательской дисциплины, иллюстрирует «кодовый» потенциал языка [Кудряшов, 2021; Новикова, 2017, 2018; Laskova, Lazarev, Kudryashov, 2021].

Отправной точкой исследования в нашей работе предстает компьютерно-опосредованная коммуникация, в рамках которой средства современного русского языка кодируют определенное семантическое содержание совместно порождаемого текста, наделяются не менее определенными разговорными, социальными, лингвокультурными и интеракционными смыслами. Мы также учитываем многогранность понятия «контекст» в процессе намеренного использования языка с опорой на жанровое своеобразие компьютерно-опосредованной коммуникации.

1.1.2.2. Прагматическая специфика функционирования языка и жанра в компьютерно-опосредованной коммуникации

Рассматриваемый нами тип коммуникации проливает свет на жанровое своеобразие общения в сети Интернет. Интернет создает условия как для специфических форм взаимодействия собеседников, новых разновидностей фрагментации совместно порождаемых текстов, так и для инновационных способов совместного конструирования значений и смыслов, которые превосходят такие традиционные понятия, как «непринужденный диалог», «повествование», «описание» и т. д. [Палкова, 2013; Шлейвис, Елькин, 2012].

Проблема классификации языка, функционирующего в виртуальной среде Интернет, все чаще озвучивается и решается в текущих лингвистических исследованиях с опорой на современные прагматические и риторические концепции. При этом акцент делается на социаль-

ной и лингвокультурной идентичности участников виртуального общения.

Исследователи приходят к заключению, что проблема определения жанра является более подвижной в компьютерно-опосредованной коммуникации, чем на уровне устных и печатных медиа [Куст, 2013; Федорова, 2014; Щипицина, 2009]. Жанры исходно определяются с опорой на их внешние функции. Относительно компьютерно-опосредованной коммуникации они оказываются более многофункциональными и подверженными изменениям, последовательно адаптируют социальную и межличностную функции.

В связи с этим выявление жанровых инвариантов данного типа коммуникации на функциональном уровне представляет собой актуальную проблему. Эта проблема усложняется тем, что различия между порождением текстов в рамках компьютерно-опосредованного общения, обменом мгновенными сообщениями и использованием электронной почтой проявляют тенденцию к стиранию различий в плане функций, присущих данным видам виртуальной деятельности. Для отдельных жанров компьютерно-опосредованной коммуникации сложность представляет определение четких прототипов, поскольку эти жанры предстают «гибридными по своей прагматической сути» [Марченко, 2012: 189].

Проблема усложняется еще и тем, что компьютерно-опосредованная коммуникация «оказывается чувствительной к инновациям, характеризуется открытостью по отношению к быстро меняющимся техническим условиям цифровых форм общения» [Клюева, 2012: 140]. Подвижность проблемы жанра в сфере Интернет предопределяет низкую степень обобщений уникальной жанровой специфики виртуального общения, фактически принуждает исследователя принять теорию жанров как открытую систему характеристик [Горошко, Павлова, 2015; Горошко, Полякова, 2015; Кусяев, 2015; Щипицина, 2014]. Участники виртуального общения сочетают разнообразные технические регистры, поддерживают авторство виртуального текста с опорой на процессы его интеракционного порождения. В связи с этим проблематизируется традиционное понятие повествования.

В добавление к этому получают модификацию те концепции жанра, которые разрабатываются на основе представлений об устной и

письменной форме функционирования языка, а также базовые прагматические понятия, такие как «перформативность», «релевантность». Инновационное восприятие указанных концепций и понятий становится следствием высокой степени опосредованности, присущей коммуникативной ситуации виртуального общения. Данная ситуация заметно уменьшает значимость наблюдаемой и выявляемой информации о собеседниках, оставляет больше пространства для домысливания, открывает широкие возможности для того чтобы собеседники, вступая в виртуальное общение, надевали «речевую маску».

Другими словами, существенные изменения вносятся в само представление о коммуникации: модель коммуникации как процесс передачи информации от говорящего субъекта к собеседнику утрачивает свою актуальность, оспаривается вследствие прагматической действительности новых условий общения, к которым можно отнести прежде всего асимметрию между инициатором и получателем сообщения, асинхронный характер межличностного взаимодействия.

Традиционные модели коммуникации не принимают во внимание такой характер сотрудничества собеседников, который стимулирует взаимную ответственность за успешность общения, стремление партнеров по взаимодействию адаптироваться к текущему коммуникативному процессу. Как отмечают исследователи, теория коммуникации, в основе которой лежит идея о передаче информации, отделяет знание от коммуникативного процесса, трактует знание как артефакт, существующий независимо от собеседников, в результате информация становится независимой сущностью, передаваемой по определенным каналам [Васильева, 2010: 67; Кашкин, 2013: 132; Паршукова, 2017].

В традиционных представлениях коммуникация реализуется лишь с учетом общих оснований между собеседниками, таких как взаимное признание индивидуальных ожиданий, общность взглядов на актуальную проблему, соблюдение правил коммуникативного сотрудничества, являющихся необходимым механизмом в поступательном разворачивании общения [Кудряшов, Клеменова, 2015, 2016]. Компьютерно-опосредованная коммуникация порождает альтернативную концепцию коммуникативного процесса, поскольку базируется на идее о том, что собеседники совместно конструируют актуальные значения и смыслы.

1.1.2.3. Интерактивность как базовая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации

Специфика компьютерно-опосредованной коммуникации также вносит существенные изменения в представления о взаимодействии собеседников, т. е. концепцию интерактивности. Понятие об интерактивности широко используется во многих сферах гуманитарного и технического знания, однако все еще лишено универсального определения. Предпринимаются многочисленные попытки дефинировать это понятие с опорой на самые разнообразные параметры.

Прежде всего интерактивность определяется с точки зрения виртуальной среды общения, идентификации базовых характеристик этой среды, в которой пользователь сети Интернет осуществляет воздействие на форму и/или содержание опосредованного сообщения [Елинер, 2013; Никитенко, 2009; Орлова, 2014]. В этом отношении интерактивные медиа дефинируются как технологии, которые обеспечивают межличностное общение через телекоммуникационные каналы, потенциальное свойство медиа предоставлять пользователям возможность предопределять форму и содержание опосредованной коммуникации.

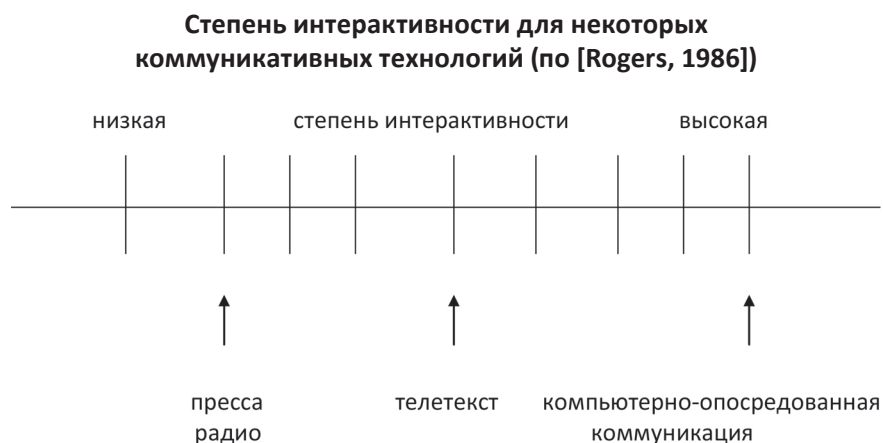
Другие исследователи говорят о том, что суть интерактивной коммуникации заключается в возможности задействовать информацию, поступающую от других пользователей сети Интернет [Андроникова, 2016; Бадмаева, 2014; Парахневич, 2013]. Индивид, воспринимая актуальную информацию, делает выбор в пользу сотрудничества с другим индивидом. Функция виртуальной среды общения заключается в том, чтобы облегчить коммуникативное сотрудничество между индивидами, пользователями сети Интернет.

В связи с этим такие параметры, как обмен сообщениями, оперативное реагирование, совместное участие в порождении виртуального текста, рассматриваются как ключевые для интерактивного взаимодействия собеседников, а сама интерактивность определяется как «двусторонняя коммуникация между источником и получателем информации или более широкая разнонаправленная коммуникация между различными источниками и получателями информации» [в переводе Pavlik, 1998: 137].

Другими словами, исследовательский акцент делается на стимулирующих сообщениях и реакциях на это сообщение, мониторинге актуальной информации, которая потенциально нацелена на обратную связь с другими пользователями сети Интернет. Инициатор виртуального общения и его респонденты удовлетворяют коммуникативные потребности друг друга в определенной степени. Виртуальная среда общения оптимально обеспечивает данный процесс, оперативный характер ввода информации и множественных реакций на нее.

Е. М. Роджерс определяет интерактивность как «способность новых коммуникационных систем... обеспечивать возможность обратной связи с пользователями этих систем, которая в свою очередь характерна для непосредственного межличностного взаимодействия в спонтанном разговоре» [в переводе Rogers, 1986: 34]. В представлениях данного исследователя интерактивность оказывается переменной величиной, поскольку выражает разную степень проявления в различных типах опосредованного общения. Основываясь на приведенном выше определении, Е. М. Роджерс создает шкалу, в которой иллюстрирует «степени интерактивности» для некоторых коммуникативных технологий. Эта шкала воспроизводится на Схеме 1.

Схема 1

В качестве ключевых элементов интерактивности в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации на русском языке мы рассматриваем следующие:

- игровая форма: способность инициатора сообщения удовлетворять коммуникативные потребности целевой аудитории;
- обеспечение пользователей возможностью выбора в системе навигации, характерной для виртуальной реальности;
- оперативная связь между собеседниками: текстовая информация, аудио- и видеоклипы, анимированная графика усиливают у собеседников чувство оперативной связи между собой;
- взаимный характер коммуникативного процесса: обеспечивая определенную информацию собеседникам, отправитель сообщения в ответ ожидает, что целевые адресаты установят обратную связь, сформируют петлю обратной связи.

В текущих исследованиях приводятся фактические данные, которые свидетельствуют о том, что интерактивность опосредованного виртуального общения усиливается, если:

- двусторонняя коммуникация обеспечивает возможность активного вовлечения собеседников в процесс общения, оперативность реагирования на исходное сообщение;
- коммуникативная среда порождает пространственно-временные рамки общения;
- у собеседников создается впечатление о том, что они контролируют виртуальную среду общения, возможность обратной связи на их сообщения;
- цели коммуникации в большей степени ориентируются на обмен информацией, а не на убеждение признать определенную точку зрения;
- собеседники имеют возможность манипулировать формой, содержанием и оперативностью как характеристиками виртуальной среды общения [Войскунский, Дорохова, 2010: 70; Мельник, 2013: 11; Никитенко, 2012: 159; Lukina, 2013: 184].

С опорой на разнообразные представления об интерактивности и способы ее поддержания в компьютерно-опосредованной коммуникации в рамках нашего исследования мы определяем этот феномен

следующим образом. Интерактивность — это сущностная характеристика коммуникативного процесса, элементы которого (отправитель и получатель информации, виртуальная среда общения, стимулирующее сообщение и реакции на него) формируют уникальную обстановку общения. Временной фактор в данной обстановке общения проявляет гибкость в плане удовлетворения коммуникативных потребностей собеседников.

1.1.2.4. Синхронность / асинхронность как прагматические показатели интерактивности

С учетом фактора времени выделяется два типа компьютерно-опосредованной коммуникации — синхронная и асинхронная. Синхронный коммуникативный процесс реализуется, когда наблюдается одновременное общение между двумя или более собеседниками в условиях реального времени (например в чатах); асинхронная коммуникация характеризуется отсутствием одновременности в инициации стимулирующего сообщения и последующих реакций на него (например в блогах). В результате экспериментальных исследований выявлено, что компьютерно-опосредованная коммуникация существенно отличается от неэлектронных письменных коммуникаций в плане таких параметров, как уровень социального присутствия и информативное богатство [Лободенко, 2012]. При этом под «социальным присутствием» мы понимаем восприятие пользователем способности коммуникативных средств фокусировать внимание на том, что взаимодействующие субъекты действительно существуют; под «информативным богатством» — способности коммуникативных средств «сцеплять» самые разнообразные темы, освещать их не двузначным образом в условиях данного временного промежутка.

Асинхронная компьютерно-опосредованная коммуникация обладает специфическими характеристиками, которые отличают ее от других форм коммуникации. К подобным характеристикам исследователи относят интермедиаальность (синтез разных видов искусств в одном произведении) [Хаминова, Зильберман, 2014], гипертекстуальность [Синенко, 2008], пакетную коммутацию [Валов, Лихачев, Шаврин, 2011],

интерактивность. Коммуникативный процесс, осуществляемый с использованием клавиатуры и монитора, требует больше времени, чем непринужденная коммуникация «лицо к лицу», отсутствие таких метакоммуникативных параметров, как возможность видеть выражение лица собеседника, улавливать тон его голоса, побуждает собеседников осуществлять поиск «компенсирующих» способов коммуникации.

Указанные ограничения делают взаимодействие в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации более разреженным по сравнению с общением «лицо к лицу». Этот тип общения преимущественно наблюдается в условиях конструктивного сотрудничества собеседников, регулируется совместными корректировками и детализациями. Компьютерно-опосредованная коммуникация имеет место в менее кооперативной обстановке, поскольку виртуальная среда общения налагает на нее определенные ограничения.

В частности, в асинхронной опосредованной коммуникации не проявляются такие характеристики общения «лицо к лицу», как:

- совместные обязательства по сотрудничеству, которые принимают на себя участники общения, совместное формулирование сообщения;
- мгновенная обратная связь, позволяющая незамедлительно перерабатывать значения и смыслы сообщения.

В настоящее время соприсутствие стимулирующего и реагирующих высказываний (а не физическое соприсутствие собеседников) рассматривается в качестве сущностной характеристики компьютерно-опосредованной коммуникации, в рамках которой собеседники оказывают речевое воздействие на вербальные действия друг друга, регулируют процесс виртуального общения с опорой на возможность обратной связи. В результате когниции собеседников отчетливо приобретают социальные коннотации.

Интенсивное развитие новых медийных технологий делает возможным осуществлять оценочные отзывы, что позволяет судить об интерактивности как базовой характеристике компьютерно-опосредованной коммуникации, в частности на русском языке. Виртуальная реальность — в большей степени, чем какие-либо другие технологии, — реализует отрешенность коммуникативного взаимодействия от физического соприсутствия собеседников в непосредственном акте общения, что в

свою очередь дает возможность адресанту и адресату манипулировать своей идентичностью [Байков, 2013: 25; Ильин, 2009: 307; Магда, 2017: 36; Kovtunenکو, Kudryashov, 2019: 5]. Компьютерно-опосредованная коммуникация не гарантирует, что идентичность, исходно заявленная собеседником, является реальной. В этом отношении данный тип коммуникации можно рассматривать как яркий пример виртуального («киллюзорного») диалога / полилога, в котором не соблюдаются (или частично соблюдаются) конвенции и нормы эффективного взаимодействия собеседников.

Компьютерная опосредованность порождает асимметричный дисбаланс во взаимоотношениях между отправителем и получателем информации: адресант передает сообщение, которое может остаться без ответа, не достигнуть целевого адресата; адресат в свою очередь не имеет гарантий, что отправитель сообщения заявил свою реальную идентичность. Анализ дискурсивного взаимодействия собеседником предполагает детализацию социального и лингвокультурного контекста, в котором это взаимодействие осуществляется. А поэтому виртуальные образы собеседников должны трактоваться не как пользователи определенных систем, а как социальные деятели.

Индивиды, вступающие во взаимодействие через компьютер, оказываются изолированными от социальных правил, менее подвержены критике и контролю со стороны. Приватность наделяет пользователей сети Интернет тем чувством, что они могут быть менее сдержанными во взаимоотношениях с другими пользователями. С другой стороны, сокрытие личностной идентичности может стимулировать индивидов к нарушению социальных правил общения, избирать вербальный стиль, оскорбляющий собеседников. Подобное положение дел приводит к тому, что некоторые исследователи-философы анализируют компьютерно-опосредованную коммуникацию как сферу реализации социального вакуума, который заметно редуцирует социальную реальность до психологической связи между индивидами [Воробьев, Сыров, 2009; Ляшенко, 2009; Стерледева, 2010].

В рамках данного типа общения взаимоотношения между индивидом и социальным / лингвокультурным контекстом определяются в когнитивных терминах. Участник общения характеризуется не столько фиксированным «Я», сколько множественной самокатегоризацией,

включая личностную, социальную и лингвокультурную идентичность [Былькова, Кудряшов, 2017: 171; Котова, Кудряшов, 2016: 818]. Категоризация и индивидуализация своего «Я» оказывают существенное влияние на дискурсивное поведение пользователя сети Интернет.

Определение коммуникации как совместного конструирования социальной реальности с использованием систем знаков и дискурсивных конвенций оптимально применяется к анализу компьютерно-опосредованной коммуникации как проявлению виртуального общения. Разница состоит в том, что в условиях последнего типа коммуникации реальность совместно конструируется собеседниками асимметричным образом, поскольку респондент в любой момент может прекратить общение или продолжить его, взяв на себя функцию отправителя информации.

В этой связи некоторые исследователи при анализе сущностных характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации задействуют понятие «электронный оппортунизм» [Rocco, Warglien, 1995], а сама коммуникация может быть дефинирована как процесс, посредством которого социальные субъекты согласуют семантическое содержание обсуждаемых ситуаций.

1.1.3. Лингвокультурный проблемный узел исследования компьютерно-опосредованной коммуникации

1.1.3.1. Лингвокультурный контекст реализации компьютерно-опосредованной коммуникации

Лингвокультурный контекст, в котором реализуется компьютерно-опосредованная коммуникация на русском языке, рассматривается нами как физическая и концептуальная сущность: участники коммуникативного процесса воспринимают и обсуждают ситуации, используя культурные модели, предопределяющие их дискурсивную активность. Этот контекст в свою очередь не является стабильным: культурные модели испытывают различного рода модификации под воздействием дискурсивных действий собеседников, осуществляемого ими выбора языковых средств воздействия.

Контекст взаимодействия участников виртуального общения можно трактовать как символическую систему русской лингвокультуры, которая постоянно видоизменяется под воздействием действенных практик дискурсивного взаимодействия [Панков, 2018, 2019]. Контекст связывает ситуацию общения с социальными и лингвокультурными нормами с опорой на использование компьютерных технологий.

Разрабатывается трехуровневая модель подобного контекста, которая включает в себя:

- 1) общий социальный и лингвокультурный контекст текущего общения;
- 2) обыденный контекст повседневной действительности;
- 3) локальный контекст конкретного взаимодействия, осуществляемого с помощью компьютера [Вязигина, 2015: 110; Дзараева, Смирнова, 2016: 35; Изотова, 2014: 5].

Анализ проведенных исследований выявляет тот факт, что взаимосвязи между этими тремя уровнями рассматриваются в двух направлениях, отправной точкой научных трудов становится либо использование компьютера, либо социальный и/или лингвокультурный контекст, моделируемый в процессе виртуального общения. Использование компьютера рассматривается как сфера повседневной жизни, которая в свою очередь предстает интегральной частью более широкого социального и лингвокультурного контекста. Вступая во взаимодействие, в условиях непосредственного физического и социального / лингвокультурного контекста субъекты активируют обмен дискурсивными действиями, который предопределен конвенциями русской лингвистической культуры.

Формируемый при этом контекст обеспечивает элементы, необходимые для оптимальной интерпретации текущей ситуации общения, а сама ситуация порождает цели, которые предопределяют компьютерно-опосредованное взаимодействие. В этих условиях социальный контекст может быть определен как символическая система русской лингвистической культуры, которая беспрестанно видоизменяется в процессе взаимодействия собеседников. Данный тип контекста, как представляется, не может быть исчерпывающе объяснен лишь в терминах межличностных взаимодействий собеседников или физического окружения, в рамках которого наблюдается обмен актуальной информацией, в том числе и фатического характера.

1.1.3.2. Социальный контекст реализации компьютерно-опосредованной коммуникации

Социальный контекст — это необходимое предварительное условие коммуникации, символический порядок, в котором дискурсивные действия собеседников наполняются релевантным семантическим содержанием, а поэтому приобретают потенциал порождать актуальные значения и смыслы [Клеменова, Кудряшов, 2015: 283]. Контекст компьютерно-опосредованного общения совместно конструируется собеседниками как социальными деятелями, которые используют коммуникативный процесс в целях обмена значениями и смыслами, а не просто сегментами информации. Другими словами, содержание компьютерно-опосредованной коммуникации составляет интерпретации тех ситуаций, в которые вовлечены участники общения.

Наиболее эффективным способом прояснения семантического содержания стимулирующих и реагирующих сообщений оказывается их соотношение с контекстом порождения актуальных значений и смыслов. Этот контекст является общим для собеседников, активизирует их отношение к сказанному, их эмоционально-волевые состояния, которые системно проявляются в процессе производства дискурса. Между ментальными и коммуникативными процессами выявляется существенная связь. В этом ключе актуальными предстают исследования тех взаимосвязей, которые прослеживаются между коммуникацией, социальным контекстом, «Я» и идентичностью собеседников.

Проблема имманентных связей дискурса, диалога, ментальных процессов, проистекающих в сознании собеседников (включая их отношение к сказанному и эмоционально-волевые состояния), с социальным контекстом предстает приоритетной сферой исследований в российской классической гуманитарной мысли. В частности, Л. С. Выготский анализирует взаимосвязь между ментальными процессами и социальным контекстом на примере диалогов между взрослым и ребенком [Выготский, 2005: 342]. Мыслитель полагал, что данная культурно обусловленная форма диалога интернализуется ребенком на уровне его ментальных процессов. Внешний язык и внутренний диалог соотносятся специфическим образом, эта взаимосвязь играет

конструктивную роль в формировании идентичности субъекта, высших ментальных процессов. Взаимодействие с другим субъектом, способы передачи значений и смыслов, обнаруживаемые в этом случае, являются фундаментальными в процессе осуществления сдвига от внешнего языка к внутреннему диалогу.

В условиях речевого общения субъект не только действует как индивид, преследующий определенные цели, но и активно сотрудничает с собеседником в процессе выявления диалогических позиций друг друга. «Я» субъектов общения участвует в совместном производстве диалогического текста, когерентность которого моделируется субъективным образом [Азарова, Кудряшов, 2015: 32; Рацибурская, 2017: 126]. На этой стадии общения собеседники рассматривают друг друга в качестве оппонентов своих смысловых позиций, противоречивых по своей сущности, надевают разнообразные «речевые маски», нацеленные на достижение перлокутивного эффекта общения.

Подобные положения, концептуально важные для нашего научного исследования, также созвучны идеям транзакционального контекстуализма, интенсивно разрабатываемым в антропологии и социологии. В частности, М. Розальдо утверждает, что «понятие “Я” развивается не только как внутренняя сущность, но и испытывает воздействие со стороны социального мира, личного опыта индивида, накопленного в мире значений, смыслов, образов и межличностных взаимоотношений, в которые неизбежно вовлекается индивид» [в переводе Rosaldo, 1984: 240].

Прочная связь между «Я» говорящего субъекта и физическим окружением определяется как «психосоциальный гомеостазис», неослабевающая попытка установить баланс между удовлетворением дискурсивных потребностей и требованиями, налагаемыми социальным и культурным контекстом. Психологические исследования, посвященные самооценке говорящего субъекта, свидетельствуют о том, что концепция «Я», которой придерживается говорящий субъект, предопределяется как образом собеседника, так и позитивными / негативными замечаниями, которые делает собеседник. Таким образом, «Я» говорящего субъекта трактуется как продукт ситуации общения, рассматривается в качестве гарантии стабильности общения и своеобразного барометра, отражающего изменения в лингвокультурном климате.

Субъект коммуникации принужден одновременно воспринимать как физическое окружение, в котором он де-факто присутствует, так и окружение, представляемое технологической средой. В последнем случае исследователи говорят о «телеприсутствии», определяемом как «компьютерно-опосредованный опыт фиксации своего «Я» в виртуальном общении» [в переводе Steuer, 1992: 75—76].

Теоретические положения, приведенные выше, наглядно иллюстрируют пересечение между мыслительными процессами создателей виртуальной реальности и базовыми принципами коммуникативного взаимодействия. С одной стороны, виртуальная реальность фактически предстает параллельным универсумом, порождаемым и в дальнейшем поддерживаемым сетью Интернет, в рамках которой взаимодействуют субъекты. С другой стороны, виртуальная реальность — это коммуникативная среда, в которой собеседник в значительной степени является убедительным в терминах физического проявления (облика), но в меньшей степени предстает осязаемым и правдоподобным в терминах физической идентичности.

Данный парадокс основывается на том факте, что физическое присутствие другого индивида моделируется должным образом, истинное же лицо собеседника исчезает под маской ложной идентичности. Пользователи сети Интернет часто избирают заведомо фиктивный «никнейм», открыто признают вымышленную идентичность, заявляемую другими пользователями.

В рамках одного и того же виртуального сообщества представитель может конструировать и проектировать самые разнообразные маски, которые функционируют как «делегированные марионетки-субъекты» [в переводе Stone, 1991: 105]. В частности, как показывают наши наблюдения, общепринятой практикой предстает изменение гендерной принадлежности в силу достаточно специфических причин, прежде всего чтобы познакомиться с представителями противоположного пола, изучить палитру эмоционально-волевых реакций, присущих им, или исключительно в комических целях.

Однако в данном случае возникает явная проблема: как можно осуществлять процесс коммуникации, не подвергая риску свою идентичность? Как мы уже увидели, компьютерно-опосредованная коммуни-

кация настоятельно требует соблюдения определенных правил и специфического кодирования культурных ожиданий в силу того, что в ее рамках многие параметры диалога «лицо к лицу» являются разреженными. Конструируя ложную идентичность, субъект вынужден прибегнуть к более широкому использованию социальных и культурных стереотипов, если он желает, чтобы его идентичность была признана и принята другими субъектами.

В личностной идентичности пользователя сети Интернет могут наблюдаться изменения. В этой связи разрабатывается концепция возможных «Я» индивида, которая выявляет возможные изменения, как и дается теоретическое обоснование взаимоотношений между идентичностью индивида и контекстом текущего виртуального общения [Markus, Nurius, 1988]. Возможные «Я» «обеспечивают специфическую когнитивную форму нашим желаниям к контролю, власти и обладанию, нашим широко распространенным страхам перед неудачами и проявлением некомпетентности» [*в переводе* Markus, Nurius, 1988: 960].

Несмотря на то что возможные «Я» образуют наш репертуар альтернативных «Я», их сущностная характеристика заключается в том, что они свободны от прямого социального контроля: «...индивиды выражают о себе определенные идеи, которые, строго говоря, не коренятся в социальной реальности..., возможные “Я” представляют собой видения “Я”, апробированные социальным опытом» [*в переводе* Markus, Nurius, 1988: 955]. Потенциально субъект может порождать бесконечное множество возможных «Я», но все они сочетают в себе личностный опыт субъекта, коммуникативное окружение, с которым он хорошо знаком.

Таким образом, понимание социальной, лингвокультурной и психологической предопределенности субъективного характера компьютерно-опосредованной коммуникации выявляет исследовательскую действенность таких феноменов, как сетевая реальность, виртуальный диалог и конструирование личностной идентичности. Когниции пользователей сети Интернет рассматриваются нами как координированная деятельность, результаты которой обнаруживаются не в сознании отдельного пользователя, а в виртуальном пространстве между сознаниями двух или нескольких пользователей.

1.2. Блог как виртуальная реальность социального, лингвокультурного и межличностного общения

1.2.1. Блогосфера, блог, блогер как актуальные понятия компьютерно-опосредованной коммуникации

Блогосфера — это глобальный феномен, который превосходит зримые и незримые границы между разнообразными языками и сообществами, дает возможность преодолеть конфликт интересов и прийти к общему мнению. Блогосфера репрезентирует намеренное самовыражение личности, которая делает последовательные попытки оказать должное впечатление на своих собеседников, контролирует обнародованную информацию и ее языковое / речевое оформление. Блогосфера трактуется одновременно как общественная — физическая и виртуальная — сфера, в основе которой лежит социальная интеракция, и «невидимый колледж», сообщество индивидов, осуществляющих поиск нового знания [DeLong, 2006; Wagner, 2008]. Блогосфера отражает и воплощает собой особый тип — «эпистемической» — культуры, в рамках которой знание не только порождается, но и верифицируется, приобретает действенность [Knorr-Cetina, 2007: 68].

Блог — это прежде всего частотно обновляемый совместный онлайн-дневник, в котором пользователи сети Интернет размещают записи о своем личностном опыте и интересах, как правило, в обратном хронологическом порядке. Текущие записи блогеров представляют собой дискурсивный континуум между монологом и диалогом, поскольку проецируются преимущественно на широкого пользователя сети Интернет.

Блоги проявляют явные социальные характеристики, поскольку, как уже отметили, пользователи сети Интернет не только порождают актуальное содержание посредством инициации сообщений и их последующего комментирования, но и создают новые онлайн-сообщества, которые обладают устойчивым лингвокультурным своеобразием. В добавление к этому блоги характеризуются как альтернативные медиа, поскольку их создатели и респонденты не рассматриваются как представители социально-пассивной аудитории.

Блоги — это каналы для интерактивного сотрудничества, сфера, в рамках которой объединяются пользователи сети Интернет, обладающие сходными предпочтениями и интересами. Относительная открытость блогосферы — озвучивание широкого разнообразия разнородных голосов — предполагает, что каждый пользователь сети Интернет может принять участие в обсуждении и комментировании актуализованной проблемы, среди множества перспектив решения актуальной проблемы внимание блогеров и читателей сосредоточивается на тех точках зрения, которые, по их мнению, являются наиболее действенными и аргументированными.

Диалоги и дискуссии осуществляются при открытом доступе как исходных сообщений блогеров, так и последующих читательских комментариев. Следует отметить, что сарказм, резкая критика и не всегда уместный юмор трактуются как доминирующие стилистические характеристики коммуникации в рамках блогов. Вместе с тем между блогерами и читателями обнаруживается неявное соглашение относительно того, в каких случаях «вспыльчивый» тон является уместным и эффективным: наряду с актуальными проблемами участники виртуального общения также открыто обсуждают нормы стиля виртуального повествования, этикет общения среди пользователей сети Интернет.

Блог — это «голос» отдельно взятой личности, который в попытке обрести абсолютную истину трансформирует онлайн-сообщение в диалог, фиксируя отзвуки предварительно услышанного и увиденного. При этом истина становится индивидуальным проектом, а не абсолютной ценностью, санкционированной компетентными авторитетами. Являясь продуктом эпохи деконструктивизма, блоги предлагают стороннему наблюдателю беспрестанный поток мнений, интерпретаций событий, фактов и явлений, которые не всегда соответствуют общепринятым представлениям и категориям, что находит непосредственное отражение и в их языковом оформлении. Нетривиальная смысловая позиция в свою очередь порождается как реакция на усиливающуюся сложность межличностных отношений в повседневной реальности, несоизмеримость различных представлений об этой реальности и отсутствие взаимопонимания относительно ее истоков и движущих сил.

В метафорическом смысле **блогер** может быть уподоблен актеру, исполняющему главную роль на сцене, скрывающему свое истинное

«Я» от зрителей, надевающему маску, которая предопределена исполняемой ролью. Однако прагматическая природа блогов дает возможность адресату в той или иной степени разглядеть истинное «Я» их авторов. В каждом блоге системно проявляется образ автора: даже блоги, фокусирующиеся на новостных сообщениях, исследовательской проблематике или темах, представляющих повышенный общественный интерес, инкорпорируют в себе личностные элементы, включая фотографии, биографические сведения, указания на испытываемые эмоции, юмористические комментарии.

Вместе с тем блогер, иницируя стимулирующие сообщения, ориентируется на образ целевой аудитории, инкорпорирует знания об этой аудитории в стилистический и риторический потенциал своих сообщений. Образ целевой аудитории (образ адресата) предстает интегральной частью искусных риторических стратегий блогера, трактуемых в терминах «социального лица», «категории вежливости». В конечном счете эти стратегии блогера нацелены на конструирование и поддержание своего позитивного имиджа. Общение, разворачиваемое между блогером и читателями, предстает эффективным в том смысле, что лишено какого-либо социального давления со стороны коммуникативного партнера.

Блогосфера представляет собой классические социальные сети, обладающие специфическими характеристиками, которые оказываются идеальными для лингвопрагматического и лингвокультурного исследования. Во-первых, коммуникация, осуществляемая в данной сети, отражается в форме текста, сегменты которого не удаляются со временем, а помещаются в архив. В блогосфере оказывается возможным проследить совместно порожденный текст от исходного сообщения до последнего комментария и реконструировать как поток выраженных идей, так и структурную связность при отражении этих идей в виде текста. Во-вторых, явно устанавливаются — через ссылки — социальные связи совместно порожденного текста с другими текстами. В рамках своих сообщений блогеры делают ссылки на другие блоги, чтобы направить читателей на важную информацию.

Блоги поддерживаются за счет диалога между различными пользователями интернет-сети, стимулирующие и реагирующие реплики в рамках которого спонтанно связываются общей темой обсуждения.

Эти диалоги проистекают из исходной записи (реплики), реализующей некоторое значение, мнение одного голоса, и в результате формируют крупномасштабную гетероглоссию, выявляющую сложное семантическое содержание. Текст исходной записи может представлять собой спонтанно возникшую мысль или идею блогера, его оценочное суждение по поводу некоторого события, факта или явления, а также новостное сообщение. Другие пользователи интернет-сети, воспринимая исходный текст, фиксируют свои реакции на прочитанное, как правило, делают попытку активного вовлечения в дальнейшее обсуждение. Диалогичность текстов блогов усиливается также за счет прямых ссылок на другие сайты, содержащие актуальную информацию.

Пользователь сети Интернет, поддерживая функционирование блогосферы, удовлетворяет потребность представить себя другим участникам созидательного виртуального процесса как индивида, стремящегося получить отзывы на выражаемую точку зрения. Респонденты, высказывая собственное мнение и взаимно комментируя смысловые позиции друг друга, реализуют коммуникативную стратегию самопрезентации, делают особый акцент на возможности «озвучить» свой индивидуальный голос.

1.2.2. Прагматическое своеобразие исследования текстов русскоязычных блогов

В последние годы наблюдается всплеск интернет-коммуникации и издательских форумов на русском языке, которые заметно снижают барьеры в сфере производства и распространения личностной информации. Некоторые исследователи порицают распространение онлайн-публикаций, которые, по их мнению, являются хаотическими, не соответствующими общепринятым стилистическим стандартам, другие — заявляют о появлении демократической, всеохватывающей сферы свободной речи, общественных дебатов, открытого обмена знаниями и опытом и в конечном итоге глобального сотрудничества.

Технологическая эпоха создает уникальные возможности для языкового фиксирования и широкого распространения личностной информации в российской сети Интернет. Исследователи указывают на

тот факт, что интенсивное развитие таких технологий, как электронная почта, чаты и различного рода социальные сети, с неизбежностью приводит к широкому распространению развоплощенного, лишённого плоти образа повседневной жизни [Lyon, 2001: 21; Nardi, Schiano, Gumbrecht, 2004: 223].

В условиях подобных технологий «Я» отдельного индивида сталкивается с «Я» другого индивида, появляется возможность формирования виртуального сообщества между различными, но в некотором отношении сходными «Я», творческого самовыражения и документирования личностного опыта. Индивид, вступающий в фатический контакт с новыми собеседниками, вызывает особый интерес у адресатов, оказывает на них эффект первого впечатления. В этой связи психологи разграничивают впечатления, которые индивид:

- стремится оказать на собеседников (контролируемое самовыражение, осуществляемое в форме традиционной вербальной коммуникации);
- реально на них производит (широкий диапазон действий, интерпретируемых собеседниками как реализуемые в силу определенных причин, симптоматичные для данного индивида) [Петрова, 2000: 163; Соколова-Бауш, 1999: 51].

В текстах блогов калибруются трудности знаний о важности обычного, заурядного события. Создавая подобные тексты, участники виртуального общения делают попытку зафиксировать сиюминутное настроение, возникшее влечение к кому-либо, недавно обнаруженные факты, т. е. эпизодическую природу повседневного существования.

Блоги обновляют общепринятые маркеры рутинности и прозаичности, вырывая эти явления из одного повседневного опыта и вводя их в другой повседневный опыт. Реактивные сообщения читателей на исходную информацию блогера последовательно выявляют модель динамичных изменений в представлениях о повседневной жизни, в них делается попытка установить, почему эти изменения следует фиксировать, в чем их аксиологическая сущность.

Как микрокосм интернет-блоги представляют собой одну из динамично развивающихся виртуальных сфер профессиональной и межличностной компьютерно-опосредованной коммуникации с учетом таких социально приоритетных параметров, как гендер, возраст, язык,

культура, религия, политика и т. д. [Nayag, 2010]. Разнообразие и динамизм, характерный для блогов, затрудняют обобщение теоретической информации о них, вместе с тем дает возможность выявить общие характеристики, отличающие блоги от других дискуссионных форумов.

Вследствие того что более свежим сообщениям и комментариям отводится в блогах первостепенная позиция, ввод информации предопределяется хронологическим принципом. Активные блогеры неоднократно размещают свои сообщения в течение одних суток, и наиболее динамичные блоги являются наиболее популярными среди респондентов. П. К. Найяр, исследователь виртуальной культуры, объясняет подобную ситуацию следующим образом: «Если блогам оказывается присуща логика и особый дух, то они подвержены постоянным изменениям» [Nayag, 2010: 90]. Частотные обновления информации и фактически мгновенная ее публикация предопределяют тот факт, что в блогах размещается более чем своевременные сообщения о происходящих ситуациях, чем в печатных СМИ и других источниках. Другими словами, блоги обладают явными преимуществами первопроходца в текущем информационном пространстве.

Данная разновидность коммуникации, оптимально сочетающая частное и общественное измерения, осуществляется преимущественно в форме сетевого журнала / дневника, составляемого из, как правило, немногословных стимулов и последующих не менее лаконичных оценочных реакций на этот стимул. Блоги пользуются особой популярностью среди молодых людей до тридцати лет, так называемого «постмодернистского поколения», которое буквально и без преувеличения «конструирует» то, что видит и думает о повседневном существовании в полном противоречия и проблем мире.

Эпоха постмодернизма характеризуется фрагментарностью и плюрализмом [Голубь, 2009: 87—89; 127], что находит прямое отражение в языковом и речевом оформлении мыслей и идей, фиксируемых в блогах. В постмодернистском мировоззрении «быстротечность, поток мыслей и фрагментарность порождают обостренное чувство того, как обстоят дела на самом деле» [Гревцева, 2009: 73], что в свою очередь обыгрывается в русскоязычных блогах, обладатели которых стремятся создать оригинальные и неповторимые формы самовыражения.

Преодолевая фрагментарность, пользователи российской интернет-сети делают отчаянные попытки стать частью единого виртуального целого, «приобрести новый культурный опыт, упрочить свою идентичность, сфокусировать на ней внимание других пользователей» [Елькина, 2013: 139]. Невозможность дать конкретные ответы на злободневные вопросы современности приводит к пересмотру и перестройке образа мыслей, пересозданию объективной и ирреальной повседневной действительности.

Предлагая определение блогу, представители самых разнообразных гуманитарных дисциплин фокусируют внимание на таких аспектах, как:

- жанровая предопределенность;
- структура и содержание;
- коммуникативные функции;
- актуальные риторические практики.

Во многих научных исследованиях предлагаются разработки теоретической базы, интегрирующей указанные выше аспекты. В результате блог одновременно трактуется как текст, дискурс, социальное действие и лингвокультурная практика. Наблюдается постепенный сдвиг от определений, которые связывают блог со специфическими стилями и содержанием, к дефинициям, открыто признающим эффективность подобной практики виртуального общения. Лингвисты анализируют блоги преимущественно с точки зрения жанровой специфики, относя их к такой разновидности текстов, как личный дневник, который выявляет определенные стилистические модели.

Проблема функционирования блогов привлекает внимание исследователей с момента их широкого распространения в сети Интернет в начале XXI в. Использование русскоязычных блогов наблюдается в самых разнообразных контекстах, таких как академическое исследование, бизнес, среднее и высшее образование. Вместе с тем исследователи выражают единодушие в том, что прототипическое использование блогов как сферы публикации личностных записей непрофессионалами оказывается доминирующим. Блоги анализируются с опорой на самые разнообразные методологии и исходя из не менее разнообразных дисциплинарных перспектив, таких как этнография, массовая коммуникация, политические науки, социология, общая, частная и компьютерная лингвистика, риторика [Myers, 2010], психология.

Интерактивность и совместное порождение виртуальных текстов рассматриваются в качестве сущностной характеристики как общественной сферы, так и «невидимого колледжа»: взаимодействие авторов и читателей фокусируется на проблемах общественной важности, делаются попытки верифицировать и апробировать искомое знание в области политики, технологий, культуры и повседневной жизни.

Интерактивность в рамках блогов понимается нами как отсутствие границ в производстве и получении сообщений. Новые технологии обеспечивают возможность одновременной коммуникации между блогером и несколькими респондентами. Участие в комментировании стимулирующих сообщений блогера трансформирует массовую аудиторию в активных собеседников. В связи с этим в качестве инновационной характеристики блогов рассматривается не столько содержание совместно порождаемых текстов, сколько тех способов, с опорой на которые осуществляется коммуникативный процесс между автором и читателем, а также между двумя и более читателями.

Типы интерактивности, характерные для блогов, суммируются в Таблице 1.

Таблица 1

Типы интерактивности в рамках текстов блогов

Параметры классификации	Типы интерактивности		
Коммуникативный тип	интерактивность межличностной коммуникации	интерактивность массовой коммуникации	интерактивность компьютерно-опосредованной коммуникации
Коммуникативные элементы	интерактивность между блогером (читателем) и порождаемым им текстом	интерактивность между блогером (читателем) и компьютером	интерактивность между блогером и читателями, читателем и читателем
Направление коммуникации	монолог	обратная связь	реактивный диалог

В Таблице 1 заданные параметры классификации системно отражают типы интерактивности, которые являются актуальными исключительно в текстах блогосферы. При этом интерактивность базируется на монологах блогера и читателей, которые через обратную связь порождают реактивный диалог, проявляющий тенденции к открытости своей структуры без учета фактора времени в представлении реакций на исходные сообщения блогера.

Прагматический подход к текстам блогов преимущественно фокусируется на проблемах категоризации данных текстов с точки зрения используемых языковых средств, таких специфических характеристик, как связывание сообщений блогера и читателей в единую структурную и смысловую последовательность, частотность комментариев на то или иное сообщение блогера. Комбинируя различные аспекты формы и функций текстов блогов, можно предложить потенциальную категоризацию этих текстов по шкалам «личностное — общественно актуальное», «индивидуальное — общественное». Подобный подход задействует базовые категории жанрового анализа текстов (коммуникативные цели их порождения и дискурсивные особенности). Результаты подобной категоризации текстов блогов представлены нами на Схеме 2.

Тексты блогов производят и распространяют среди респондентов эмоционально-аффективное содержание, которое становится своеобразной техникой связывания совместно порождаемого текста в единую линейную последовательность. Это содержание в свою очередь формирует прагматическую основу для рефлексивной коммуникации с опорой на фактически бесконечное размещение комментариев, добавление отдельных замечаний и ссылок, знакомство с новыми читателями и последователями идей блогера, соединение многочисленных информационных платформ и средств.

Каждый последующий комментарий разнообразит, детализует и усложняет эмоционально-аффективное содержание уже сформированного виртуального текста, становится фокусом внимания большего числа респондентов, актуализуя данный текст из общего потока текстов блогосферы. Эмоционально-аффективные связи между сегментами совместно порождаемого виртуального текста являются намного прочнее, чем гипертекстуальные связи, их действенность остается актуальной после того, как текст уже не пополняется новыми комменти-

рующими сообщениями. Эмоции и аффект, интенсивно выражаемые блогером и респондентом, сопровождают и усиливают семантический код виртуального текста. Согласно нашим наблюдениям, даже негативная эмоциональная оценка читателем сообщений блогера усиливает аффективное воздействие совместно порождаемого текста на последующих респондентов.

Схема 2

1.2.3. Лингвокультурные аспекты исследования текстов русскоязычных блогов

Специалисты в области массовых коммуникаций и лингвокультурологии рассматривают блоги как специфическую коммуникативную практику и процесс, соответственно фокусируются на таких про-

блемах, как мотивации блогеров, их взаимоотношения с читателями и иными блогерами в социокоммуникативном континууме с опорой на качественные и количественные методы исследования. Научные труды, посвященные содержанию и техническому оснащению блогов, напротив, сосредоточиваются на проблемах классификации данных, обеспечиваемых пользователями сети Интернет (языковые особенности, ссылки, частотность размещения сообщений и т. д.).

Согласно нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве научных работ интегрируются указанные выше проблематики, однако, наведение мостов между «глубокими» социокультурными практиками и «поверхностным» текстовым продуктом представляет собой сложную задачу. Дж. Шмидт указывает на актуальность исследования специфического функционирования языка в рамках текстов блогов, целесообразность его изучения: «...озвучивание личностно окрашенного голоса и открытое вступление в диалог — это те ключевые моменты, которые читатели ожидают от блогеров...» [в переводе Schmidt, 2007: 14].

Как представляется, актуальной в этом случае является проблема выявления того, какие параметры определяют «личный голос», какими средствами открытость собеседника диалогу маркируется в стилистическом и риторическом отношении. Лингвистические исследования вносят существенный вклад в анализ текстов блогов, поскольку обнаруживают те характеристики, которые являются значимыми при интерпретации данных текстов. Лингвисты обеспечивают прочную теоретическую базу для системного определения неявных концептуализаций, которые формируют и организуют виртуальный дискурс, создают новые методы анализа с основой на языковые данные. То, что Дж. Шмидт определяет как «ключевые моменты» (как в языковом плане создаются тексты блогов), по существу, предстает лингвистическими феноменами, релевантными для языковедческого и прагматического анализа.

М. Дертузос описывает блог как «виртуальный мир антропоцентричной компьютеризации, отражающей повседневную жизнь в обществе, осваивающем новые информационные технологии» [в переводе Dertouzos, 1997: 17]. Блогосфера — это один из эффективных способов поддержания социального виртуального мира идей и смысловых позиций, реализации «Я» пользователя интернет-сети в реальном мире.

В указанной сфере «Я» отдельно взятого блогера характеризуется с учетом того, как другие блогеры воспринимают и категоризируют его в языковом и прагматическом планах.

Создание записей в сетевом журнале / дневнике предполагает отсутствие какого-либо внешнего редактора, неограниченную потенциальную аудиторию, способную комментировать эти записи, обеспечение сиюминутного доступа к идеям и смысловым позициям, принадлежащим другим пользователям интернет-сети. Журнал / дневник, создаваемый в рамках блога, периодически пополняется новыми записями («обновляется») и открыт для всех пользователей интернет-сети. В результате русскоязычные блоги — наряду с основными СМИ — становятся действенным источником информации, особенно в тот момент, когда происходят важные события.

В самом общем смысле блог может быть определен как сфера частотных, хронологически предопределяемых публикаций личностных смысловых позиций, комбинируемых с веб-ссылками. Блогосферу мы рассматриваем как своеобразный дискурсивный монтаж того, что происходит в личной жизни пользователя интернет-сети и в виртуальном и объективном измерениях его жизнедеятельности. В рамках блога реализуется возможность порождения нового печатного или аудиовизуального текста, который автоматически стыкуется с уже существующими, формирующими архив текстами, что позволяет фильтровать текстовые произведения в соответствии с датой их создания, автором и другими, в том числе лингвистическими параметрами.

Согласно системе поиска «Технорати», каждый месяц создается около трех миллионов блогов, ежедневно блогеры вносят на свои сайты свыше полутора миллионов записей, заметок и комментариев, которые в свою очередь обновляются со средней периодичностью восемнадцать раз в секунду. Интерактивная природа, прагматическая способность мгновенно фиксировать точки зрения адресантов и их респондентов обуславливает тот факт, что блоги фактически формируют плодотворную платформу для эффективного взаимодействия участников виртуального общения, достижения их взаимопонимания в аспекте публичного обмена мнениями посредством текстов, изображений и мультимедиа, упорядоченных в обратном хронологическом порядке.

Расширение лингвокультурной сферы действия русскоязычных блогов, вовлечение в эту сферу новых пользователей интернет-сети в свою очередь порождает сложные социальные проблемы, связанные с безграничной свободой самовыражения, новыми лингвистическими технологиями опосредованного коммуницирования с внешним миром, представлением себя виртуальным собеседником в акте виртуального общения, отличном от непосредственного речевого взаимодействия. Русскоязычные блоги характеризуются такими параметрами, как интерактивность и взаимосвязанность. Читатели отыскивают новые блоги через соответствующие ссылки или поисковые системы.

Ссылки обогащают личностный опыт респондентов, поскольку они, внедренные в текущие сообщения блогера и иных читателей, дают возможность выйти на новые источники искомой информации, познакомиться с онлайн-обществами, разделяющими аналогичные интересы. Ссылки являются важным механизмом и для самих блогеров, поскольку с опорой на них совместно порождаются, детализируются и оцениваются суждения, облегчается диалог между авторами и читателями различных блогов. Ссылка на иной блог предстает проявлением уважения и доверия к его автору.

Совместное производство текста проявляется через взаимодействие блогеров и их читателей в разделе комментариев. Респонденты обеспечивают обратную связь, задают волнующие их вопросы, выражают личностные мнения. Блогеры читают комментарии, реагируют на них и в свою очередь осуществляют запрос искомой информации у респондентов, инкорпорируют содержание, порожденное респондентами, в свои последующие сообщения. Блогеры также читают и комментируют тексты, размещенные на других блогах, активно обсуждают нормы создания виртуальных текстов и тональность отдельных сообщений.

Индивид, вступающий в виртуальную коммуникацию, проявляет чувство неуверенности в плане осознания своего «Я», осуществляет поиск идентичности собеседников: что собой представляют те, для которых существует «Я», какой аксиологической значимостью они обладают? Культура потребления, порожденная массмедийными стереотипами, ежедневно предлагает множественный выбор того, какие ценности мы вынуждены разделять, какими способами мы призваны достигать своей социальной значимости, как и идеалы, походить на

которые мы должны стремиться [Овруцкий, 2012: 101—103]. Все эти образы активно задействуются блогерами при формировании индивидуального чувства объективной действительности и русской языковой реальности. Социальные взаимоотношения создают и приводят в действие идентичность отдельно взятого индивида. Уникальная индивидуальность — совокупность языкового образа и когниций — воплощается во взаимодействиях с собеседниками, в рамках которых мы даем возможность другим оказывать воздействие на нас.

Наша языковая активность и образ мышления преобразуются под влиянием окружающей атмосферы. Каждый из участников виртуального общения эксплицитно актуализует свою индивидуальную перспективу видения объективной и языковой реальности с тем, чтобы адресаты могли ее воспринимать, размышлять над предложенной смысловой позицией, соглашаться с ней или отвергать. В условиях русскоязычной блогосферы порождается идентичность и диалог именно подобного характера.

Блоги выражают страхи, обеспокоенность и разочарования отдельно взятой и коллективной личности, стремящейся установить фатический контакт, обрести поддержку среди пользователей интернет-сообщества. В этом отношении совместное порождение текстов в рамках блогосферы способствует рассеиванию сомнений, неуверенности и комплекса незащищенности в плане того, что чувствовать, думать, во что верить и на что надеяться в этом нестабильном мире. На виртуальных страницах русскоязычного блога обсуждаются самые разнообразные проблемы как чисто биографические, так и имеющие непосредственное отношение к внешнему миру.

Можно с уверенностью сказать, что свою повседневную жизнь русскоязычный блогер представляет сквозь призму сложных теоретических и практических вопросов, выдвигаемых текущей повседневностью. Вследствие неформальной атмосферы общения диапазон фиксируемых эмоций в текстах русскоязычных блогов намного шире, чем на других веб-страницах. В данном случае существенным оказывается уникальное комбинирование личного и общественного начал, структурирование повседневности, овладение мощными потоками информации. Доминирование личного начала над общественным дает возможность русскоязычному блогеру автономно культивировать свой индивиду-

альный голос, делать его услышанным посредством приглашения к интерактивному диалогу голосов других блогеров.

Принимая во внимание все структурное и лингвокультурное разнообразие русскоязычных блогов, можно сказать, что они налаживают сетевую коммуникацию одного голоса с бесконечным множеством других, сторонних («незнакомых» и «до конца не познанных») голосов. Указанный коммуникативный процесс реализуется в виртуальной среде, которая априорно предполагает крупномасштабную гетероглоссию адресанта текущей записи и адресатов, порождающих сиюминутные и отсроченные во времени реагирующие комментарии к данной записи в рамках как данного блога, так и своих личных блогов. Добавляя очередную запись в свой блог, «автор потенциально ориентируется на обобщенный образ адресата, его психологический типаж» [Кудряшов, Калашникова, 2015: 41—42]. В сферу воздействия попадает преимущественно эмоционально-волевое состояние собеседника, вызванное текущей ситуацией взаимодействия, некоторым сложившимся положением дел, ставшим поводом для виртуального коммуникативного процесса.

Блогер апеллирует к этому состоянию собеседника с целью вызвать обратную эмоционально-оценочную реакцию, создать условия для полемического — гетероглоссного и с учетом разных смысловых позиций — обсуждения насущной проблемы профессионального или социального характера. Другими словами, русскоязычные блоги можно рассматривать как такую коммуникативно-дискурсивную среду, в которой пользователи социальной сети Интернет одновременно порождают и потребляют актуальное содержание, реализуя стимулирующие и реагирующие высказывания.

В этом отношении на передний план исследования выдвигается такое социолингвистическое понятие, как «сообщество», под которым понимается:

- 1) общность людей, выражающих и реагирующих на определенное мнение в рамках некоторой ценностной, морально-нравственной или идеологической системы отсчета [Разинкина, 2011: 37];
- 2) общественно предопределенные коммуникации, организованные таким образом, чтобы обеспечивать незамедлительную и эффективную оценочную реакцию на публично выраженную точку зрения [Поправко, 2011: 17];

3) система оценочных позиций, сформированная в результате выражения общественного мнения, в некоторых случаях идущая вразрез превалирующим авторитетам [Бондаренко, 2004: 42];

4) авторитетные институты, в той или иной степени автономные в инициации своих смысловых позиций [Иванов, 1999: 32—33].

Сообщества формируются с основой на общие интересы и социальные потребности. В этой связи мы интерпретируем онлайн-сообщество как социальное объединение, возникающее в виртуальном пространстве русскоязычной интернет-сети, когда некоторое количество пользователей начинает принимать активное участие в обсуждении актуальных вопросов и проблем, выражать оценки и эмоции, достаточные для поддержания межличностных отношений в киберпространстве. Представители онлайн-сообществ ведут виртуальные журналы / дневники, обмениваются мнениями относительно обсуждаемых проблем. Подобная деятельность коррелирует с такими потребностями из иерархии А. Г. Маслоу, как принадлежность и любовь [Маслоу, 2008: 27].

Блогеры испытывают потребность в установлении фатического контакта с другими представителями онлайн-сообщества, разделении с ними своих воззрений на события повседневной действительности, как реальной, так и виртуальной. Междисциплинарные исследования показали, что большинство пользователей русскоязычной интернет-сети становятся блогерами и вступают в онлайн-сообщества именно как результат осмысленного поиска друзей и единомышленников [Калашникова, 2011; Лутовинова, 2009; Усачева, 2013].

Личностное начало в текстах русскоязычных блогов детерминруется таким лингвокультурным фактором, как социальная идентичность автора журналов / дневников, которую можно дефинировать как концепцию своего «Я», сформированную под влиянием членства в том или ином онлайн-сообществе. Согласно текущим исследованиям, пользователи сети Интернет формируют свою социальную идентичность, отражающую определенные ценности, оценки и поведенческие намерения, исходя из того как они воспринимают и интерпретируют мысли и идеи других представителей того же самого сообщества [Hoggs, Vaughan, 2002: 239].

Динамический рост русскоязычных онлайн-сообществ предопределяется гибкостью функционирования их сетевой структуры. В част-

ности, пользователи интернет-сети вступают в определенное онлайн-сообщество не только в силу своих актуальных интересов, социальных потребностей и многочисленности единомышленников, обнаруживаемых в данном сообществе, но и — что оказывается более важным фактором — с учетом того как единомышленники взаимодействуют друг с другом в рамках виртуального пространства.

В социальной сети индивиды на взаимной основе поддерживают фатический контакт, онлайн-сообщества, с которыми они себя идентифицируют, можно рассматривать как прагматический фактор, детерминирующий сюжетную линию создаваемых журналов / дневников. При этом содержание журналов / дневников вследствие общности интересов и социальных потребностей блогеров пересекаются друг с другом, формируют некоторое общее содержание некоторого общего текста. Диалогическая активность блогера мотивируется стремлением принять активное участие в виртуальной жизни других представителей онлайн-сообщества, стать объектом (персонажем) совместно порождаемого (общего) текста.

Думается, что одна из актуальных проблем общения в рамках русскоязычной блогосферы заключается в организации полемики, обмена мнениями и смысловыми позициями на уровне некоторого онлайн-сообщества. Право выразить свое оценочное мнение предоставляется любому представителю сообщества, однако внимание массовой аудитории уделяется прежде всего блогам известных людей из области культуры, бизнеса, политики.

В текущих лингвистических исследованиях наблюдается повышенный интерес к лингвокультурологической проблеме выявления языковых и речевых механизмов, которые задействуются участниками самых разнообразных коммуникативных процессов в целях манифестации эмоциональных состояний и предопределенных этими состояниями оценочных позиций [Баженова, 2003; Кузьменко, 2010; Погребнова, 2005]. С учетом данных научных исследований можно отметить, что суждения и комментарии к этим суждениям на уровне русскоязычных блогов являются индивидуальной перспективой видения и оценочной интерпретации той или иной проблемы или состояния дел. Оценка в этой связи предстает общественным актом социального деятеля, реализуемым в диалогической форме с помощью явных и скрытых коммуникативных средств.

При этом одновременно осуществляются процессы оценивания тех или иных объектов, позиционирования субъектов обсуждения по отношению к этим объектам, они согласуются со смысловыми позициями других субъектов с опорой на определенные социокультурные измерения. В условиях данных измерений выражаемая точка зрения и оценка оказываются идентичными феноменами. В результате оценка охватывает такие лингвистические характеристики высказывания, как модальность, эвиденциальность, вежливость. Оценка в свою очередь не только предполагает выражение некоторой точки зрения по определенной проблеме, но и ранжирование этой точки зрения в списке смысловых позиций, выраженных другими субъектами. Русскоязычная блогосфера обеспечивает пространство для единения пользователей сети Интернет при открытом и прозрачном осуждении фактов, явлений и событий, представляющих общественный интерес.

За последние десятилетия ведение русскоязычных блогов радикально изменилось от инновационной практики виртуального общения к господствующей тенденции в сфере реализации содержания, порождаемого пользователями сети Интернет. Согласно проведенному нами опросу, подавляющее большинство русскоязычных блогеров рассматривают свои сообщения как личностные размышления относительно актуальных проблем повседневности, а самовыражение предстает доминирующей мотивацией порождения данных сообщений.

Личностный дискурс русскоязычных блогеров проявляет устойчивую зависимость от ценностных характеристик блогов как источника свободного самовыражения и общественного обсуждения актуальных проблем повседневности. Именно общественный дискурс преимущественно предопределяет темы для сообщений блогеров, эффективно предписывая нормы для того как создавать оптимальный текст блога, фиксировать восприятие повседневных проблем.

Исходя из стилистической точки зрения, тексты русскоязычных блогов трактуются нами как переменная форма самовыражения. В зависимости от особенностей концептуализации блогером действительности текущие записи и сообщения могут оформляться в соответствии с конвенциями как письменной, так и устной речи, содержать разговорные выражения или лексику официальной беседы, объединяя личностную и общественную проблематику. Сообщения блогера могут быть наце-

лены на массовую аудиторию или избранных читателей, создаваться в силу личностных или профессиональных причин. Виртуальный контекст сообщений блогера и ассоциируемые с ними метаданные (имя автора, время создания текста, ссылки, категории) создают основу для ситуативности планируемого общения, стимулируют массового пользователя сети Интернет к участию в этом общении.

Широкий диапазон стилистических средств, находящихся в распоряжении русскоязычного блогера, обеспечивает возможность организации и поддержания неинституциональных форм общения, которые не ограничивают содержательный потенциал стимулирующих и реагирующих сообщений. Конструируемая при этом гибкая коммуникативная ситуация (кому предназначаются тексты блогера, кто из читателей может выступить сторонним наблюдателем) оказывает непосредственное влияние на стилистику порождаемых виртуальных текстов, выбор риторических средств организации этих текстов.

Автономные дискурсивные действия автора и респондента в составе совокупного текста русскоязычного блога анализируются нами в терминах следующего набора функций:

- когнитивная функция: сегмент текста блога, озвучиваемый автором или респондентом, представляет собой специфическую репрезентацию идеологии говорящего субъекта (в самом широком значении этого явления / понятия), фиксирует коммуникативную перспективу восприятия внешнего мира с учетом идеологического компонента;
- социолингвистическая функция: текстовый отрезок воссоздает личностные характеристики образа блогера и респондента, «иллюзорную» идентичность собеседников, продуктом которой выступает конкретный текстовый сегмент (стимулирующий или реагирующий);
- интерактивная функция: текстовый отрезок конструирует специфический тип взаимоотношения между блогером и читателем (формальные / неформальные; дружеские / враждебные).

Языковедческий анализ текста русскоязычного блога нацеливается на то, чтобы выявить наличие / отсутствие реализации особых социальных / лингвокультурных практик с опорой на такие категории, как блогер и множественный респондент, идентичность собеседников,

фиксация типов отношений между участниками компьютерно-опосредованной коммуникации.

Таким образом, русскоязычные блоги формируются прежде всего в целях сплочения индивидов на основе общих интересов и организации онлайн-сообществ. Современные технологии дают возможность реализовать чувство сопричастности определенной социальной и профессиональной группе, выразить множественные ипостаси «Я», интегрировать свое «Я» в совместное порождение текстов на актуальную проблематику. Ведение личных журналов стимулирует русскоязычных блогеров к раскрытию своего «Я» собеседникам.

Современные русскоязычные блоги развиваются как яркий лингвокультурный форум для порождения и распространения действенного знания, обсуждения возможных практик развития этого знания. Блогосфера существенным образом отличается от других дискуссионных сфер виртуального общения в плане того, что обладает потенциалом для вовлечения в процесс общения самых разнообразных голосов на интерактивной и динамичной основе. Тексты блогов отличаются гибкостью в содержании, тональности и стиле виртуального повествования, облегчают коммуникативное сотрудничество и обмен знаниями среди представителей различных лингвокультурных традиций.

1.3. Интегративный подход к категории связности и риторической структуре текстов блогов

1.3.1. Интегративный подход как точка пересечения лингвокультурного и прагматического аспектов исследования

В актуальных лингвистических исследованиях последовательно проявляется перспективная тенденция к комбинированию прагматических (в частности риторических) и лингвокультурных измерений для исчерпывающего анализа таких феноменов, как индивидуальное воплощение, интенциональность на всех уровнях дискурсивного использования русского языка (дискурсивных намерений и намерений убеждения респондента) [Аннушкин, 2014, 2016, 2017 (а), 2017 (б); Ша-

клеин, 2011, 2013]. Подобные исследовательские перспективы наглядно демонстрируют инновационные техники языковедческого изучения интеракции блогера и его множественных респондентов, обосновывают образ собеседника в компьютерно-опосредованной коммуникации на русском языке.

В этом случае особую актуальность приобретают классические положения аристотелевской риторики, в соответствии с которыми прагматические цели речевых произведений заключаются в том, чтобы оказать осязаемое воздействие на образ мыслей и эмоционально-волевое состояние адресата [Изюмская, 2021: 13]. Приоритетная роль слушающего субъекта в ходе коммуникативно-опосредованной коммуникации оказывается ведущим конструктивным параметром научных риторических воззрений на процессы функционирования языковых и речевых феноменов.

Думается, что именно данный параметр предстает существенным основанием его исследования в лингвистической прагматике и лингвокультурологии для последующего анализа воздействующих свойств разнообразных явлений русского языка и русской речи. Комбинирование прагматических (риторических) и лингвокультурологических концепций в рамках лингвистических исследований фактически обнародует новые перспективы интерпретации текстов русскоязычных блогов не только с позиций автора, но и с учетом фактора респондента, который испытывает определенные эффекты со стороны структурирования и семантической организации совместно порождаемых текстов, необходимости достичь понимания с блогером и другими респондентами.

В прагматических исследованиях феномен понимания трактуется как фактическое признание дискурсивных намерений говорящего субъекта со стороны респондента, который в свою очередь всецело полагается на вербальную и экстралингвистическую информацию для обоснования принятия точки зрения собеседника [Алахвердиева, Локтионова, 2012; Гапонов, 2011; Косарев, 2017]. Структурные особенности сообщения и текста, оказывающие взаимное воздействие на участников коммуникации, также формируют приоритетные сферы исследований в лингвистической прагматике [Мурашова, 2015; Постовалова, 2014, 2016; Соболева, 2013]. При изучении подобной проблематики ритори-

ческие концепции вносят свой конструктивный вклад, одновременно закладывая основу для теории риторических структур, которая учитывает специфику структурирования текстового произведения в динамических перспективах.

Система исходных сообщений блогера и последующих читательских реакций не ограничивается исключительно реализацией контекстуально зависимых структур, задействуется также как средство социального и лингвокультурного взаимодействия [Китанина, 2016, 2019]. В процессе интерактивного обмена мнениями лексико-грамматические сегменты стимулирующих и реагирующих сообщений комбинируются в более глобальные образования, которые в свою очередь формируют совместное виртуальное текстовое произведение.

В современной русистике исследуются взаимосвязи между виртуальным текстом и его элементами, устойчивые корреляции между самим текстом и широким социальным и лингвокультурным контекстуальным окружением его реализации. Для этих целей разрабатывается целый ряд теоретических концепций, трактующих виртуальный текст как когерентное сочетание синтагм, системную совокупность синтаксически предопределяемых сегментов (отдельных высказываний / предложений, блоков высказываний / предложений), которые образуют унифицированное единство [Куковская, 2016; Летяйкина, 2012; Моисеева, Ремизова, 2017].

Исследовательские концепции, нацеленные на изучение совместно порождаемых текстов русскоязычных блогов, выявляют теоретическую значимость следующих проблемных узлов теории общего и частного языкознания (в нашем случае русистики):

- анализ связного текста в аспекте семантического и функционального единства текстов или отдельных текстовых сегментов [Гачециладзе, 2016; Кулинцева, 2015; Леденева, 2016];
- типологизирование дискурсивных и текстуальных жанров в аспекте структуры текста и его соотношение с социальным и лингвокультурным контекстом реализации [Кочеткова, Тубалова, 2014; Силантьев, 2004; 2010; Церюльник, 2016];
- лингвориторическое изучение текста в аспекте эффективности контекстуального функционирования языка [Кириленко, 2012; Попова, 2016; Ширяева, 2012].

Сделаем попытку выявить факты концептуальной конвергенции, обнаруживаемой между указанными направлениями языковедческого исследования медийного и, в частности, виртуального текста. Сфокусируем внимание прежде всего на проблематике, связанной с моделированием целостности виртуального текста в рамках представленных выше направлений. Полагаем, что решение этой проблематики предполагает анализ следующих вопросов:

1. Каким образом тексты блогов преобразуются в унифицированное смысловое и функциональное единство?
2. Как следует воспринимать взаимосвязи между текстом русскоязычного блога и социальным / лингвокультурным контекстом его реализации?
3. Каким образом необходимо трактовать взаимосвязи между микро- и макроструктурами текста блога?

Интегрирование данных направлений исследования компьютерно-опосредованной коммуникации обеспечивает прагматические механизмы анализа блогерской текстуальности, т. е. моделирования когерентного текста с учетом последовательности лексических и грамматических сегментов.

Когерентность текстового произведения имеет прямое отношение к его семантическому содержанию: в рамках текста осуществляется бесперебойное выражение смыслов, не всегда обнаруживаемых в поверхностной структуре, но предстающих следствием определенных когнитивных процессов в сознании участников коммуникации. В связи с этим смысловое содержание трактуется как феномен совместного (диалогического) текстообразования [Клеменова, Кудряшов, 2013: 111; Скнар, 2014: 140]. Когерентность как устойчивый параметр текста блогов выявляет возможность манифестации этого текстового произведения как унифицированной цельности.

Один из возможных способов унификации смыслового содержания текста иллюстрируется Т. ван Дейком с учетом такого понятия, как «макропропозиция» [van Dijk, 1980]. Коммуникативные цели текста, как утверждается в сфере исследований диалогических жанров речи, образуют еще одну разновидность унифицированной репрезентации. Придерживаясь двух указанных подходов, мы можем неоднозначно интерпретировать проблему связности текста блога.

С учетом первого подхода связность, формируемая в макропропозиции виртуального текста, исключительно характеризуется семантическими свойствами и репрезентируется более чем на одном уровне текстовой организации. Макропропозиции актуализуются на рекурсивной основе, способны отразить когерентность сегментов виртуального текста, а также целостный характер совокупного текста. В актах извлечения макропропозиций из более высшего или из более низшего уровня семантической организации текстового произведения не обнаруживаются фундаментальных различий.

Данная разновидность когерентности — семантическая — соотносится с локальной связностью текста: вследствие ее действия текстовые сегменты (исходное сообщение блогера и последующие реактивные сообщения читателей) комбинируются в глобальные блоки (макропропозиции) посредством приписывания этим сегментам базового смыслового содержания, которое конструируется с учетом смыслов, реализуемых сегментами текстового произведения (микропропозициями).

Соотнесение целостного характера текста блогов с его коммуникативными целями, напротив, выявляет иные исследовательские импликации. Когерентность текстового произведения исходно проявляется не на уровне его семантического содержания, а в плане прагматической организации, поскольку сам текст блога предстает базовой единицей коммуникативного взаимодействия автора и множественных адресатов. Наличие прагматических смыслов (функций, целей) характеризует виртуальный текст исключительно как целостное единство, отражая его глобальную целостность.

Глобальная целостность, другими словами, рассматривается нами как коммуникативная цель совместно порождаемого виртуального произведения. Семантическая и прагматическая когерентность текста блога формируется вследствие действия цельности на уровне семиозиса этого текста. Анализ проблемы установления глобальной когерентности через специфическую конфигурацию поверхностных структур текста блога предполагает выявление взаимосвязей между структурами и функциями на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровне текстовой организации.

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации исходно допускают, что их дискурсивные действия наделены определенным

семантическим содержанием в каждый момент асинхронной интеракции. В текстах блогов данная семантика моделируется на совместной и intersubъективной основе с учетом таких факторов, как:

- логические связи между сегментами совокупного виртуального текста, которые обеспечиваются блогером и читателями;
- некоторые контекстуальные ресурсы: эмотивный контекст предварительного взаимодействия, текущая ситуация взаимодействия, фоновые пресуппозиции.

Указанные факторы обеспечивают связность и целостность совместно конструируемого виртуального текста, которые проявляются на таких двух уровнях структурной и семантической организации текстов блогов, как:

- 1) уровень взаимосвязей между отрезками текста: минипропозиции (отдельные дискурсивные действия блогера и читателей) комбинируются в макропропозиции (совокупный виртуальный текст);
- 2) глобальный уровень текста: совместное произведение является связным и целостным феноменом.

На первом уровне связность и целостность выступают как показатели организации локального семантического содержания текстов блогов; на втором уровне — фиксируют унифицированную сущность совместного произведения, которое функционирует в качестве единого целого.

На самом базовом уровне организации виртуальный текст можно трактовать в качестве синтагмы единиц, связанных в грамматическом плане. Наиболее глобальная синтагма формируется синтаксическими единицами, а именно — отдельными автономными высказываниями и комплексом высказываний. Эти единицы трактуются нами как микросегменты текста блога, на основе которых формируется макроуровень организации текста. Микросегменты выявляют пропозициональные значения. Их потенциал формировать когерентную структуру предопределяет бесперебойность выражения значений и смыслов в тексте блога.

На высшем уровне организации виртуального текста мы выявляем различного рода комбинации микросегментов с глобальными образованиями, также обладающими цельностью. Эти структурные комбинации в рамках текста блогов моделируются, в частности, за счет

макроправил (Т. А. ван Дейк), которые предопределяют макропропозиции, и риторических отношений, выявляемых в теории риторических структур [Mann, Matthiessen, Thompson, 1992].

В рамках нашего исследования мы определяем данные результирующие единицы в качестве макросегментов, а указанный уровень организации текста блога — как макроуровень. Представленные единицы и уровень мы характеризуем как «макро», поскольку они предстают вторичными (производными) лингвистическими явлениями, их значимость предопределяется не столько грамматической системой языка, сколько их функциональной способностью формировать когерентность текста.

Как мы уже указали, закономерности формирования макросегментов текста блога последовательно проявляются на рекурсивной основе: данный тип сегментов как образуется за счет микросегментов, так и выделяется из более глобальных макросегментов текста. Макросегменты характеризуются цельностью, однако не являются единицами непосредственного взаимодействия блогера и адресатов; их прагматический статус заключается в том, чтобы способствовать реализации коммуникативных целей текста. Эти сегменты проявляют значимость преимущественно в контексте реализации виртуального текстового произведения. В связи с этим мы рассматриваем совместно порождаемый текст блога как единицу коммуникативного взаимодействия автора и читателей, которая принадлежит глобальному уровню текстовой организации.

Если полагать, что цельность текста блога предстает результатом когнитивных процессов в сознании автора и читателей, то необходимо сделать «допущения когерентности» [Brown, 1983: 87]. В этом случае мы призваны выявить, за счет чего когерентность воспринимается как существенная характеристика текста блога, как исследование виртуального текстового произведения создает основание для анализа цельности. Решение поставленных проблем указывает на то, что в процессе бесперебойного выражения семантического содержания виртуального текста когерентность частично «внедряется» в смысл, манифестируемый текстом. Вместе с тем смысловое содержание текста не является самодостаточным, неизбежно предполагает привлечение социальных и лингвокультурных знаний участников виртуального общения.

Связность и цельность текста блога определенной жанровой принадлежности кодируются в системах социальных и лингвокультурных значений, которые соответствуют данному жанру, соотносятся с коммуникативными целями, предполагаемыми конкретным жанром. Подобную систему значений мы именуем как «когерентную модель жанра виртуального общения». Проанализируем существенные характеристики указанной модели более детально.

Информация, идентифицируемая в рамках жанрового анализа текста блога, организуется синтагматическими макросегментами, т. е. отрезками текста, которые предстают более глобальными, чем отдельно взятые грамматические единицы (автономные сообщения и комплексы сообщений), обладают определенной целостностью на основе выражаемых значений, смыслов и функций. В этом случае мы призваны отметить, что автономное сообщение одного из участников общения является языковой синтагмой, которая реализуется текстовой макрофункцией.

Иными словами, конкретный вклад участников компьютерно-опосредованной коммуникации в совместное порождение текста русскоязычного блога проявляется на макроуровне общения в плане следующих аспектов:

- 1) в формальном отношении, поскольку этот вклад репрезентируется как автономная последовательность микросегментов;
- 2) в функциональном отношении, так как этот вклад выражает функциональную когерентность на данном уровне.

Реконструкция макросегментов виртуального общения предполагает выявление логической структуры коммуникативной функции текста блога. Синтагматические макросегменты манифестируют логико-семантическую структуру на поверхностном уровне совместно порождаемого виртуального текста.

1.3.2. Риторическая природа текстов блогов

Тексты блогов обладают риторической природой, так как формируются в процессе дискурсивного взаимодействия автора и читателей, отражаемого в коммуникативных целях совместного текстового про-

изведения. Текущие цели можно рассматривать как стимулы поступательного развития всех коммуникативных процессов, которые, следовательно, являются феноменами риторического порядка. При этом цель реализации конкретного коммуникативного события «привязывается» к типизированному контексту. Риторичность текста блога выявляет следующие исследовательские импликации, существенные для нашей работы:

- 1) в процессе функционирования языка эффективно реализуются коммуникативные цели совместно порождаемого текстового произведения;
- 2) жанр текста блога предопределяет превалирование в нем конкретных языковых структур и прагматических / лингвокультурных характеристик.

В рамках теории риторических структур системно выявляется специфика функционирования языка и текстовой организации в реальных условиях взаимодействия собеседников [Mann, Matthiessen, Thompson, 1992: 31]. Организация текста трактуется в терминах тех взаимосвязей, которые формируются между текстовыми сегментами. Данная теоретическая концепция объясняет связность текста с опорой на постулирование иерархических, когерентных структур, внутри которых каждый фрагмент выполняет определенную семантическую функцию по отношению к другим фрагментам.

Следует отметить, что понятие о текстовой связности и цельности, определяемое через взаимоотношения в границах текста, признается многими лингвистами. В текущей языковедческой литературе указанные явления номинируются как «отношения когезии и когерентности» [Величко, 2016], «дискурсивные отношения» [Скнар, Кудряшов, 2017], «конъюнктивные отношения» [Ковальчук, Володина, 2016]. То определение связности и цельности текстового произведения, которое принимается в теории риторических структур, фиксирует прагматическую специфику интенционального употребления автономного сегмента текста. Авторы концепции выстраивают иерархию сегментов, предполагающую сочетание ядерности и выявление тех отношений, которые формируются между соположенными и разноположенными текстовыми отрезками.

В этой связи Д. Марку вводит принцип композициональности: два текстовых сегмента связываются на основе определенных риторических

отношений, которые активируются между двумя наиболее важными композитами связываемых сегментов (т. е. ядром и его дочерними отношениями). Конструктивной предстает и противоположная закономерность: в тексте моделируется риторическая структура (дискурсивные отношения между двумя значимыми текстовыми фрагментами), если подобные отношения прослеживаются внутри этих значимых фрагментов [Macqu, 1996].

В анализируемой нами теории также прослеживается, какие явления организуются в иерархические структуры для обеспечения связности и цельности текстового произведения, манифестируют ли текстовые отрезки пропозиции, намерения говорящих субъектов или какое-либо иное содержание. В научных исследованиях, посвященных дискурсивному анализу, существенным предстает понятие интенциональности как непосредственного источника связности и цельности текстового произведения. Б. Грош и С. Сиднер выдвигают мнение, согласно которому интенции говорящих субъектов предстают основополагающими факторами поступательного разворачивания текстов [Grosz, Sidner, 1986]. Прагматической основой связи двух текстовых отрезков выступает интенция оказать воздействие на адресата. Отношения и иерархии, лежащие в основании риторических структур, способствуют моделированию связности и цельности текста по определенной схеме.

Динамическая природа текста блога отражается в намерениях автора оказать воздействие на множественного респондента, преобразовать их ментальные и эмоционально-волевые состояния. Логическое мышление участников виртуального взаимодействия выступает в этом случае прагматической основой структурирования текстового произведения. Понятие о намерении блогера и читателей оказать взаимное воздействие друг на друга предопределяет связывание риторических и прагматических аспектов анализа дискурсивных явлений в рамках анализируемой нами теоретической концепции. В данном случае говорится об архитектонике намерений субъекта речи, который разграничивает и комбинирует коммуникативные интенции и интенции оказать определенные эффекты на респондента. Заявленные типы намерений присущи разным уровням текстопорождения: адресант прежде всего инициирует коммуникативные интенции с тем, чтобы обеспечить реализацию интенции произвести эффект на собеседника.

Полагаем, что в рамках теории риторических структур интегрируются следующие проблемные узлы общего и частного языкознания:

- исследование текстового произведения в терминах специфики его порождения и интерпретации;
- изучение семантических структур / отношений, манифестируемых двумя (и более) текстовыми отрезками, степени цельности формируемого текста.

У. Манн и С. Томпсон классифицируют риторические отношения следующим образом:

- «предметные (детализация, обстоятельственные отношения, нахождение оптимального решения, причинно-следственные отношения, переформулирование);
- презентационные (мотивационные, отношения фоновой информации, обоснование, уступка)» [Mann, Thompson, 1988: 256].

Прагматико-семантическим основанием этой классификации являются потенциальные эффекты, которые намеренно производятся автором на респондента. При активации предметных отношений автор обеспечивает условия для того, чтобы респондент оптимально зафиксировал конкретный тип отношений; при конструировании презентационных отношений автор усиленно проецирует позитивное отношение респондента к тексту с тем, чтобы тот одобрил основные идеи, заложенные в текстовое произведение.

Прагматическое назначение риторической организации текста состоит в том, чтобы оказать намеренные эффекты на респондентов. Эффекты, производимые текстами на респондентов, манифестируются передачей событийного содержания текста в виде повествований, описаний, толкований, изложений информации о повседневных фактах. В результате само текстовое произведение внедряется в социальные и лингвокультурные контексты взаимодействия собеседников. В плане теоретических установок анализируемая нами теория организации и структурирования текстов основывается на следующих постулатах, являющихся стартовой точкой в анализе текстовых произведений:

- процессы текстопорождения имеют намеренный характер: текстовые произведения манифестируют специфические прагматические цели автора, связанные с оказанием воздействия на респондента;

- в момент создания текстового произведения говорящая личность активирует такие специфические когнитивные структуры знаний, как память, дискурсивные навыки и умения;
- в акте порождения текста создается уникальная конфигурация элементов когнитивных структур знаний, которые способствуют реализации целей автора;
- при анализе текстового произведения выявляются устойчивые взаимозависимости частей от совокупного целого и совокупного целого от формирующих его частей, структурирование текста осуществляется с опорой на те отношения, которые являются актуальными между частью и совокупным целым;
- текстовое произведение — это результат оптимального выбора лексических и грамматических средств языка, способных функционировать в качестве формальных показателей когезии и когерентности текста;
- в процессе интерпретации текстов респондент фокусирует внимание на типе отношений, который обнаруживается между стыкуемыми текстовыми отрезками.

Манифестация определенных риторических отношений между текстовыми отрезками проливает свет на текущие намерения адресанта, которые, однако, взятые сами по себе, не определяют данные отношения. Текстовые проявления риторических отношений преимущественно маркируются лексико-грамматическими средствами, но эти отношения проявляются даже без явного маркирования. Таким образом, решается проблема, порождаемая вопросом: в действительности ли риторические отношения являются продуктом когнитивного сознания собеседников или же они предстают проекцией анализа исследователей текстовых произведений?

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что как риторические отношения, так и отношения связности / цельности текста следует трактовать как когнитивные сущности (см. например [Knott, Sanders, 1998]). В частности, отношения связности определяются в качестве когнитивного механизма, к которому прибегает адресант для структурного и смыслового сцепления двух текстовых отрезков; респондент в свою очередь распознает данные отношения при интерпретации отрезков текстового произведения.

Последователи теории риторических структур вводят также понятие реляционной пропозиции, которое трактуется как результат реляционных структур (более подробно см. [Kibble, Power, 2004]). Например, в текстовом произведении, в котором фиксируется отрезок, манифестирующий констатацию факта и связываемый с другим отрезком отношениями детализации, реляционная пропозиция реализует допущение адресанта относительно того, что детализация дает возможность «усилить» восприятие факта констатации со стороны респондента. Исходя из подобных рассуждений можно сделать вывод о том, что цельность текста блога оказывается прямым следствием действия тех отношений, которые устанавливаются между сообщением автора и реакцией читателя или отрезками текста, созданными другими читателями. При такой интерпретации когерентность текста блога можно определить как реляционную сущность в противоположность цельности, трактуемой как когнитивный феномен.

Следовательно, цельность предстает прагматической характеристикой когезии двух (и более) текстовых отрезков (в нашем случае диалогических шагов участников компьютерно-опосредованной коммуникации) с опорой на конкретный тип риторических отношений. Как результат этого — в рассматриваемой нами теории решается проблема количества риторических отношений в отдельно взятом языке или универсальных для всей совокупности языков, что актуализует лингвокультурный аспект исследования.

Типология риторических отношений между соположенными и разноположенными текстовыми отрезками базируется на характере прагматических эффектов, производимых определенными отношениями. Создатель текстового произведения исходно допускает, что респондент способен распознать типы риторических отношений, которые связывают два (и более) текстовых отрезка. Дифференциация типов риторических отношений коррелирует с разграничением семантического и прагматического потенциала средств связывания в дискурсе, классификацией этих средств в зависимости от того, какой тип отношений они маркируют.

Согласно воззрениям Т. ван Дейка, «прагматический коннектор выражает отношение между речевыми актами, средства семантической связи — между фактами, отраженными в тексте» [*в переводе van Dijk, 1979: 449*]. Проблема типологии риторических отношений, которые

моделируются между текстовыми отрезками, по существу, до сих пор является открытой в современном общем и частном языкознании. Думается, что сложность решения этой проблемы заключается в том, что подобные типы отношений могут не маркироваться в тексте, эксплицитно не манифестироваться соответствующими маркерами.

При явном маркировании риторические отношения между текстовыми отрезками манифестируются ключевыми выражениями (дискурсивными маркерами), такими глагольными категориями, как наклонение, время, аспектуальность, структурными параметрами формируемого текста. Эти выражения являются приоритетным предметом изучения в области явного маркирования риторических отношений между текстовыми отрезками.

Так, М. Т. Табоада на основе сопоставления непринужденного диалогического общения в английской и испанской культурах пришла к заключению, что риторические отношения, маркируемые сочинительными и подчинительными союзами, получают реализацию на локальных уровнях диалогических текстов [Taboada, 2004]. На материале русской языковой культуры данная проблематика еще не исследовалась, что составляет особую актуальность научного исследования, проводимого нами.

Использование методик анализа, разработанных в теории риторических структур, является конструктивным при выявлении коммуникативных умений блогера поддержать внимание множественных респондентов к своему сообщению, организовать последующее разворачивание текста блога за счет читательских реакций. При этом анализ текста блога нацелен на выявление специфики интерпретации этого текста адресатами, что в свою очередь входит в число актуальных проблем общей и частной лингвистики текста и дискурса.

Исследователь выступает как сторонний наблюдатель текущих результатов взаимодействия участников компьютерно-опосредованной коммуникации, принимает во внимание непосредственные контексты виртуального общения с целью фиксирования того, как автор и множественные респонденты:

- совместно и асинхронно создают текст блога;
- инкорпорируют сообщения партнеров по интеракции в собственное дискурсивное произведение;
- активируют определенные типы риторических отношений между отрезками виртуального текста.

В русле заявленной проблематики текст русскоязычного блога может трактоваться как структурный и смысловой корпус асинхронных текстов, дискурсивный процесс, предопределяемый автором и множественными респондентами. Каждое сообщение анализируется нами как автономный текстовый сегмент, своеобразная реакция на социальный и лингвокультурный контексты виртуальной интеракции и — в идеале — релевантный вклад в поступательное разворачивание когерентного текста блога. Эта перспектива прагматического исследования гармонично сочетает в себе интеракциональные и текстуальные подходы к исследуемым языковым явлениям.

Выводы по первой главе

1. Исследование прагматических и лингвокультурных проблем компьютерно-опосредованного общения дает возможность по-иному взглянуть на традиционную проблему взаимоотношений между диалогической интеракцией и коммуникацией. В классических представлениях коммуникация является последовательностью вербальных действий и реакций на них, серией действий, реализуемых в интересующем пространстве. С учетом проблематики, рассматриваемой в первой главе нашей работы, коммуникация может трактоваться как результат сложной скоординированной деятельности, событие, порождающее разговорное пространство, в котором тесно переплетаются прагматические (личностные) и лингвокультурные (социальные) взаимоотношения индивидов.

Коммуникация — это не столько процесс передачи актуальной информации, сколько активация социальных, лингвокультурных и психологических взаимоотношений индивидов, процесс, с опорой на который собеседники конструируют специфическую виртуальную реальность. Эта реальность «разжижает» структурные и процессуальные характеристики коммуникации.

2. В прагматическом аспекте компьютерно-опосредованная коммуникация может интерпретироваться как форма виртуального, «разреженного» диалога, в рамках которого не соблюдаются правила, обеспечивающие эффективность взаимодействия собеседников, а ком-

пьютерная опосредованность порождает асимметричные отношения между отправителем и получателем сообщения. В свою очередь эти отношения:

- предоставляют адресанту возможность актуализовать нужную информацию, инициировать диалогическое сотрудничество, но не гарантируют, что целевой адресат получит инициируемое сообщение;
- не обеспечивают респондента гарантией, что идентичность, исходно заявленная инициатором общения, является истинной.

Подобный двойственный эффект оказывает мощное влияние на выражение смысловых позиций и конструирование «Я» собеседниками в рамках виртуальной реальности. В этом случае понятие «виртуальная реальность» фиксирует не столько физический мир, окружающий собеседников, сколько их индивидуальное восприятие этого мира, опосредованного ментальными процессами, протекающими в сознании участников общения.

3. В лингвокультурном аспекте блоги обеспечивают представителям онлайн-сообществ оптимальную возможность выражать свое мнение, реагировать на точку зрения других представителей этого же самого сообщества, оценивать ее, исходя из утвердившейся системы аксиологических принципов, совместно порождать спонтанный текст, отражающий гетероглосный характер инициируемых смысловых позиций. Следовательно, блоги как определенная коммуникативная среда удовлетворяют прежде всего первому и второму определениям понятия «сообщество», отвечают многочисленным потребностям, выдвигаемым публичной сферой организации и поддержания общения.

4. Блоги моделируют лингвокультурный форум для спонтанного порождения идей и мыслей. Наиболее действенной причиной обращения к блог-дискурсу становится возможность творческой самореализации, в том числе на языковом уровне, стремление поделиться личным опытом с другими пользователями интернет-сети. Виртуальные миры моделируются и задействуются блогерами для выражения мнения, отражения образа современной жизни, размывающего концепцию целостного «Я» и идентичности человека.

Блоги — это повествование, которое конструируется множеством авторов, порождающих новую лингвокультурную идентичность. Эта идентичность в свою очередь может быть определена как децентрализованное собрание бессознательных и сознательных верований, знаний, интуиции о себе и реальной действительности. Блоггер наделен безграничным правом быть официальным обладателем и «правителем» своего виртуального домена.

5. Теория риторических структур — это описательный лингвистический подход к целому ряду языковых явлений, которые связаны:

- с дискурсивной и текстовой организацией деятельности участников коммуникации;
- функционированием устных, письменных и виртуальных текстовых произведений;
- прагматическим потенциалом словоформ, сочетаний, грамматических конструкций и иных единиц языка, которые обеспечивают связность и целостность текста с учетом социального и лингвокультурного контекстов.

Теория, проанализированная в первой главе нашей работы, в большей степени фокусируется на динамических аспектах уже созданного текста, чем на процессах его порождения и восприятия, фиксирует прагматический и лингвокультурный потенциалы текстуальных структур, «строительные блоки» текстового произведения или отдельного его фрагмента. Вследствие этого теория риторических структур уточняет прагматические и лингвокультурные модели контекстуального функционирования языковой материи.

Глава 2

МОДЕЛИ РИТОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ БЛОГОВ: СЕМАНТИКА, СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, ПРАГМАТИКА

2.1. Риторические отношения контраста и их прагматическая роль в разворачивании текстов блогов

2.1.1. Средства маркирования риторических отношений контраста

Одной из актуальных проблем как общей теории языка, так и частных его разделов (в том числе и русистики) является исследование специфических лингвистических средств в аспекте повседневного функционирования языка. Выявление регулярных языковых структур и того, как эти структуры комбинируются с целью выражения коммуникативных намерений говорящей личности, предстает фундаментальной проблемой функциональных исследований в сфере русского языка как социального действия и культурного феномена. Составляя интегральную часть общей программы функциональных научных трудов, фокусирующихся на проблемах использования языка, в работе прослеживается специфика реализации риторических отношений, которые частотно задействуются в текстах блогов.

Прежде всего уделим внимание отношениям контраста, тому, как участники компьютерно-опосредованного общения моделируют контраст, наделяя его определенной функциональной нагрузкой. Мы сосредоточиваемся на функциях контраста, который создают блогер и реагирующие собеседники в процессе асинхронного интерактивного взаимодействия. При этом сначала исследуются диалогические тексты блогов, в которых актуализуются риторические отношения контраста.

В рамках нашего научного исследования мы интерпретируем контраст как фрагмент виртуального совместно порождаемого текста, в котором активируется противопоставление между мнениями блогера и его собеседников. В теории риторических структур данный тип текстовых отношений определяется не только как контраст, но и как антитезис, а в некоторых случаях и специфическое проявление уступки. Два текстовых сегмента (главным образом отдельно взятые высказывания) представляются как пропозиции, которые могут осознаваться участниками общения как:

— во многих аспектах выявляющие общее семантическое содержание;

- в некоторых аспектах обладающие несхожим семантическим содержанием;
- в соответствии с различиями в семантике сопоставляемые с опорой на то или иное общее семантическое содержание [в переводе Mann, Thompson, 1988].

В блоговом тексте риторические отношения контраста могут эксплицитно маркироваться противительными союзами *а* и *но* или пределяться контекстом употребления соответствующих высказываний при отсутствии явных маркеров. При этом контрастные риторические отношения формируются между:

- а) компонентами одной и той же реплики блогера или собеседника как сегмента совместно порождаемого текста;
- б) стимулирующей и реагирующей репликами, которые реализуются участниками коммуникативно-опосредованного общения.

Согласно нашим наблюдениям, стабильная тенденция формирования риторических контрастных отношений в обоих случаях заключается в том, что данный тип отношений, маркируемых противительными союзами *а* или *но*, наблюдается между полным и сегментированным высказыванием в рамках как отдельной диалогической реплики, так и диалогического единства, образуемого высказываниями блогера и собеседника. Другими словами, сегмент текста блога, манифестируемый автономной репликой-стимулом или сцеплением реплики-стимула и реплики-реакции, образует связанное диалогическое высказывание.

В рамках виртуального текста контрастные суждения преимущественно порождаются как своеобразные реакции на стимулирующие суждения блогера за счет введения таких пропозиций, которые выявляют противоположность, несовместимость мнений собеседников. Прагматическая связность речевых действий участников компьютерно-опосредованного общения реализуется с опорой на опровержение, критическое освещение пропозиции, активированной блогером, что в дискурсивном плане взаимодействия фиксируется антонимичностью тех характеристик освещаемого события, которые отражаются в стимулирующем и реагирующем суждении. При этом антонимичность, выступая показателем фоновых знаний собеседников, приобретает конструктивную роль в смысловом разворачивании совместного текста, обеспечении взаимопонимания в акте текущего общения.

В контексте компьютерно-опосредованной коммуникации стимулирующие и реагирующие сообщения, репрезентируемые констатирующими и восклицательными суждениями, служат средством реализации как актуальной диктальной информации, так и модальных значений. Прагматическим индикатором этих значений оказывается оформление сообщений как мнения об освещаемом событии, которое предопределяется, как правило, предшествующим опытом участия в этом событии. Реализуя определенное модусное содержание, блогер выражает предположение о характере прогнозируемой реакции со стороны респондентов, делает попытку заручиться поддержкой респондентов. Вместе с тем данный сценарий взаимодействия, инициируемый блогером, вызывает контрастный ответ, поскольку респонденты отдают предпочтение альтернативному видению обсуждаемой ситуации.

Маркерами связности и одновременно риторических контрастных отношений выступают противительные союзы. При этом анализируемые нами отношения, как правило, осложняются дополнительной семантикой, которая реализуется последующей пропозицией стимулирующего или реагирующего высказывания. Эта семантика в свою очередь нацелена на подтверждение действительности моделируемого контраста, релевантности точки зрения, выражаемой блогером или реагирующим собеседником.

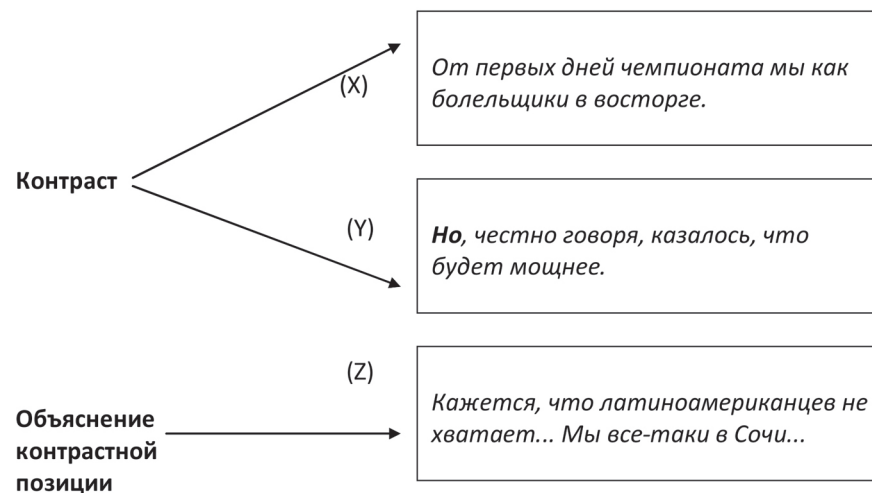
Ср. следующие примеры (для удобства анализа здесь и далее высказывания блогера и реагирующих собеседников оформляются как диалогические реплики):

- (1) «— (X) *От первых дней чемпионата мы как болельщики в восторге.*
 — (Y) *Но, честно говоря, казалось, что будет мощнее.*
 (Z) *Кажется, что латиноамериканцев не хватает: испанцы с португальцами тоже веселые, но слишком европейские. Вот аргентинцы, бразильцы, перуанцы — эти ребята веселее. Мы все-таки в Сочи, и нам хочется чего-то поужнее, поэмоциональнее: музыки, танцев» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].*

Риторические отношения контраста, моделируемые в реплике блогера, представляются на Схеме 3.

Схема 3

Модель риторических отношений контраста в реплике блогера с опорой на формальный маркер

Примечание. (X) — исходное суждение; (Y) — контрастирующий аргумент; (Z) — объяснение контрастирующей позиции блогера

В текстовом сегменте (1) риторические отношения контраста активируются на уровне стимулирующей реплики блогера между компонентами высказывания (X) и (Y): говорящий субъект выдвигает суждение и одновременно приводит контраргумент. Прагматической основой инициации контраста между анализируемыми компонентами становится эмоциональная оценка блогером описываемого события, несхожесть между результирующей оценкой события и его исходной (гипотетической, предполагаемой) оценкой (*в восторге* — *казалось, что будет мощнее*). Риторические контрастные отношения эксплицитно маркируются противительным союзом *но*. Компонент (Y) представляет собой сегментированное высказывание. Этот компонент мы

рассматриваем как элиминированную часть предшествующего высказывания. Компоненты (X) и (Y) образуют части сложносочиненного предложения с противительными отношениями.

Полагаем, что сегментированные конструкции, участвующие в моделировании риторических отношений контраста, выявляют такие устойчивые прагматические характеристики, как:

- 1) способность к передаче интенсивных позитивных или негативных эмоций относительно ситуации, обсуждаемой в тексте блога;
- 2) способность к фиксации эмоционально-волевого состояния, испытываемого респондентом;
- 3) манифестация отклонений от нейтральной нормы, характерных для оцениваемой ситуации, чрезмерной эмоциональной активности и неконтролируемого эмоционального выплеска респондента, что находит эксплицитное выражение в пропозиции контрастных суждений.

Контраст, моделируемый компонентами (X) и (Y), сопровождается объяснением того, почему блогер занимает в тексте контрастирующую смысловую позицию: приводятся доводы того, что сделало бы событие более насыщенным и незабываемым. Это объяснение, как свидетельствует последующее разворачивание виртуального текста, становится прагматической основой реагирования со стороны множественного собеседника, поскольку именно оно оказывается в фокусе внимания адресатов (на исходное суждение блогера отреагировали 17 собеседников; все они избрали объяснительный компонент (Z) в качестве исходной посылки для своих суждений). Блогер осмысливает контраст как проблемное представление события, участником которого он стал. Проблемный характер события, по мнению блогера, требует восполнения, которое репрезентируется объяснительным компонентом (Z). Этот компонент в свою очередь поддерживается компонентом (Y), являющимся одним из полюсов контраста.

Риторический анализ фрагмента виртуального текста (1) выявляет следующие стратегические установки блогера:

- несовместимость между компонентами (X) и (Y), моделирующими риторические отношения контраста, находит логическое объяснение в компоненте (Z);

— контраст и его объяснение как риторические действия нацелены на убеждение потенциальных адресатов в действенности выдвигаемой позиции.

В данном случае контраст функционирует как риторический формат представления двух несхожих эмоциональных оценок одного и того же события. При этом первая оценка, манифестируемая компонентом (X), трактуется блогером как объективная, вторая оценка, отражаемая компонентом (Y), — как субъективная, личностная. Выражение второй оценки становится основанием для реализации последующего объяснительного компонента (Z). Блогер признает потенциальную несовместимость компонентов (X) и (Y), вводит поддержку (Z) для аргументированного представления своей субъективной перспективы видения описываемого события.

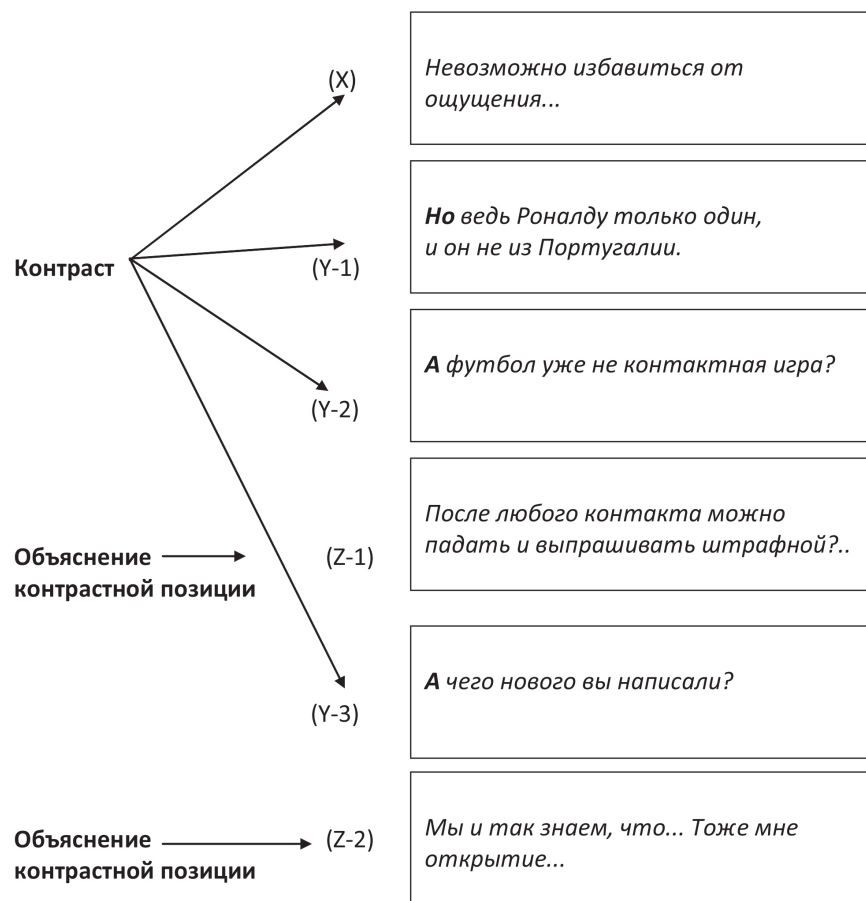
Во фрагменте (2) риторические отношения контраста моделируются между исходным сообщением блогера и последующими реагирующими высказываниями трех собеседников:

- (2) «— (X) *Невозможно избавиться от ощущения, что все действия Роналду пропитаны самолюбованием. Как отрететированно он празднует, как драматично настраивается перед штрафными и пенальти, как поправляет и без того короткую стрижку. Даже специально становится чуть боком, когда исполняют национальный гимн: поворачиваясь то ли к своей скамейке, то ли к группе болельщиков на дальнем углу поля, то ли, наоборот, отворачиваясь — от соперников.*
— (Y-1) *Но ведь Роналду только один, и он не из Португалии.*
— (Y-2) *А футбол уже не контактная игра?*
— (Z-1) *После любого контакта можно падать и выпрашивать штрафной? Симуляция потери равновесия и падения...*
— (Y-3) *А чего нового вы написали?*
— (Z-2) *Мы и так знаем, что девушкам нравятся красивые, богатые парни. Тоже мне открытие...»* [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Риторические отношения контраста, моделируемые между репликами блогера и его респондентами, представляются на Схеме 4.

Схема 4

Модель риторических отношений контраста между стимулирующей репликой блогера и реагирующими высказываниями респондентов с опорой на формальные маркеры

Примечание. (X) — исходное суждение блогера; (Y-1) — контрастирующий аргумент первого респондента; (Y-2) — контрастирующий аргумент второго респондента; (Y-3) — контрастирующий аргумент третьего респондента; (Z-1) — объяснение контрастирующей позиции второго респондента; (Z-2) — объяснение контрастирующей позиции третьего респондента

Во фрагменте текста блога (2) риторические отношения контраста моделируются между исходным сообщением блогера и последующими реакциями трех собеседников (на данное сообщение всего отреагировало 39 респондентов). Контраст инициируется реагирующими репликами респондентов, которые нацелены на то, чтобы расширить фоновые знания блогера относительно описываемого явления.

Исходно блогер выдвигает оценочные суждения об известном футболисте (X). Респонденты, выражая контрастную позицию, реагируют на различные эмоционально насыщенные сегменты пропозиционального содержания стимулирующего сообщения, делают попытку обосновать неправомочность тех критических замечаний, которые выражает блогер по отношению к известному футболисту. Другими словами, оценочные суждения блогера (X) предопределяют не только восприятие его эмоционально-волевого состояния, но и категоризацию этого состояния в терминах несходных мнений, контрастирующих аргументов (Y-1), (Y-2) и (Y-3), выраженных с той или иной степенью явности.

Как и в текстовом фрагменте (1), отмеченные компоненты виртуального текста представляют собой сегментированные высказывания, маркируемые непосредственно противительными союзами *а* и *но*. Эти компоненты в свою очередь сцепляются с определенными сегментами пропозиций исходного сообщения блогера, формируют с этими сегментами целостные сложносочиненные предложения с противительными отношениями между частями. Ср.:

- (3) «(X)... все действия Роналду пропитаны самолюбованием, (Y-1) **но** ведь Роналду только один, и он не из Португалии», т. е. поэтому действия Роналду пропитаны самолюбованием, и не следует к этому относиться с иронией и пренебрежением;
- (4) «(X) Как отрепетированно он празднует, как драматично настраивается перед штрафными и пенальти, как поправляет и без того короткую стрижку, (Y-2) **а** футбол уже не контактная игра?», т. е. действия известного футболиста предопределяются конвенциями спортивной игры;

- (5) «(X) *Даже специально становится чуть боком, когда исполняют национальный гимн: поворачиваясь то ли к своей скамейке, то ли к группе болельщиков на дальнем углу поля, то ли, наоборот, отворачиваясь — от соперников, (Y-3) а чего нового вы написали?»*, т. е. не стоит усматривать в действиях футболиста нечто противоестественного, эти действия направлены на то, чтобы вызвать симпатию зрителей матча.

Сегментированные контрастирующие реакции респондентов неявно выражают превалирование аффективной стороны над рациональным началом комментариев-мнений. Базовая схема прагматической уместности сегментированных высказываний, которые вводятся противительными союзами *а* и *но*, объективируется с учетом того, что функционирование и интерпретация контрастных риторических структур осуществляются в определенных дискурсивных контекстах, задаваемых социально-культурным пространством. Участники компьютерно-опосредованной коммуникации выступают активными субъектами этого пространства.

Контраст, моделируемый в совместно порождаемом виртуальном тесте, объективируется преимущественно как модусные реакции респондентов на исходный модусный стимул блогера: комментарии адресатов противопоставляются суждениям блогера именно на модусном основании, интенсифицируют модусную перспективу, которая заложена в стимулирующем высказывании, расширяют и уточняют ее, исходя из противоположных аксиологических позиций. Ср., в частности, риторические отношения контраста, которые формируются между компонентами текста (X) и (Y-2), (X) и (Y-3), в которых наблюдается модусно-модусное согласование семантического содержания целостных сложносочиненных конструкций.

Исходное сообщение блогера (X), обладая эмоциогенным потенциалом, вызывает не менее эмоциональные реакции (Y-2) и (Y-3) со стороны респондентов, становится прагматической основой контраста между эмоционально-волевым состоянием участников виртуального общения, языковым воплощением этих состояний, социальным поведением собеседников в процессе порождения текста и рациональностью этого текста. Эмоциональная категоризация поведения извест-

ного футболиста, представленная в стимуле (X), оказывается в фокусе контрастных реакций респондентов (Y-2) и (Y-3).

При совместном конструировании контрастного высказывания эмоциональная реакция на эмоциональный же стимул, по всей видимости, требует от респондента объяснения целесообразности выдвигаемой контрастной позиции. В частности, контрастные точки зрения (Y-2) и (Y-3), выражаемые респондентами, сопровождаются компонентами (Z-1) и (Z-2), которые содержат объяснение того, почему адресаты придерживаются контрастной позиции, неявно указывают на незнание блогером правил спортивной игры (ср.: (Z-1) *После любого контакта можно падать и выпрашивать штрафной?..*), общих конвенций взаимодействия спортсменов и болельщиков во время футбольного матча (ср.: (Z-2) *Мы и так знаем, что... Тоже мне открытие...*).

Согласно нашим наблюдениям, при моделировании риторических отношений контраста модусно-модусное согласование компонентов сложносочиненной конструкции всегда сопровождается объяснительным компонентом. Очевидно, что эмоциональные реакции в совместно порождаемом тексте блога неизбежно предполагают свое рациональное объяснение.

При этом прагматической основой ответных контрастных реакций респондентов, как мы увидели на примере реагирующих высказываний (Y-2) и (Y-3), становятся различные аспекты одного и того же модусного плана стимулирующего сообщения, которые, с точки зрения респондентов, связаны с отрицательной оценкой образа известного футболиста (самолюбованием, показным характером выполняемых действий, заигрыванием с болельщиками). Данный план в свою очередь можно рассматривать как прагматический механизм поддержания множественных психологических контактов между блогером и респондентами, гибкого перехода компьютерно-опосредованной коммуникации от диктального отражения внеязыковой действительности к глубинной аффективно-ситуативной форме общения.

Реализуя эмоциональные реакции (Y-2) и (Y-3), респонденты фактически указывают на нецелесообразность выдвигаемой блогером оценки, делают попытку изменить эту оценку на противоположную. Иными словами, коммуникативный контакт между блогером и респондентами, представляемый через контрастное освещение точек зрения в рамках

целостных сложносочиненных конструкций, трактуется нами как своеобразный индикатор совмещения эмоциональных картин мира собеседников в процессе совместного разворачивания текста блога, в том числе с опорой на объяснительный компонент, который сопровождает контраст.

Подобного объяснения мы не обнаруживаем при моделировании контрастного высказывания (X)—(Y-1): респондент реагирует не на модусную, а диктальную составляющую исходного сообщения, обнаруживает факты, которые не известны блогеру, игнорируя эмоционально-волевое состояние, манифестируемое блогером. Ср.:

- (6) «(X) Невозможно избавиться от ощущения, что все действия Роналду пропитаны самолюбованием, (Y-1) **но** ведь Роналду только один, и он не из Португалии».

В этом случае риторические отношения контраста объективируются в совместно порождаемом тексте как модусно-диктумное согласование компонентов (X) и (Y-1), реализуемых блогером и респондентом, но формирующих целостную сложносочиненную конструкцию. Иницируя диктальную реакцию на модусную составляющую стимулирующего высказывания, респондент выражает беспристрастную позицию относительно той ситуации, которую представляет блогер как эмоционально насыщенную, представляет рациональное объяснение этой ситуации как не связанное с каким-либо эмоционально-волевым состоянием. Возможно, в связи с этим реакция респондента (Y-1) не сопровождается объяснительным элементом, поскольку сама эта реакция реализует объяснительную функцию, содержит фактическую информацию, которой, по мнению респондента, не владеет блогер.

В рамках совместно порождаемого текста блога риторические отношения контраста могут не получать явного маркирования, манифестироваться формально, при отсутствии противительных союзов, выполняющих функцию явных маркеров соответствующих отношений. Ср.:

- (7) «— (X) Англия будет всеми способами изматывать вам нервы. Подарит ощущение быстрой и легкой победы, открыв счет уже на 11-й минуте.
— (Y-1) Это следует воспринимать как обманчивое впечатление.

— (Z-1) Англия хорошо бежит, неплохо пасует, выглядит довольно живо и бодро.., но мысли в атаке — никакой. Вся игра сводилась к тому, чтобы доставить мяч до подающего из-за пределов штрафной, а он уже навешивает в штрафную, либо же к примитивным прострелам. Более-менее приличная сборная такого не простит и накажет.

— (Y-2) Я сам болею за Англию после сборной России. Ну давайте скажем откровенно и не будем летать в облаках, что из топ сборных сборная Англии — самая слабейшая на чемпионате.

— (Z-2) Она неопытная, очень молодые игроки находятся под жесточайшим огромным психологическим давлением. Если они выйдут из группы и дойдут хотя бы до 1/4 финала, это будет уже считаться шикарным результатом» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Специфика риторических отношений контраста моделируемых между стимулирующей репликой блогера и последующими реакциями респондентов, представляется на Схеме 5.

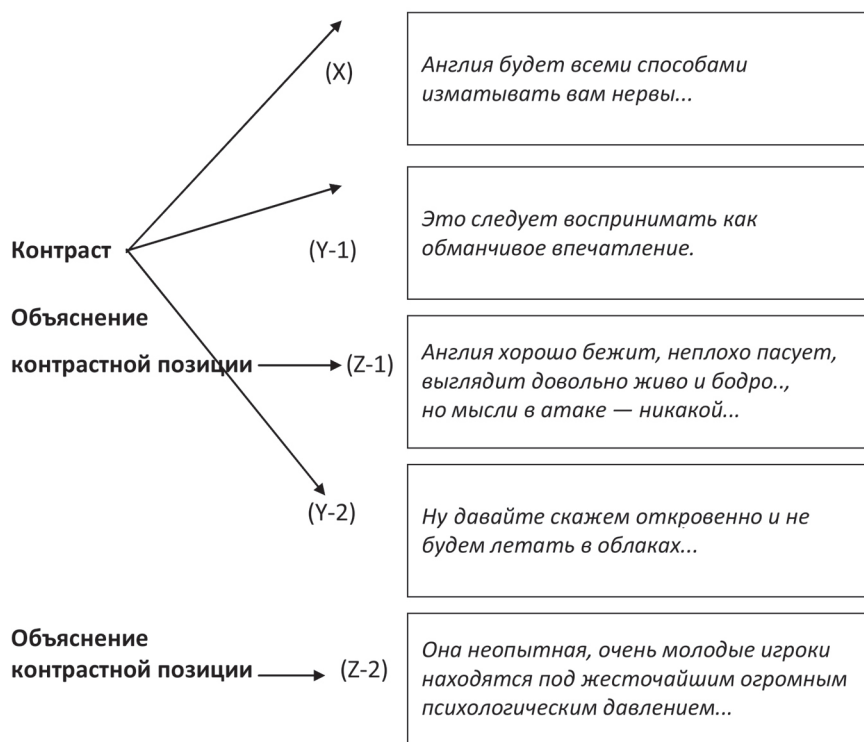
Отличие от фрагмента виртуального текста (2), реагирующие сообщения респондентов (Y-1) и (Y-2) вводятся в данном случае формальным образом, противительные союзы в них отсутствуют. Исходное сообщение блогера (X) представляет собой оценочное суждение относительно виртуозности и мастерства футболистов английской команды, игра которых не оставляет болельщиков равнодушными, постоянно держит их в эмоциональном накале. Ответные реагирования респондентов (Y-1) и (Y-2) содержат противоположную оценку ситуации, описываемой блогером. Другими словами, при отсутствии формальных маркеров риторические отношения контраста моделируются в тексте блогов как модусно-модусное согласование стимулирующего и реагирующих высказываний, которые содержат несходную оценку обсуждаемого события.

Отсутствие эксплицитных маркеров контраста, моделируемого реактивными комментариями респондентов (Y-1) и (Y-2), сопровождается усилителями манифестируемой оценки: пропозиции реплик оформляются средствами деонтической модальности с императивным значением (следует воспринимать, давайте скажем откровенно.., не будем летать

в облаках...). Подобные модальные средства наделяют комментирующие высказывания декларативным характером: по мнению респондентов, блогер призван изменить свое оценочное отношение к воспроизводимой ситуации, безоговорочно признать противоположную оценку положения дел с английской командой, сложившейся на футбольной арене.

Схема 5

Модель риторических отношений контраста между стимулирующей репликой блогера и реагирующими высказываниями адресатов при отсутствии формальных маркеров

Примечание. (X) — исходное суждение блогера; (Y-1) — контрастирующий аргумент первого респондента; (Y-2) — контрастирующий аргумент второго респондента; (Z-1) — объяснение контрастирующей позиции первого респондента; (Z-2) — объяснение контрастирующей позиции второго респондента

Оценочные суждения блогера (X) — с позиции субъективного восприятия респондентов, отраженных в высказываниях (Y-1) и (Y-2), — фиксируют максимальное отклонение оцениваемой ситуации от естественной нормы своих действительных характеристик. Интенсификация модусных компонентов данных реактивных сообщений осуществляется с опорой на введение имен прилагательных с отрицательным оценочным значением (*обманчивое впечатление, самая слабая на чемпионате*), которые выражают предельный характер негативного проявления того положения дел, которое связывается с игрой английской команды на чемпионате мира. В этой связи компьютерно-опосредованная коммуникация может трактоваться как своеобразные эмоционально насыщенные переговоры между блогером и респондентами, их позициями оценочной манифестации тех или иных притязаний и встречного контрастного освещения этих притязаний.

Таким образом, модусные компоненты реагирующих суждений респондентов (Y-1) и (Y-2) моделируют контраст, который:

- порождает прагматический эффект вторжения в сферу внутреннего «Я» инициатора виртуального общения;
- оказывает эмотивно-образное воздействие на текущее эмоционально-волевое состояние блогера, цель которого — изменить оценочное отношение к ситуации, обсуждаемой в совместном виртуальном тексте.

Заметим, что, моделируя риторические отношения контраста с опорой на реагирующие высказывания без формальных показателей, респонденты-комментаторы воспроизводят образ себя — в сравнении с блогером — как рационального субъекта, обладающего достоверной информацией об обсуждаемом событии. В связи с этим за контрастными реакциями, комментирующими стимулирующее сообщение, как правило, следует объяснение того, почему респонденты занимают противоположную позицию (ср. компоненты реактивных сообщений (Z-1) и (Z-2)).

Респонденты демонстрируют личностные контрастные представления об английской футбольной команде. Обсуждаемая ситуация, с точки зрения респондентов, настоятельно требует противоположной оценки с опорой на объективные факты, которые не известны блогеру. Освещение этих фактов в объяснительных компонентах (Z-1) и

(Z-2) сочетает в себе диктумное и модусное содержание, что усиливает воздействие, оказываемое на блогера, дает возможность поддержать фатический контакт с ним. В конечном итоге блогер призван истолковать «грамматику» испытываемого эмоционального воздействия, выразить согласие с контрастной точкой зрения респондентов.

В функциональном плане контрастное высказывание формируется иллюкутивными действиями блогера и его респондентов, пропозициональным содержанием их сообщений, отражающим некоторое положение дел. Эмоции оказывают воздействия на оба компонента высказывания, как правило, не получая эксплицитного выражения, внедряются в виртуальное взаимодействие собеседников и таким образом тесно переплетаются с прагматической организацией риторических отношений контраста. Эмоции являются источником контрастных иллюкутивных действий собеседников, совместно конструируются ими в ходе развития компьютерно-опосредованного взаимодействия.

В рамках совместно моделируемого виртуального текста риторические отношения контраста также наблюдаются между стимулирующим суждением блогера и последующими реагирующими сообщениями респондентов, в которых выражается несогласие с исходно выраженным мнением относительно обсуждаемой ситуации. В ходе разворачивания текста блога обнаруживаются полярные оценки внеречевой ситуации, что непосредственно предопределяет соответствующие позиции собеседников.

В этом случае в компьютерно-опосредованной коммуникации активируется фрейм диссонансного взаимодействия участников общения, который отражает несоответствие, противоположность прагматических установок исходного сообщения блогера и ответных реакций респондентов. В контексте активации подобного фрейма отдельные сегменты пропозиции реагирующих высказываний противопоставляются определенным пропозициональным сегментам исходного сообщения блогера. Ср.:

(8) «— (X) В начале тайма сборная привезла опасный штрафной. Черчесову это не понравилось... Черчесов был так активен, что чуть не травмировался. Решения судьи не всегда нравились...

Единственное спасение — трибуны... Болельщики сегодня молодцы. А вот футболисты не очень...

— (Y-1) **Нет**, Черчесову все понравилось.

— (Z-1) За 10 дней он успел превратиться из “усатого физрука” в чела, за добрым здравием которого следит весь спорт...

— (Y-2) **Нет**, все же женщина и футбол — две вещи несовместимые в природе...

— (Y-3) **Нет**, игроки играть умеют.

— (Z-2) Просто не всех из них этот тренер взял.

— (Y-4) **Нет**, Черчесов как тренер — полный ноль.

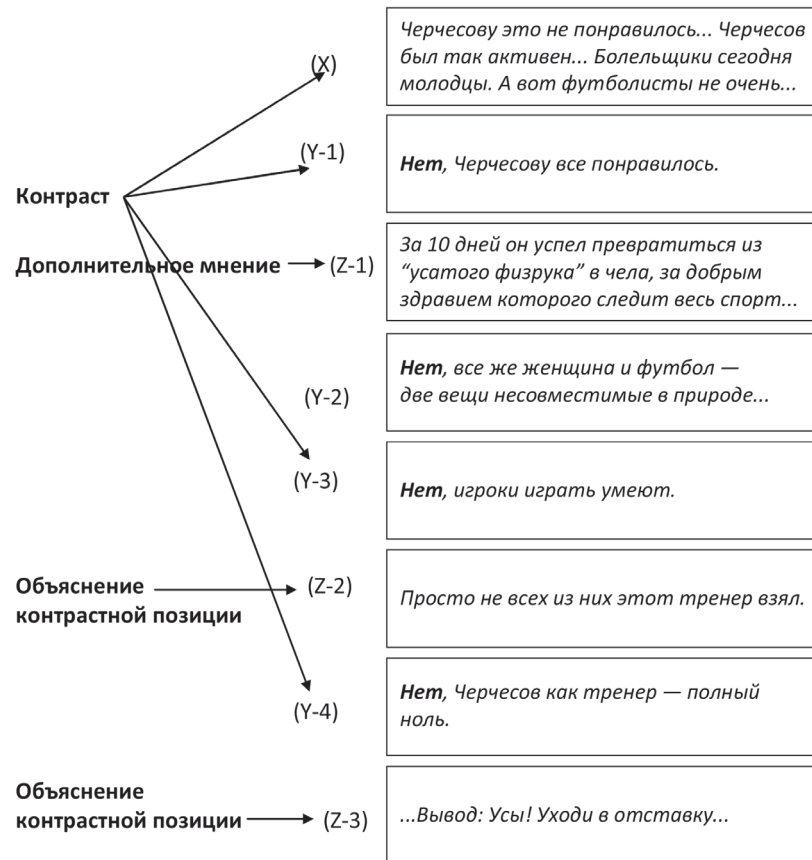
— (Z-3) Вратарь. Что тут скажешь!?! Да и с Денисовым поступил низко. Вывод: Усы! Уходи в отставку...» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Исходное сообщение блогера (X) содержит оценочные суждения об игре сборной России с командой из Уругвая, действиях тренера, футболистов и болельщиков во время игры. Блогер (девушка, 27 лет) выражает симпатию по отношению к тренеру российской команды, критически оценивает игру футболистов, отмечает позитивный настрой футбольных фанатов. На данное сообщение отреагировали 302 респондента, из которых 4 собеседника выразили эксплицитное несогласие с мнением блогера (Y-1)—(Y-4), обнародовали полярную оценку обсуждаемого события. В свою очередь, эти реакции формируют контраст со смысловой позицией, представленной блогером в стимулирующем сообщении. В отличие от фрагментов (1)—(5) структура ответных реакций респондентов не включает в свой состав начальных противительных союзов, а маркируется словом *нет*, которое и семантизирует контрастные позиции реагирующих собеседников.

В сфере несогласия респондентов явно попадают два элемента ситуации, освещаемой блогером, — тренер и игроки. Третий элемент данной ситуации — болельщики — неявно оказался в сфере второго респондента. Для двух других респондентов этот элемент, вероятно, не является приоритетным. Так, первый реагирующий собеседник выражает противоположную точку зрения на оценочную реакцию, которую проявляет тренер, следя за игрой своей команды (Y-1). Контрастное оценочное суждение собеседника сопровождается комментированием

Схема 6

Модель риторических отношений контраста между стимулирующей репликой блогера и реагирующими высказываниями респондентов, маркируемыми словом *нет*

Примечание. (X) — исходное суждение блогера; (Y-1) — контрастирующий аргумент первого респондента; (Z-1) — объяснение контрастирующей позиции первого респондента; (Y-2) — контрастирующий аргумент второго респондента; (Y-3) — контрастирующий аргумент третьего респондента; (Z-2) — объяснение контрастирующей позиции третьего респондента; (Y-4) — контрастирующий аргумент четвертого респондента; (Z-3) — объяснение контрастирующей позиции четвертого респондента

выраженной контрастной позиции (Z-1), которое демонстрирует общую позитивную оценку профессиональной деятельности тренера российской команды. В риторическом плане этот комментарий оказывается никак не связанным с предшествующим суждением, а поэтому рассматривается нами как дополнительное мнение собеседника. Модель риторических отношений контраста, маркируемых инициальным словом *нет* в реагирующих сообщениях, представлена на Схеме 6.

На компонент ситуации «тренер» реагирует и четвертый респондент, инициируя высказывание (Y-4): вводя контрастное мнение, он сосредоточивает внимание прежде всего на профессиональной непригодности тренера (ср. *Черчесов был так активен — Черчесов как тренер — полный ноль*). Это мнение сопровождается объяснением того, почему респондент не согласен с оценкой деятельности тренера, представленной блогером в стимулирующем суждении (Z-3). Основой контрастирующего мнения (Y-4) становится именно позитивная оценка действий тренера, выраженная блогером. Автор второго сообщения (Y-2) манифестирует контраст, фактически отказывая блогеру в возможности выразить свое мнение относительно футбольной игры. По мнению респондента, футбол — это сугубо мужская игра, а поэтому он выражает скептическое отношение к точке зрения, озвучиваемой блогером.

Риторические отношения контраста, которые формируются между стимулирующим сообщением блогера и реагирующими высказываниями респондента, маркируемыми словом *нет*, выявляют следующие прагматические особенности:

- 1) в исходном сообщении (X) превалирует модусное содержание, которое имплицитно подразумевает эмоционально-волевое состояние блогера в момент инициации сообщения, его субъективное восприятие обсуждаемой ситуации: субъект вступает в коммуникативно-опосредованную коммуникацию с целью моделирования эмоционально насыщенного диалога с заинтересованными адресатами;
- 2) контрастные реагирующие сообщения (Y-1)—(Y-4) оформляются как множественные модусные реакции респондентов на модусное содержание стимулирующей реплики блогера: в фокус вни-

мания собеседников попадают те компоненты обсуждаемой ситуации, которые предполагают выражение личностно ориентированной информации, уникальный повседневный опыт субъекта в этой ситуации;

- 3) совместно порождаемый текст разворачивается в результате модусно-модусного согласования контрастных намерений блогера и респондентов: эмоции, выражаемые собеседниками, внедряются в оценочные суждения, которые предстают эквивалентами полярных утверждений оценочного характера как приоритетным стимулом установления и поддержания коммуникативного контакта в компьютерно-опосредованной среде.

2.1.2. Прагматические типы реагирующих сообщений респондентов

В собранном нами фактическом материале превалируют два типа комбинирования сегментов реагирующих сообщений, когда респондент выражает несогласие с мнением блогера или отрицает это мнение. Первый сегмент реакции респондента содержит изложение контрастной позиции, второй сегмент объясняет данную позицию, детализирует ее или предоставляет возможность снятия контраста с мнением блогера. В данных коммуникативных контекстах компьютерно-опосредованного общения риторические отношения контраста формируются в соответствии со следующими моделями:

- 1) изложение контрастной позиции + аргумент, который объясняет эту позицию;
- 2) изложение контрастной позиции + аргумент, который указывает на возможность поддержания неконфликтного разворачивания текста блога.

В подобных случаях риторические отношения контраста выполняют разнообразные прагматические функции, специфическим образом реализуют оппозицию, несовместимость со стимулирующим сообщением блогера, выявляют различные следствия для виртуального взаимодействия заинтересованных сторон. Так, можно говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев участники компьютерно-опосре-

дованной коммуникации трактуют контраст мнений как обнародование такой проблемной ситуации, которая нуждается в конструктивном объяснении или нахождении способов для ее неконфликтного разрешения.

Выражая контрастную точку зрения, отдельно взятый респондент, как правило, не создает основу для конфликтного развития диалога, а преимущественно делает попытку поддержать контакт с блогером и другими респондентами, т. е. нейтрализовать несовместимость манифестируемых смысловых позиций. Оценочное содержание, которое демонстрируют участники общения, рассматривается нами как имманентная часть неконфликтного обмена суждениями вне зависимости от глобальной тематики обсуждаемой ситуации. Существенный пласт этого содержания реализуется с опорой на вербальное фиксирование эмоционально-волевых состояний собеседников.

2.1.2.1. Реагирующие сообщения респондентов, построенные по модели «изложение контрастной позиции + аргумент, который объясняет эту позицию»

Анализ собранного нами фактического материала показал, что аргумент, который объясняет контрастную позицию, задействуется респондентом с целью обоснования сути выражаемой позиции. В этом случае структура контрастного реагирующего сообщения респондента включает два сегмента, в первом из которых демонстрируется утверждение относительно обсуждаемой ситуации, во втором — содержится обоснование этого утверждения. Наши наблюдения свидетельствуют, что подобная риторическая модель разворачивания текста блога порождается как в рамках реагирующего сообщения отдельно взятого респондента, так и в контексте сообщений двух респондентов. Так, в реагирующем действии респондента в примере (9), представлены две позиции, которые контрастируют с мнением блогера (Y-1)—(Y-2). Вторая позиция логически вытекает из первой, детализует ее. За каждой из этих контрастных позиций следуют объяснения (Z-1)—(Z-2), которые выявляют

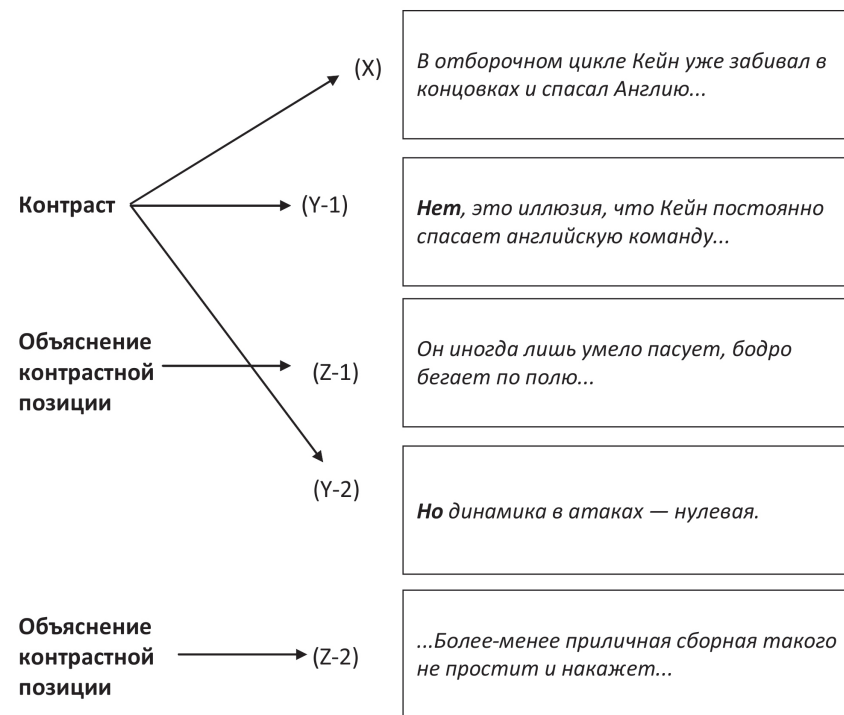
уместность выражения точек зрения, контрастирующих с мнением блогера (X). Ср.:

- (9) «... — (X) *В отборочном цикле Кейн уже забивал в концовках и спасал Англию: от поражения в Шотландии (на третьей компенсированной) и от безликой домашней ничьей со Словенией (на четвертой добавленной). Пришло время геройствовать в финальном турнире...*
 — (Y-1) **Нет**, это иллюзия, что Кейн постоянно спасает английскую команду..
 — (Z-1) *Он иногда лишь умело пасует, бодро бегает по полю в отличие от того унылого зрелища, что было в 2010 году.*
 — (Y-2) **Но** динамика в атаках — нулевая.
 — (Z-2) *Вся игра сводилась к тому, что доставить мяч до подающего из-за пределов штрафной, а он уже навешивает в штрафную, либо же к примитивным прострелам. Более-менее приличная сборная такого не простит и накажет»* [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

В стимулирующем сообщении блогера (X) превалирует диктальное содержание: реплика выявляет позитивную динамику продвижения английской футбольной команды в Лигу чемпионов. Заключительный сегмент сообщения репрезентирует положительные эмоции, которые испытывает блогер в связи с обсуждаемой ситуацией. Респондент в свою очередь реагирует на сообщение блогера, моделируя двойной контраст. Первое контрастное суждение (Y-1) маркируется словом *нет* и сопровождается объяснением уместности выражаемой контрастной позиции (Z-1) с опорой на имеющиеся у респондента фоновые знания. Второе контрастное суждение (Y-2) маркируется противительным союзом *но* в начальной позиции. Это суждение можно рассматривать как уточнение первого суждения. За ним также следует объяснительный сегмент, который обосновывает контрастную точку зрения. Другими словами, выражая контрастные мнения, респондент каждый раз приводит аргументы в их поддержку.

Модель риторических отношений контраста, которые наблюдаются между стимулирующим сообщением блогера и ответной реакцией респондента, представлена на Схеме 7.

Риторические отношения контраста, маркируемые разными средствами в реагирующем сообщении блогера

Примечание. (X) — исходное суждение блогера; (Y-1) — первый контрастирующий аргумент респондента; (Y-2) — второй контрастирующий аргумент респондента; (Z-1) — объяснение первой контрастирующей позиции респондента; (Z-2) — объяснение второй контрастирующей позиции респондента

Контрастные точки зрения, выражаемые респондентом (Y-1)—(Y-2), оформляются как модусные реакции на диктальное содержание стимулирующего сообщения блогера (X). Первое контрастное суждение указывает на несовместимость действительного положения дел и субъективного видения этого положения дел со стороны блогера. Второе контрастное суждение детализует первое суждение с опорой на кон-

кретный аргумент. Риторические отношения контраста, формируемые между вербальными действиями участников компьютерно-опосредованного общения, оформляются как диктумно-модусное согласование коммуникативных намерений субъектов. Виртуальный текст разворачивается как опровержение смысловой позиции блогера с опорой на полярность эмоционально-волевых состояний собеседников, обсуждающих одно и то же спортивное событие.

Полярные эмоционально насыщенные компоненты компьютерно-опосредованного общения реализуют такие две функции, как:

- фиксация текущего внимания обоих собеседников на оценочной перспективе виртуального взаимодействия (ср.: *...Кейн уже... спасал Англию — ...это иллюзия, что Кейн постоянно спасает английскую команду...*);
- манифестация несходного понимания конвенций игры, уточняющих, какие действия футболистов являются релевантными и прогнозируемыми в контексте обсуждаемой ситуации (ср.: *Пришло время героизмовать в финальном турнире... — ...приличная сборная такого не простит и накажет*).

В примере (10) последовательно проявляется совместный характер порождения виртуального текста, поскольку контрастное сообщение и обоснование этого сообщения иницируются разными респондентами, но формируют логически целостный фрагмент текста. Стимулом для взаимной деятельности респондентов становится оценочное суждение, выдвинутое блогером. При этом стимулирующее сообщение блогера и реактивные высказывания двух респондентов образуют целостный фрагмент виртуального текста.

Блогер выдвигает суждение о том, что организация досуга в Саранске во время чемпионата мира напоминала сельскую дискотеку, респондент реагирует контрастирующим суждением, а другой респондент приводит аргументы в поддержку данного контрастного мнения. Ср.:

- (10) «— (X) *В ночь последнего матча Саранск отжигал до конца — получилась безумная сельская дискотека...*
— (Y) *Но в итоге все остались очень довольными Саранском и окружающей атмосферой.*

— (Z) *Саранск в плане организации вообще в лидерах! А все его тут хейтили, дескать маленький город, пустые трибуны... А в итоге там так круто, что мне лично парень из Дубая говорил, что этот город лучший и веселый из всех им увиденных»* [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

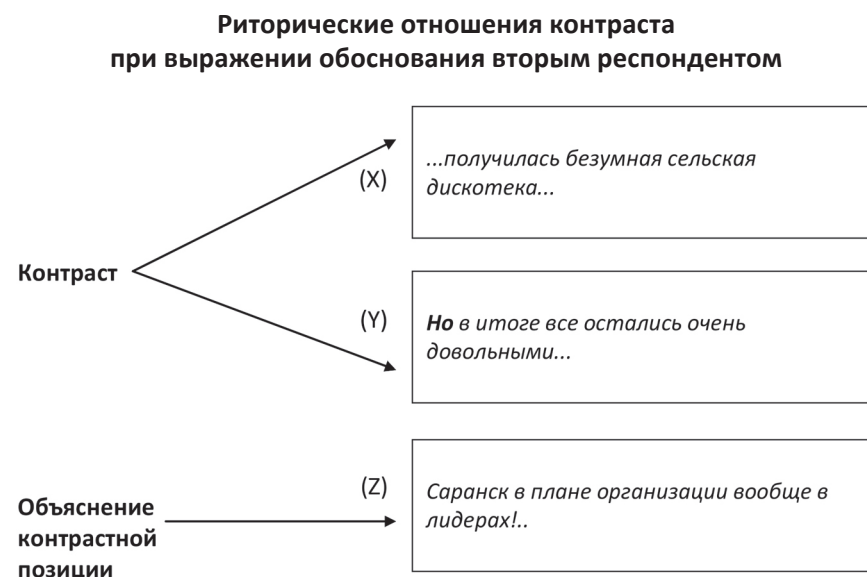
Как и в примере (9), контраст в данном случае порождается полярностью эмоционально-волевых состояний собеседников, которые предопределяются опытом посещения обсуждаемого события. Иницируя оценочное суждение (X), блогер выражает негативные эмоции, респондент, реагирующий контрастным суждением (Y), делает попытку переключить общение на позитивный эмоциональный настрой. Второй респондент, реализуя коммуникативную поддержку первому респонденту, по сути дела, обосновывает уместность контрастного суждения, в качестве аргумента приводит мнение иного лица, непосредственного участника ситуации, обсуждаемой в блоге. Обеспечивая контрастное суждение (X) аргументированным обоснованием, второй респондент фактически трактует контраст в качестве незавершенного сообщения, которое, по его мнению, требует дальнейшего уточнения того, почему подобное суждение оказывается релевантным в контексте текущего взаимодействия. В свете указанной трактовки мы анализируем контрастное суждение (X) как рациональное дискурсивное действие, оптимальный способ преодоления негативной субъективности, исходно выраженной блогером.

Другими словами, контраст, сопровождаемый обоснованием его уместности, потенциально предполагает изменения, дополнения в аксиологической деятельности собеседников, поскольку перспективы видения обсуждаемой ситуации, которые отражаются участниками общения, противопоставляются друг другу. Компьютерно-опосредованная коммуникация является такой дискурсивной сферой, в рамках которой оценочная деятельность блогера и его респондентов поддерживается и видоизменяется с опорой на текущие эмоционально-волевые состояния собеседников.

Модель риторических отношений контраста, которые наблюдаются между стимулирующим суждением блогера, ответным действием

первого респондента и коммуникативной поддержкой второго респондента, представляется на Схеме 8.

Схема 8

Примечание. (X) — стимулирующее суждение блогера; (Y) — контрастирующее суждение первого респондента; (Z) — объяснение предшествующей контрастирующей позиции вторым респондентом

Оценочные суждения (X), (Y) и (Z), являющиеся компонентами целостного виртуального текста, имплицитно эмпирический опыт, ранее приобретенный блогером и его респондентами. Вследствие обмена данными суждениями участники общения стремятся достигнуть общего понимания обсуждаемой ситуации исходя из того, что их опыт предварительного участия в этой ситуации получил определенный смысл. Контраст между коммуникативными установками собеседников модифицирует этот опыт, создает основу для нового семантического содержания, актуального для всестороннего понимания обсуждаемой ситуации. В суждениях (X), (Y) и (Z) превалирует модусная составляющая. В результате виртуальный текст совместно порождает

ется как модусно-модусное согласование коммуникативных действий собеседников. В контексте виртуального текста контраст также может активироваться респондентом как возражение мнению блогера. В примере (11) блогер приводит новый факт, цитирует мнение известного спортивного комментатора об этом факте.

Респондент реагирует возражением на это мнение, которое в свою очередь со стороны блогера порождает возражение и одновременно обоснование исходного возражения. Ср.:

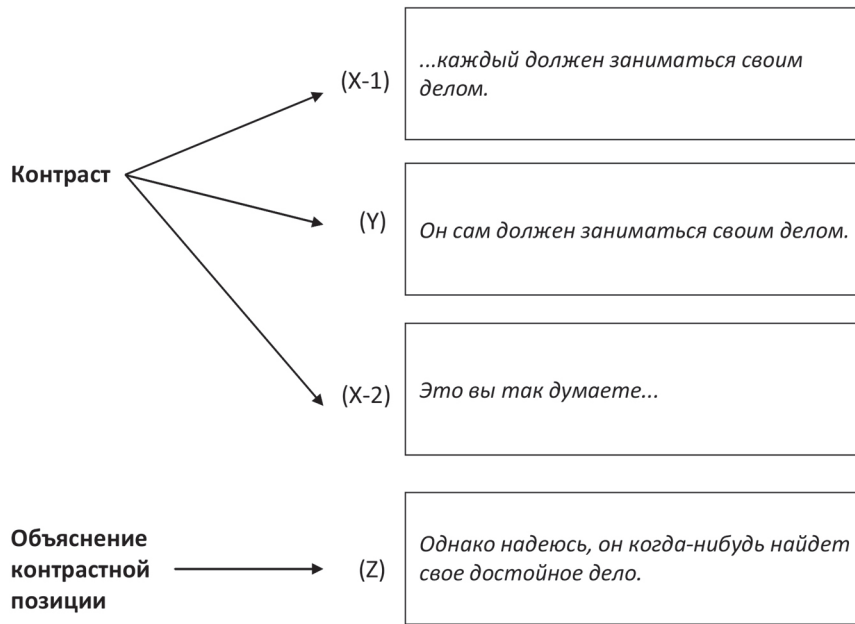
- (11) «— (X-1) *Комментатор Тимур Журавель поиграл в футбол с игроками «Оренбурга» и честно признался, что каждый должен заниматься своим делом.*
- (Y) *Он сам должен заниматься своим делом.*
 - (X-2) *Это вы так думаете.*
 - (Z) *Однако надеюсь, он когда-нибудь найдет свое достойное дело»* [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Во фрагменте текста (11) блогер выдвигает утверждение (X-1), в котором сосредоточивается внимание на мнении известного комментатора о необходимости быть профессионалом, чтобы играть в футбол. Респондент, реагируя на данное утверждение, инициирует контрастную точку зрения (Y), которая воспринимается как возражение. При этом контраст моделируется респондентом вследствие частичного повтора пропозиции исходно представленного мнения, что создает прагматический эффект его безапелляционности. Возможно, в связи с этим респондент не подкрепляет свое суждение-возражение какими-либо аргументами. Блогер реагирует именно на безапелляционность возражения, выдвинутого респондентом, также реализует контрастное суждение в виде возражения (X-2) и, стремясь поддержать контакт с респондентом, обосновывает возражение, исходно выдвинутое собеседником. Контрасты манифестируются участниками общения как несогласие, возражение предварительно выдвинутому мнению.

Модель риторических отношений контраста-возражения представляется на Схеме 9.

Схема 9

Риторические отношения контраста при выражении возражения

Примечание. (X-1) — стимулирующее суждение блогера; (Y) — контрастирующее суждение респондента; (X-2) — контрастирующее суждение блогера; (Z) — объяснение предшествующей контрастирующей позиции респондента

Согласно нашим наблюдениям, суждения участников компьютерно-опосредованного общения, в реактивном плане выражающие несогласие, возражение с предварительно выдвинутым мнением, преимущественно предполагают сегменты, которые объясняют подобную дискурсивную позицию. Думается, что такие реакции нацеливаются на поддержание коммуникативного контакта с собеседником, стимулирование его к дальнейшему обсуждению ситуации, которая исходно обнаружена блогером. Обоснование позиции несогласия, выражаемой собеседником, трактуется нами как эксплицитно формулируемое (аргументированное) объяснение оснований инициации дискурсивного хода, идущего вразрез с точкой зрения собеседника.

Обоснование как тип риторических отношений в рамках одного или нескольких дискурсивных ходов в рамках текста блогов, как правило, оформляется как модусная реакция на модусный стимул. Другими словами, в этом случае имеет место модусно-модусное согласование исходных иллокутивных установок собеседников, придерживающихся несходных мнений на обсуждаемую ситуацию. Ср. в примере (11) контрастное суждение-возражение (Y) реализуется респондентом как модусная реакция на модусную составляющую стимулирующего сообщения блогера (X).

В последующем разворачивании виртуального текста блогер со своей стороны инициирует контрастную модусную реакцию (X-2) на модусную составляющую предшествующего суждения респондента, компонентом своего высказывания (Z) поддерживает модусное содержание суждения собеседника (Y). Разворачивание виртуального текста становится возможным в силу модусно-модусного согласования дискурсивных действий собеседником, обмена модусными содержаниями этих действий.

Собранный нами иллюстративный материал свидетельствует о том, что компоненты реагирующих контрастных суждений (Z), которые обосновывают несогласие собеседника с предварительно выдвинутым мнением блогера, преимущественно вводятся посредством дискурсивного маркера *потому что*. Ср.:

(12) «— (X) Поддержка у нашей сборной не на высоте. Нужны какие-то организованные группы, за которыми бы заряжался весь стадион. Что мешает болельщикам клубов по крайней мере встретиться и договориться о совместном суппорте, хотя бы в Москве, где несколько клубов?

— (Y) Да все болельщики и так сплотились вокруг нашей сборной,

(Z) **потому что** все верили в чудо» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Стимулирующее суждение блогера (X) содержит вопрос, в структуре которого обнаруживается компонент *по крайней мере*. Этот компонент нацеливает респондента на то, чтобы выразить согласие с мнением

блогера. Респондент, однако, реагирует контрастирующим высказыванием (Y), выявляет такое положение дел в обсуждаемой ситуации, фактически противоречащее исходным ожиданиям блогера. Одновременно адресат обеспечивает обоснование контрастного суждения (Z), которое вводится дискурсивным маркером *потому что*.

В отдельных случаях обоснование контрастной позиции оформляется респондентом без формальных показателей, не маркируется сложноподчинительными союзами. Ср.:

- (13) «— (X) *На Олимпийских играх очень феерично и эмоционально все происходило. Барабаны вокруг, и все болельщики такие живые! Гораздо ярче эмоции, чем на чемпионате мира.*
— (Y) *Конкретно для Сочи чемпионат мира — более знаковое событие, а как для страны, то тут и спорить не о чем...*
— (Z) *Для России, конечно, круче чемпионат мира, Олимпиада всего в одном городе была»* [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Блогер выдвигает оценочное суждение (X), в соответствии с которым Олимпийские игры — более эмоциональное событие, чем чемпионат мира по футболу. Респондент реагирует на это суждение контрастным суждением (Y), вводит обоснование этого суждения (Z) без каких-либо формальных показателей. Очевидно, что обоснование отказной реплики при моделировании риторических отношений контраста предопределяется субъективным фактором, а именно — нежеланием респондента следовать иллюкутивным целям блогера.

Реализуя дискурсивный ход (Y), респондент не столько обосновывает свое альтернативное мнение, сколько заявляет о несостоятельности негативной позиции блогера относительно чемпионата мира по футболу. Респондент обеспечивает детализованное обоснование того, что оценочное суждение блогера (X) является несостоятельным с опорой на модусный компонент взаимодействия. В данном случае риторические отношения контраста моделируются как модусная реакция на модусное содержание суждения, предварительно выдвинутого блогером. Эти риторические отношения согласовывают модусные сферы собеседников.

В иллюстративном материале, проанализированном в рамках данного параграфа, системно выявляются модели риторических отношений контраста, выполняющие разнообразные прагматические функции и предполагающие обоснование со стороны как респондентов, так и блогера. В компьютерно-опосредованном общении контраст моделируется с целью всестороннего определения сущностных характеристик освещаемого события, становится прагматическим основанием для прослеживания положения дел, ставшего предметом рассмотрения в тексте блога. Обоснование контраста трактуется собеседниками как релевантное следствие моделируемых риторических отношений. Вне зависимости от того, производится ли обоснование одним или двумя респондентами, содержит ли оно дискурсивные показатели, или вводится формально, без участия соответствующих индикаторов, обоснование оказывается закономерным явлением в совместно порождаемом тексте блога.

2.1.2.2. Реагирующие сообщения респондентов, построенные по модели «изложение контрастной позиции + аргумент, который указывает на возможность решения проблемной ситуации»

В теории риторических структур отношение совместного поиска решения предполагает, что один из дискурсивных сегментов текста манифестирует проблему, а ситуация, представленная в другом сегменте, рассматривается как (частичное) решение этой проблемы [Март, 1992: 72]. Несмотря на тот факт, что в указанном исследовании не обосновываются риторические отношения контраста как модели, которая задействуется в выражении проблемы и нахождении решения этой проблемы, в нем отмечается, что диапазон проблем включает условия, обладающие негативными характеристиками, в том числе фрустрацию [там же]. В аспекте реализации в тексте блога фрустрация предполагает опровержение некоторых ожиданий собеседника. Представляется, что контраст является формой выражения ситуаций, которые идут вразрез с ожиданиями блогера. Речевые формы выражения разрешения ситуации, сопровождающие актуализацию контраста,

свидетельствуют именно о подобной интерпретации контраста участниками компьютерно-опосредованной коммуникации.

В (14) респондент высказывает суждение, контрастное мнению блогера, намечает решение проблемной ситуации. Ср.:

(14) «— (X) *Кажется, с таким ощущением незначительности не сталкивался еще ни один финал Кубка Англии. Второй по важности турнир в английском футболе и старейший в мире вдруг оказался в роли рекламного блока между куда более важными событиями.*

— (Y) *Дарья, ты неправа. Кубок Англии никогда не был и никогда не будет никому не нужен.*

— (Z) *Бросай ты так категорично заявлять о вещах, которые тебе не очень понятны...*» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

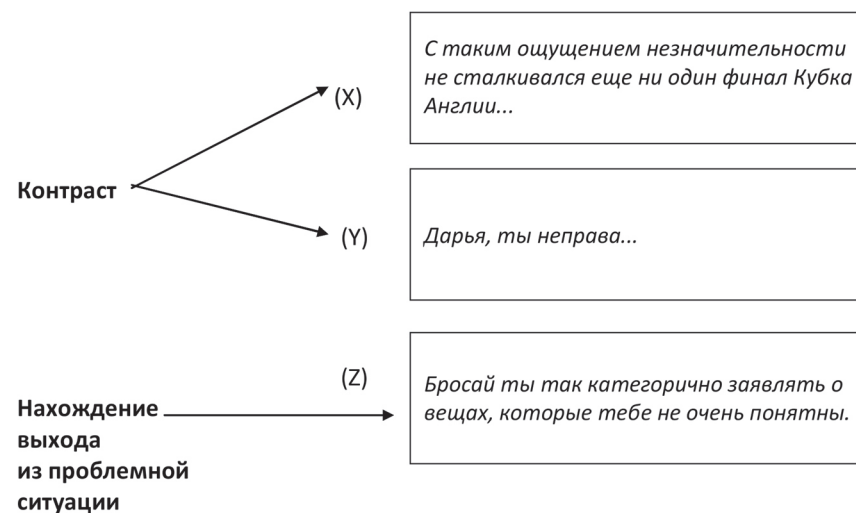
Блогер выдвигает пессимистическое оценочное суждение (X) о том, что финал Кубка Англии утратил свое значение, став второразрядным событием в мире спорта. Респондент реагирует контрастным суждением в форме возражения (Y), осуществляет поиск решения создавшейся речевой проблемы, указывает выход из проблемного положения дел (Z), предлагая блогеру не заниматься вопросами, в которых он не является профессионалом. Подобное решение (в форме императивного речевого акта) характеризует респондента, имеющего свою трактовку контраста точек зрения как способа актуализации обсуждаемой проблемы, нахождение решения для которой, по его мнению, является оптимальным в контексте текущего взаимодействия с блогером. Модель риторических отношений контраста для фрагмента виртуального текста, в котором респондент находит решение создавшейся речевой проблемы, представлена на Схеме 10.

В стимулирующем суждении блогера (X) превалирует модусное содержание, которое находит отражение в употреблении предиката *кажется*, переводящим сообщение в разряд вероятностного мнения, образного неявного сравнения спортивного события с рекламным блоком. Инициатор виртуального общения фактически делает попытку передать свои негативные эмоции относительно обсуждаемого собы-

тия, найти соответствующий отклик у заинтересованных сторон. Респондент реагирует именно на данное модусное содержание исходного суждения, однако не поддерживает иллюкутивное намерение блогера, выражая контраст (Y) и критические замечания относительно его категоричности суждений. Негативные эмоции, сконцентрированные в модусном содержании сегмента суждения (Z), потенциально предопределяют конфликтный характер последующего общения. В компьютерно-опосредованной коммуникации негативные эмоции относительно обсуждаемого события порождают не менее негативные эмоции относительно компетентности блогера в освещении этого события.

Схема 10

Модель риторических отношений контраста при указании на выход из сложившейся проблемной ситуации

Примечание. (X) — стимулирующее суждение блогера; (Y) — контрастирующее суждение респондента; (Z) — нахождение выхода из проблемной ситуации со стороны респондента

В условиях коммуникативно-опосредованного общения собеседники часто фокусируются на проблемах, возникающих в их повседнев-

ной жизни, поиске оптимальных решений данных проблем. В примере (15) респондент трактует нахождение решения проблемы, с которой столкнулся блогер, как оптимальный дискурсивный ход в контексте предварительно выдвинутого контрастного суждения, но полагает, что блогер призван обнаружить оптимальное решение самостоятельно. Ср.:

(15) «— (X) *Мне очень хочется пожаловаться... Детей у меня нет, потому что... муж не способен их иметь. Вместо того чтобы меня содержать, содержу мужа я... И еще, я ужасно выгляжу... Я ничего не успеваю... Господи, что у меня за жизнь? Почему я выбрала этого человека?.. Просто какое-то безвыходное положение.*

— (Y-1) *Но имущественные потери в семейной жизни являются неизбежными.*

— (Y-2) *Но Вы просто боитесь его бросить, жалеете, на самом деле некого жалеть...*

— (Z-1) *Вы просто для себя решите: Вы замуж вышли или усыновили? Нельзя быть Савраской, тянущей воз. Купите себе косметику и вещи.*

— (Z-2) *Как же Вы себя не цените! Зачем Вам такой муж, который паразитирует на Вас? Ему комфортно, все устраивает как есть, он не будет меняться, ибо незачем. Таких людей постоянно надо пинать в светлое будущее, оно Вам надо?»* [Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/>].

Исходные суждения блогера, тридцатисемилетней женщины, содержат пропозиции, которые порождают реактивное несогласие по крайней мере пяти (из ста тридцати пяти) читателей-собеседников. Основой данного несогласия выступают прежде всего жизненные установки блогера. Реагирующие суждения (Y-1)—(Y-2) формируют смысловую оппозицию по отношению к стимулирующему сообщению.

В реактивных суждениях (Y-1)—(Y-2) риторические отношения контраста маркируются явным образом посредством противительного союза *но*; в (Z-1)—(Z-2) контраст представлен формально при отсутствии соответствующих маркеров. В рамках совместно порождаемого виртуального текста реагирующие высказывания противопоставляются

стимулирующему сообщению не только в структурном плане (с опорой на маркер противительности), но и с точки зрения усиления эмотивно-оценочного компонента значения. В стимулирующем сообщении (X) превалирует модусный компонент, который манифестирует эмоционально-волевое состояние блогера в момент порождения сообщения. Формируя ответные реакции, респонденты реагируют не столько на диктальное содержание сообщения блогера, сколько на его прагматическое отношение к этому содержанию, т. е. модусную составляющую сообщения.

Контраст, порождаемый в рамках совместного виртуального текста, прагматизируется преимущественно как модусная реакция на модусный стимул: читательские комментарии противопоставляются сообщению блогера именно на модусном основании, усиливают модусный компонент, заложенный в исходном сообщении, расширяют и детализуют его, исходя из иных аксиологических позиций. Исключение составляет комментарий (Y-1), в котором контраст конструируется как диктальная реакция на диктальное же содержание сообщения блогера. Очевидно, что в этом случае читатель выражает беспристрастную позицию в плане той ситуации, в которой оказался блогер, объясняя, что в этой ситуации потери являются неминуемыми.

Ответные комментирования (Y-2)—(Z-2) предстают исключительно модусными реакциями, затрагивают сферу мотиваций и жизненных потребностей блогера. При этом основой ответного контрастного реагирования респондентов становится один и тот же модусный план исходного сообщения, а именно — неудовлетворенность женщины бездеятельностью своего мужа. Этот план в свою очередь выступает прагматическим механизмом последующего психологического контакта между собеседниками, предопределяет переход виртуального общения от диктальных форм отражения внеязыковой реальности к глубинным аффективно-ситуативным формам. Другими словами, контакт собеседников, реализуемый через контрастное представление точек зрения, выступает индикатором эмоциональной картины мира участников виртуального общения. Коннотативная категоризация фактов личной жизни в стимуле составляет фокус контрастного реагирования.

Контрастный модус, реализуемый реактивными комментариями (Y-2)—(Z-2), рассматривается нами как своего рода итог аксиологиче-

ской активности респондентов, точкой отчета для которой предстает образ блогера, его эмоционально-волевое состояние в момент инициации стимулирующего сообщения. Эмотивные оценки, выражаемые читателями, опосредуются теми стереотипными восприятиями феноменов материальной и идеальной сферы, которые оказываются действенными для данной социокультурной группы по интересам.

В реактивных суждениях (Y-2)—(Z-2) наблюдается элиминация посылки, которая косвенно содержится в стимулирующем высказывании, это высказывание непосредственно вводится связующим средством, маркирующим риторические отношения контраста. Появление эллипсиса в совместно порожаемом тексте объясняется следующими прагматическими причинами: в виртуальном общении на передний план выдвигается модусный компонент, реагирующий собеседник эмотивно выделяет те жизненные основания, по которым он манифестирует несогласие с блогером, не подчиняя выражаемую мысль строгим закономерностям иерархически организованной языковой системы.

В эмотивной речи комментатора в этом случае отражаются кульминационные моменты всего выражения, репрезентирующего контраст. Элиминированные контрастирующие реплики неявно передают прева-лирование аффективного начала над рациональной стороной высказывания. Общая схема прагматической действенности элиминированных конструкций, вводимых противительным союзом *но*, объективируется с учетом того обстоятельства, что риторические структуры функционируют и интерпретируются в определенном коммуникативном контексте, заданном социально-культурном пространстве, субъектами которого выступают участники виртуального общения.

Указанные реактивные комментарии оказываются несвободными от эмоциональных переживаний субъектов: адресат испытывает те же эмоции, что и блогер, но в рациональном плане придерживается иных позиций, что и получает прямое отражение в контрасте. Эмоции, испытываемые читателем в момент инициации комментария, имплицитно выражаются эмфатическим акцентом на наиболее значимом в смысловом отношении компоненте пропозициональной структуры реактивного комментария.

При отсутствии эксплицитных маркеров контрастности (реактивные комментарии (Z-1)—(Z-2)) ответные действия респондентов содержат в

своей семантической структуре интенсификаторы выражаемой оценки в форме деонтической модальности (*нельзя, надо*). Данные компоненты придают комментариям декларативный характер: блогер призван безоговорочно принять выражаемую оценку сложившегося положения дел, которая — с позиции субъективного восприятия читателей — отражает максимальное отклонение оцениваемого положения дел от естественной нормы своих сущностных характеристик. Усиление модусного компонента значений реактивных комментариев реализуется также за счет введения неявного образного сравнения (*Нельзя быть Савраской, тянущей воз*), риторических вопросов (*Зачем Вам такой муж, который паразитирует на Вас?, ... оно Вам надо?*), которые манифестируют предельный характер отрицательного проявления сущностных параметров оцениваемого положения дел.

Таким образом, модусные компоненты реагирующих комментариев, конструирующих контраст со стимулирующим сообщением, неизбежно влекут за собой эффект вторжения в сферу внутреннего «Я» блогера, а следовательно, и эмотивное воздействие на его эмоционально-волевое состояние с целью изменения сложившегося положения дел. Наряду с диктумным содержанием модусные компоненты контрастирующих комментариев предоставляют читателям возможность подчеркнуть силу убеждения осуществляемого воздействия, апеллировать к разуму блогера, установить и далее поддержать фатический контакт с ним. В результате блогер, истолковывая «грамматику» оказываемого воздействия, выражает согласие с контрастным мнением читателей.

Интересно отметить, что, конструируя риторические отношения контраста, респондент-комментатор, преимущественно оппозиционирует себя — по сравнению с блогером — как более рациональную личность, а поэтому контрастирующие комментарии, как правило, сопровождаются объяснением того, почему субъект комментирования выражает контраст (см. реактивные сообщения (Y-2)—(Z-2)). Другими словами, читатель представляет свое личностное контрастное осознание ситуации, в котором оказался блогер. Причем эта ситуация, с точки зрения читателя, настоятельно нуждается в позитивном разрешении с опорой на самые радикальные меры. Подобные обоснования выдвигают предварительно «смонтированную» контрастную риторическую структуру в сильную смысловую позицию реагирующих комментариев.

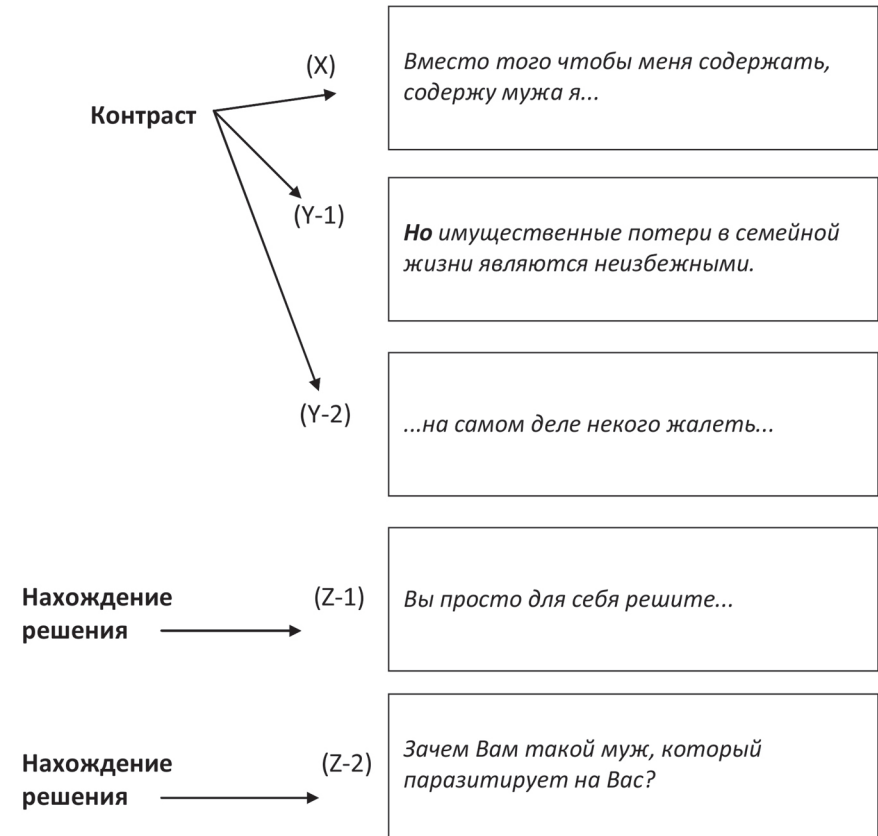
В аспекте риторического анализа мы прослеживаем тот речевой факт, что несовместимость между сегментами виртуального текста заметно усиливается, если элиминированное сообщение читателя, инициированное противительным союзом *но*, содержит объяснение уместности контраста. В этом случае риторические отношения контраста реализуются в рамках единого высказывания-текста, совместно порождаемого блогером и респондентом.

Анализируя риторические действия респондента в контексте текущего виртуального общения, мы отмечаем, что отношения контраста, усиливаемые объяснительным сегментом реактивного комментирования, задействуются как прагматическое средство убеждения блогера в необоснованности избранной им жизненной установки. В представленном на Схеме 11 высказывании-тексте контраст функционирует в качестве прагматического формата репрезентации двух перспектив.

Первая перспектива принадлежит блогеру и трактуется как эмотивное отражение несправедливого положения дел. Вторая перспектива высказывается респондентом и содержит эмоционально-критическую оценку бездеятельности блогера. С опорой на данную риторическую комбинацию комментирующий респондент фактически заявляет о потенциальной несовместимости представленных перспектив, обеспечивает эту несовместимость поддержкой в форме разъяснения одного из полюсов высказывания-текста, манифестирующего риторические отношения контраста.

В виртуальной коммуникации контраст трактуется как такая проблемная позиция блогера, которая потенциально предполагает настоятельное разрешение в последующем ходе общения, т. е. получает выражение в блоках последующих реагирующих реплик, которые в свою очередь являются основой для таких коммуникативных действий, как обнаружение решения для проблемного положения дел. Более широкий контекст виртуального взаимодействия, вовлечение в него эмоциональных и оценочных факторов дискурсивной деятельности блогера и респондента, а также роли подобной деятельности в конструировании текста блога дают возможность пролить свет на то, как последующие ходы респондентов служат средствами обоснования их контрастной позиции.

Риторические отношения контраста, осложняющегося указанием на выход из проблемной ситуации

Примечание. (X) — стимулирующее суждение блогера; (Y-1) — контрастирующее суждение первого респондента; (Y-2) — контрастирующее суждение второго респондента; (Z-1) — нахождение выхода из проблемной ситуации, предлагаемое третьим респондентом; (Z-2) — нахождение выхода из проблемной ситуации, предлагаемое четвертым респондентом

В стимулирующем сообщении (X) блогер, как правило, задает проблемную ситуацию, реагирующий адресат реализует контраст, подкре-

появляющийся оптимальным, по его мнению, способом выхода из проблемной ситуации, сложившейся в жизни блогера. В риторическом контексте общения предложение способа разрешения проблемной ситуации приобретает форму объяснения того, что сама проблема, обсуждаемая собеседниками, возникает вопреки предварительным ожиданиям. Ср.:

(16) «— (X) Я знаю про депрессию все... Чувствуешь, вот она, приближается, понимаешь головой, что нужно срочно свернуть, вернуться на последнюю развилку и пойти другим путем, но... не можешь. Тебя как будто окутывает липкой паутиной. И еще интересно, что чем больше ты о ней говоришь..., стремясь “докопаться до правды”, чем больше ты вертишься, тем больше тебя окутывает эта паутина... я сейчас пишу, и подвергаю себя страшному риску провалиться в это зловонное болото апатии, лени и полнейшей подавленности...

— (Y-1) У меня тоже часто бывают депрессии... **Но** для меня депрессия — индикатор “повышения чувства собственной важности”, такая процедура очищения души...

— (Z-1) А Вы попробовали в ситуации депрессии полностью отключаться от своей личности и начинать наблюдать за жизнью безоценочным наблюдателем, удерживать внимание “здесь и сейчас” на каких-то простых вещах?..

— (Y-2) Депрессия тоже часто бывает, **но** мысли о сыне и маме всегда спасают.

— (Z-2) Думай о близких, ...говори сама себе, что ты не “тряпка”!

— (Z-3) А мне кажется, стоит найти интересное занятие / хобби, чтобы жизнь заиграла новыми красками. И грустить будет некогда» [Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/>].

В реагирующем сообщении (Y-1) контраст моделируется как выражение иного понимания обсуждаемой проблемы. Реализуя запрос о том, прибежал ли блогер к определенным типам деятельности для выхода из проблемной ситуации, реагирующий респондент фактически предлагает свое решение сложившегося положения дел (Z). Делая акцент на данном решении (в форме вопросительного высказывания: *А Вы пробовали..?*), адресат предлагает личностную интерпретацию контраста

как речевого способа обнаружения возникшей проблемной ситуации, обнаружение решения для которой предстает оптимальным в текущем контексте виртуального взаимодействия. В реакции респондента последовательно выявляются контрастирующий сегмент и сегменты, указывающие на выход из создавшегося проблемного положения дел.

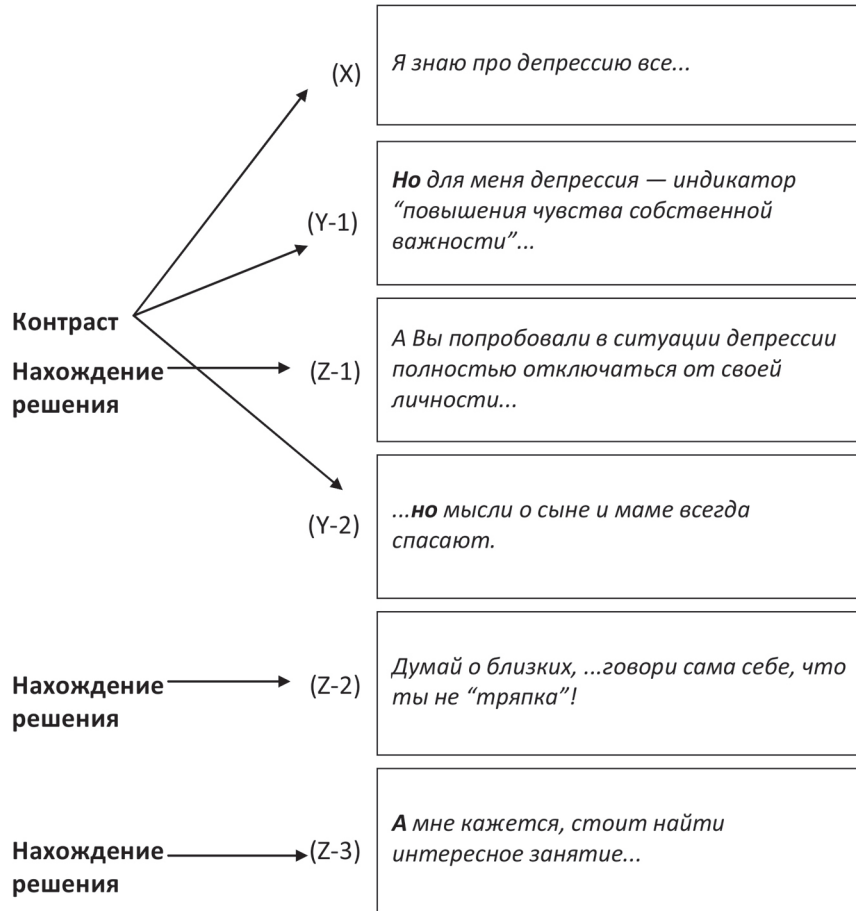
В реакциях (Y-2)—(Z-3) контраст и указание на решение проблемы, с которой столкнулся блогер, манифестируются одним и тем же высказыванием: контрастная позиция усматривается реагирующими читателями в бездействии блогера, предложении конкретных мер по предотвращению возможного обострения внутренней проблемы в будущем. В ответном высказывании (Y-2) эти меры затем дублируются в форме прямых императивных актов (*думай.., говори..*), подчеркивающих настоятельность и незамедлительный характер предлагаемого решения проблемы, негативную оценку адресата бездействия блогера. В (Z-3) конструктивные предложения адресата выражаются в мягкой форме через косвенный императивный акт (*стоит найти..*), что снижает безапелляционность высказывания.

Реагирующая императивная реплика характеризуется формальной структурой констативного речевого акта, выражающего эмоционально-волевое состояние читателя, который нейтрально оценивает отсутствие попыток блогера самостоятельно изменить сложившуюся в его жизни ситуацию. Очевидно, что в данном случае реагирующий читатель не акцентирует внимание блогера на контрасте как потенциальной теме последующего развития виртуального общения.

Прагматическое разнообразие речевых действий, пропозиция которых указывает на возможные способы выхода из проблемной ситуации, в которой оказался блогер, соотносится с вариативным характером коммуникативных стилей и регистров виртуального общения. Базовая схема их прагматической уместности моделируется с опорой на тот факт, что реагирующие высказывания функционируют исходя из определенного риторического контекста, национально-культурной ситуации, участниками которой являются блогер и его адресаты. Данные контрастирующие реакции оказываются несвободными от эмоциональных переживаний и оценок участников общения.

Риторические отношения контраста для фрагмента текста (16) представлены на Схеме 12.

Риторические отношения контраста, осложняющегося указанием на выход из проблемной ситуации

Примечание. (X) — стимулирующее суждение блогера; (Y-1) — контрастирующее суждение первого респондента; (Y-2) — контрастирующее суждение второго респондента; (Z-1) — нахождение выхода из проблемной ситуации, предлагаемое первым респондентом; (Z-2) — нахождение выхода из проблемной ситуации, предлагаемое вторым респондентом; (Z-3) — нахождение выхода из проблемной ситуации, предлагаемое третьим респондентом

Прямые и косвенные императивные акты, пропозиции которых содержат конструктивные предложения способов выхода из проблемной ситуации, задействуются адресатами преимущественно в целях представления симптоматических реакций на стимулирующее сообщение блогера. Мы относим данные реагирующие высказывания к тем прагматическим механизмам, с опорой на которые адресатами реализуется оптимальное управление процессами развития виртуального общения. Для этих действий доминирующей оказывается базовая прагматическая функция установления и поддержания коммуникативного контакта с блогером.

Прямой императивный акт, обнаруживаемый в реакции (Z-2), исключительно служит прагматическим средством выражения эмоционально-волевого состояния адресата в момент реагирования на стимулирующее сообщение блогера. Косвенный императивный акт, имеющий место в реакции (Z-3), не только фиксирует эмоционально-волевое состояние читателя, не удовлетворенного положением дел блогера, но и указывает на то, что блогер (объект оценки) по своим личностным характеристикам не выявляет соответствия норме естественного состояния вследствие своей бездеятельности.

2.2. Риторические отношения уступки и их прагматическая роль в разворачивании текстов блогов

2.2.1. Средства маркирования риторических отношений уступки

В текущих лингвистических исследованиях понятие уступки часто ассоциируется с такими отношениями между сегментами высказывания, которые предполагают неявный контраст: один из сегментов логически не допускает возможности реализации другого сегмента, поскольку он противоречит предварительным ожиданиям говорящего субъекта и самой ситуации общения. Другими словами, два сегмента высказывания связываются на основании потенциального / явного противоречия, что в свою очередь дает возможность выразить мнение и одновременно признать действенность альтернативной точки зрения.

В рамках теории риторических структур уступительные отношения формируются ядром (ситуация, которая поддерживается адресантом) и сателлитом (ситуация, которая несовместима с предшествующей, но тоже поддерживается адресантом). Ядро — это сегмент высказывания, который репрезентирует тщательно продуманную ситуацию, сателлит — это сегмент высказывания, в котором отражена ситуация, потенциально конфликтующая с первой. При этом необходимо учитывать, что между синтаксическим и риторическим статусом сегмента высказывания не обнаруживается прямых соответствий, а поэтому ядро не может быть однозначно идентифицировано как главное предложение, а сателлит — как придаточная часть.

Выявление специфики риторических отношений уступки приобретает в нашей работе исследовательскую действенность, прежде всего с учетом типа связи, который прослеживается между сегментами высказываний, принадлежащими разным собеседникам, но формирующими целостный фрагмент компьютерно-опосредованной коммуникации. Мы фокусируем исследовательское внимание прежде всего на выявлении прагматической специфики реактивного сообщения-комментария адресата, которое, воплощая стимулирующее суждение, трактуется нами в качестве автономного открытого текстового фрагмента, доступного для последующих комментирующих реакций. Для данного фрагмента характерны специфические закономерности связного развертывания и конвенции функционирования в составе целостного текста блога. В частности, сообщение-реакция всегда включает в свою семантическую структуру контраргумент против стимулирующего суждения блогера, которому предшествует, как правило, немаркированное согласие со смысловой позицией инициатора общения. Когерентность текстового фрагмента блога, включающего стимул и реакцию, формируется тем, что иницирующее и реагирующее сообщения связываются на основе риторических отношений уступки.

Реализация риторических отношений в контексте данных фрагментов свидетельствует о том, что респондент:

- 1) не опровергает ситуацию, предварительно представленную блогером (как это имеет место в случае реализации риторических отношений контраста);

- 2) оформляет свое реактивное — во многом субъективное — суждение с опорой на такие устойчивые грамматические модели, которые дают возможность признать, что данную ситуацию можно рассматривать как соответствующую действительному положению дел, несмотря на отсутствие достаточных оснований и доводов для этого.

Согласно нашим наблюдениям, риторические отношения уступки между стимулирующим аргументом и реактивным суждением не всегда маркируются формальными показателями, т. е. между этими сегментами текста блога может обнаруживаться смысловая связность. В фокус нашего исследовательского внимания попадают такие случаи актуализации отношений уступки, которые формируются не в составе реплики одного собеседника, а между иницирующим аргументом блогера и реагирующим суждением респондента. Уступка реализуется респондентом, блогер обеспечивает контекст общения для последующей уступки. Ср.:

- (17) «— Злость на легенду продолжалась недолго: его же удару выше ворот в начале второго тайма аплодировал весь стадион... На Роналду выбежали несколько болельщиков... Подтверждая свою уверенность, Роналду фотографировался с парнями и проследил, чтоб тех не уводили с поля слишком грубо».

— Да, но в какой команде бы он ни играл, в моей памяти он навсегда останется прыщавым красным дьяволом» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Блогер предлагает для обсуждения ситуацию на стадионе, свидетелем которой он был. В иницирующей реплике фактически перечисляются объективные факты, имевшие место после футбольного матча. Эти факты в определенной степени субъективно осмысливаются: блогер делает умозаключения об эмоционально-волевом состоянии участников ситуации (известном футболисте и болельщиках). Один из респондентов сосредоточивает внимание блогера на известном футболисте с целью усиления субъективного компонента общения, выражения личностного мнения.

Соглашаясь с позицией блогера, этот респондент утверждает, что в его сообщении обнаруживается рациональное зерно, и одновременно — как противовес этому сообщению — озвучивает свою точку зрения,

переключая модус общения с позитивной перспективы на негативную реализацию. В контексте виртуального взаимодействия формальное признание позиции блогера дает возможность респонденту смягчить свое последующее несогласие, представить субъективно окрашенные контраргументы против исходных утверждений.

В риторике компьютерно-опосредованного общения сегменты сообщения респондента, моделирующие уступительную семантику, предстают действенным дискурсивным способом выражения потенциального несогласия с блогером. Респондент реагирует на стимул посредством уступительной риторической конструкции в целях манифестации контраста между альтернативными точками зрения, переключения формата общения в диаметрально противоположную эмоциональную плоскость. Другими словами, семантика уступки трактуется в нашем научном исследовании как одно из риторических средств воссоздания контраста, который не порождает конфликта между собеседниками, поскольку сопровождается согласием с мнением инициатора общения. В этом случае реплика-согласие выявляет полное или частичное созвучие точки зрения респондента с суждениями блогера.

Инициатор общения публикуют интересную информацию о событии, участником которого он был. Реагирующий собеседник воздействует на модус блогера.

Можно говорить о том, что участники виртуального общения реализуют одну и ту же коммуникативную стратегию, нацеленную на вовлечение в беседу большего количества респондентов и тем самым последующую детализацию диктальной и модусной информации, представленной в стимуле и реакции.

Анализ текстового фрагмента (17) показал, что архитектура риторических отношений уступки формируется за счет следующих трех речевых действий участников компьютерно-опосредованного общения:

- 1) стимулирующее сообщение блогера, включающее в себя факты, умозаключения, оценочные суждения об обсуждаемом положении дел, выраженные ассертивными речевыми актами;
- 2) признание действительности, логической релевантности данного сообщения респондентом (средство реализации — слово *да*);
- 3) выражение респондентом альтернативной точки зрения (средство реализации — противительный союз *но*), которая призвана

воздействовать на эмоционально-волевую сферу блогера и тем самым стимулировать его и других респондентов к последующему разворачиванию виртуальной коммуникации.

В этой связи мы анализируем проблематику, связанную с тем, какими языковыми средствами и с учетом каких оснований респондент манифестирует уступку в аспекте позиции блогера. В частности, приоритетными для нас оказываются следующие вопросы:

- 1) каким образом риторические уступительные конструкции структурируют процессы обмена сообщениями между участниками виртуальной коммуникации, способствуют формированию целостного текста блога?
- 2) в какой момент разворачивания текста блога респондент задействует этот тип отношений, какие прагматические эффекты оказывает уступительная риторическая конструкция на последующее развитие опосредованного общения?
- 3) какими грамматическими средствами выражаются риторические уступительные отношения в контексте коммуникативно-опосредованного общения?

Думается, что для введения прагматического измерения в анализ указанной проблематики предварительно необходимо разграничить такие классические и частотно используемые понятия, как «модель» и «конструкция». Конструкция — это грамматическая абстракция, шаблон, зафиксированный исследователем, который характеризуется открытыми слотами, заполняемыми в конкретном контексте общения теми или иными лексическими формами.

Модель трактуется в качестве частотной, периодически повторяющейся практической реализации, прагматического образца оценки разнообразных событий, ситуаций или фактов в условиях виртуального контакта собеседников при совместном порождении текста блога. Как синтаксическое средство манифестации прагматической оценки конструкция потенциально соотносится с моделью той же самой оценки. В контексте коммуникативно-опосредованного общения конструкции и модели, используемые собеседниками в целях интенсификации оценки обсуждаемых ситуаций, событий или фактов, усиливают прагматический потенциал друг друга на взаимной основе.

2.2.2. Основная модель формирования риторических уступительных отношений в компьютерно-опосредованной коммуникации

Формирование основной прагматической модели риторических уступительных отношений в компьютерно-опосредованном общении связывается с максимально эксплицитным выражением тех сегментов сообщений собеседников, которые, стыкаясь друг с другом, реализуют соответствующее семантическое содержание текста. Ср.:

(18) «— *Этот сезон в парном катании похож на неудачный сиквел отличного фильма. Если в прошлом олимпийском цикле сильных пар было 8—10, то после Пхенчхана наступил ощутимый кризис...*

— *Большинство фигуристов сейчас больше напоминают роботов, выполняющих под музыку нужные элементы. Ни о каких художественных образах даже речь не идет. И это очень печально... Однако Тарасова и Морозов — все равно одна из самых стабильных пар. У них срывов по пальцам пересчитать...»* [Блог Фигурный лед // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/figureice/>].

Принимая во внимание семантико-прагматическое содержание диалогических ходов блогера и респондента, фрагмент компьютерно-опосредованного общения (2) можно представить следующим образом:

(18') «— **(X)** *Этот сезон в парном катании похож на неудачный сиквел отличного фильма. Если в прошлом олимпийском цикле сильных пар было 8—10, то после Пхенчхана наступил ощутимый кризис...*

— **(X')** *Большинство фигуристов сейчас больше напоминают роботов, выполняющих под музыку нужные элементы. Ни о каких художественных образах даже речь не идет. И это очень печально...*

(Y) *Однако Тарасова и Морозов — все равно одна из самых стабильных пар... У них срывов по пальцам пересчитать. И это очень показательно...*

Иницилируя диалогический ход **(X)**, блогер выдвигает оценочные суждения относительно кризисного положения дел, сложившегося в отечественном фигурном катании. Субъективность данных суждений заметно усиливается посредством образного сравнения анализируемого вида спорта с неудачным продолжением популярного фильма, определения к ключевому слову сообщения (ср. *ощутимый кризис*). Все эти стилистические средства не только отражают негативные эмоции блогера относительно обсуждаемой ситуации, но и неявно указывают, что предмет оценки по своим сущностным текущим характеристикам не соответствует своему нормативному естественному состоянию.

Реактивная реакция респондента включает в себя два диалогических хода:

1. **(X')**: собеседник, исходя из не менее субъективного восприятия обсуждаемой ситуации, поддерживает точку зрения инициатора общения, также фокусирует внимание участников общения на том, что оцениваемый предмет отклоняется от своей естественной нормы с опорой на те же самые стилистические средства (ср., в частности, образное сравнение *Большинство фигуристов сейчас больше напоминают роботов, выполняющих под музыку нужные элементы*), интенсифицирует эмоцию недовольства, раздражения, исходно выраженную блогером;

2. **(Y)** собеседник выражает альтернативное мнение, которое фактически формирует контраст с исходными утверждениями блогера, однако не создает конфликтной ситуации в общении в силу предварительно выраженной уступки в пользу смысловой позиции инициатора общения. В контексте компьютерно-опосредованной коммуникации эмоциональные оттенки недовольства, возмущения отходят на второй план, что в свою очередь предопределяется замыслом респондента оказать воздействие на модусную сферу блогера с целью изменить его прагматическое отношение к обсуждаемой ситуации.

Реагирующее сообщение респондента можно охарактеризовать как полифункциональный диалогический шаг, состоящий из двух частей — интродуктивной **(X')** и базовой **(Y)**. Данные части отличаются несходным (противоположным) коммуникативным содержанием. Процессы комбинирования частей сообщения предопределяются исходными установками реагирующего субъекта относительно смещения коммуникативного центра общения в сторону базового компонента.

Интродуктивной частью (**X'**) респондент оказывает интенсифицированное воздействие на модус блогера, в базовой части (**Y**) приоритет отдается диктальной составляющей общения, приводятся объективные факты, которые указывают на несостоятельность точки зрения блогера. Другими словами, диалогический ход (**Y**) предполагает не только суждение, свидетельствующее о противоположном положении дел в фигурном катании, но и аргументацию этого суждения.

Диалогический ход (**X'**) реализует уступку в пользу исходного мнения блогера, причем эта уступка не маркируется явными языковыми средствами, оформляется как имплицитное согласие с модусной и диктальной составляющей стимулирующего сообщения. Диалогический ход (**Y**) воплощает собой уступку в пользу собственного мнения реагирующего субъекта. Уступительные риторические отношения в этом случае маркируются противительным союзом *однако* и частицей *все равно*.

Как представляется, маркирование риторической уступительности призвано:

- усилить действенность той смысловой позиции, которой придерживается респондент в общении за счет расширения знаний блогера об обсуждаемой ситуации в фигурном катании;
- переключить эмоционально-волевой настрой блогера в противоположное направление;
- убедить блогера в необходимости взглянуть на обсуждаемую ситуацию с иной перспективы в силу имеющихся неоспоримых фактов (пара фигуристов Тарасова и Морозов выявляют существенный потенциал на мировое лидерство, поскольку у них немного «срывов», а поэтому заявление о кризисе в фигурном катании является поспешным и преждевременным).

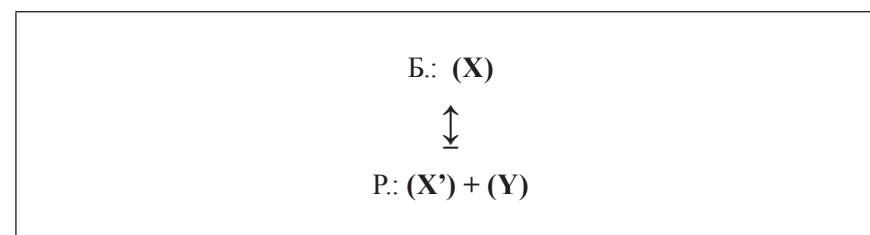
Фрагмент текста блога (18), в котором реализуется основная базовая модель уступительной семантики, репрезентируется на Схеме 13.

В контексте компьютерно-опосредованной коммуникации моделирование риторических отношений уступки предполагает учет паритетного участия обоих собеседников: респондент уступает блогеру в ходе обсуждения некоторой ситуации, реализуя альтернативное (потенциально контрастное) суждение. Когнитивная природа потенциальной контрастности выражаемых позиций базируется на диалогической

деятельности блогера и респондента, связанной с экспликацией неявного знания из сообщений друг друга. Иными словами, сегменты (**X**) и (**Y**), участвующие в формировании риторических отношений уступки, трактуются блогером и респондентом как альтернативные видения обсуждаемой ситуации с учетом текущего контекста виртуального общения.

Схема 13

Основная модель формирования риторических уступительных отношений в тексте блога

Примечание. Собеседники, участники компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации: Стимулирующее сообщение: (**X**) — Суждение блогера; Реагирующее сообщение: (**X'**) — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом; (**Y**) — уступка в пользу собственного мнения, реализуемая респондентом. В контексте общения диалогические ходы (**X**) и (**Y**) трактуются блогером и респондентом как выражение потенциально контрастных смысловых позиций

Ниже приводится фрагмент текста блога, в котором системно проявляется еще одно конструктивное прагматическое измерение формирования риторических уступительных отношений в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации (блогер и респондент обсуждают игру Нико Ковача, полузащитника «Баварии», в матче с клубом «Боруссия»):

- (19) «— (**X**) Нико Ковач провалился по всем статьям: даже стартовую мощь тяжело поставить ему в заслугу, так как она слишком истоцила «Баварию», а обороняться без прессинга команда

оказалась неспособна. Был вариант обороны тотальным контролем («Бавария» часто так делает), но контроля не было, потому что Ковач даже не попытался компенсировать нехватку Тиаго, игнорируя Хамеса до и во время матча..., плохо отреагировал на замены Фавра...

— (X') «Бавария» играла слабо. Нико проиграл даже на пресс-конференции, проявил неуважение к противнику. Фавр выдал объективный и точный анализ, который сделал его практически соавтором этого текста. Ковач ответил вот таким бредом: «К сожалению, мы проиграли, хотя могли сыграть и вничью. Такой игрой можно удовлетвориться. Мы должны использовать этот базис и играть на таком уровне в будущем».

(Y) *Вместе с тем* он делал отчаянные попытки поменять игру, освежал позиции и выпускал тех, кто в теории может помочь в сценарии, который выбрал Фавр. Например, Сандро Вагнер действительно уместнее при дальних пасах...» [Блог Hello // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/vadimlukomski/>].

Иницируя виртуальное общение, блогер выдвигает негативные суждения (X) относительно игры известного полузащитника «Баварии» в матче с «Боруссией», приводит объективные факты, которые выступают аргументами в поддержку выражаемого мнения. Реагируя на эти суждения сообщением (X'), респондент детализует аргументативные основания точки зрения блогера (ср. *провалился по всем статьям — проиграл даже на пресс-конференции*), приводит новые аргументы в пользу этой точки зрения, фактически поддерживая позицию и эмоционально-волевой настрой инициатора общения. Стимулирующее и реактивное сообщения, формирующие фрагмент текста блога, оказываются созвучными в стилистическом оформлении: респондент, фокусируя внимание участников общения на действительности смысловой позиции блогера, детализуя аргументацию исходного суждения, как и блогер, прибегает к разговорному стилистическому регистру представления своего мнения (ср. *выдал ... анализ, ответил... бредом*).

У блогера и остальных читателей складывается впечатление, что реагирующий респондент полностью согласен с точкой зрения, которая

послужила стимулом для текущего общения, делает уступку в пользу данной точки зрения. Однако последующим диалогическим ходом (Y) респондент обосновывает тот факт, что мнение блогера оказывается частично действенным: *Ковач провалился по всем статьям, но в то же время предпринял решительные шаги, чтобы спасти игру*.

Аргумент, приводимый респондентом, нацелен на то, чтобы подчеркнуть ложность представлений блогера: Ковач не «плохо отреагировал на замены Фавра», а выпустил этого футболиста, поскольку он мог теоретически способствовать позитивному развитию сценария игры. Снова уступка в пользу исходного мнения блогера, детализация этого мнения с опорой на тот же самый стилистический регистр становятся для респондента релевантной прагматической основой для обнародования своей точки зрения, которая не совпадает с позицией инициатора виртуального общения.

Риторическая уступка в пользу стимулирующего мнения не маркируется какими-либо языковыми средствами, оформляется как безоговорочная поддержка эмоционально-волевого настроения блогера. Уступка в пользу собственного мнения маркируется эксплицитными средствами (вводным словом *вместе с тем*). Маркированность мнения-уступки свидетельствует о релевантности тех фактов, которые исходно не учел блогер, альтернативном видении обсуждаемой ситуации в целом. Делая исходную уступку в пользу точки зрения блогера, находя релевантные аргументы для поддержки этой точки зрения, респондент реализует коммуникативную стратегию, которая нацелена на актуализацию личностных представлений об обсуждаемой ситуации.

При этом реагирующий собеседник манифестирует как согласие, так и несогласие с позицией блогера эмоционально-образным обоснованием этой позиции. В контексте виртуального общения согласие трактуется нами как проявление полного или частичного совпадения, а несогласие — полного или частичного несовпадения мнения респондента с суждениями блогера. Реактивное моделирование реакций согласия и несогласия в тексте блога предопределяется диктальным содержанием стимулирующего сообщения.

Ретроспективно детализуя позицию, которая озвучивается в стимулирующем суждении блогера (X), респондент, реализуя уступительную реакцию (X'), поддерживает эмоциональное содержание об-

шения, задаваемое адресантом. Диалогические ходы (X) и (X') оказываются связанными единой тематической сеткой, т. е. системой оценочных лексем, которые реализуют сходную стилистическую функцию, отражая обсуждаемую ситуацию в едином эмоциональном ключе.

В частности, во фрагменте взаимосвязанных диалогических ходов собеседников (X) и (X'), представленных в примере (19), наглядно выделяется лексическое поле, которое сходным образом эмоционально манифестирует ситуацию «плохая игра футболиста Нико Ковача», являющуюся предметом оценки и обсуждения в виртуальном общении. Данное поле конструируется с опорой на следующие средства:

— глагольные словосочетания, которые субъективно характеризуют профессиональную деятельность полузащитника во время матча и последующей пресс-конференции (*провалился по всем статьям, не попытался компенсировать нехватку Тиаго, игнорируя Хамеса до и во время матча, плохо отреагировал на замены Фавра; проиграл даже на пресс-конференции, проявил неуважение к противнику, ответил бредом*);

— глагольные словосочетания и высказывания, которые субъективно характеризуют последствия плохой игры полузащитника во время матча (*слишком истоцила «Баварию», обороняться без прессинга команда оказалась неспособна, контроля не было; «Бавария» играла слабо*).

Данные средства, формируя целостную тематическую сетку, отличаются общностью негативных коннотаций и смыслов, выражаемых в контексте виртуального общения. Синтагматические отношения, которые устанавливаются между данными средствами в текстовом фрагменте блога, выявляются в их импликациональных взаимосвязях. Например, импликационалу имени собственного *Нико Ковач* существенным предстает слабый (маловероятностный) импликациональный параметр *такой игрой можно удовлетвориться*, который представлен в цитате из интервью самого полузащитника (приводится в сообщении респондента). Анализируемые языковые средства тематически связываются в линейную текстовую последовательность, выявляют смысловую общность. Вследствие этого фрагмент виртуального общения (X)—(X'), в котором моделируется начальная стадия

реализации риторических отношений уступки, образует целостный текст несмотря на то, что явных маркеров данного типа отношений в нем не содержится.

Последующий диалогический ход респондента (Y) заметно нарушает эмоциональную гармонию сложившегося виртуального общения, образует своеобразный контраст исходному диалогическому ходу блогера (X) и одновременно уступку в пользу собственного мнения, которое подкрепляется объективными фактами. Данный шаг, реализующий уступительную семантику, фактически фиксирует отношения контраста между альтернативными видениями одной и той же позиции (тактические ходы известного полузащитника «Баварии» во время игры с «Боруссией»).

При этом респондент имплицитно в своем сообщении уступительную семантику, частично признавая действительность суждения, предварительно озвученного блогером. Другими словами, участник компьютерно-опосредованного общения делает уступку в пользу позиции инициатора диалога, признавая, что диктальное содержание инициированного им сообщения является действительным лишь частично.

Как наглядно свидетельствуют наши наблюдения, шаги блогера и респондента (X, X', Y), которые моделируют уступительные риторические отношения в компьютерно-опосредованной коммуникации, реализуются с опорой на синтаксические единицы, выявляющие разную степень сложности. Так, во фрагментах (17)—(19) диалогические шаги собеседников манифестируются простыми и сложными предложениями. В следующем текстовом фрагменте диалогический шаг респондента, содержащий уступку в пользу мнения блогера, в составе основной модели уступительной риторической семантики образуется одной словоформой. Ср.:

(20) «— (X) *Новый главный тренер «Спартака» Олег Кононов приступил к работе в своем новом клубе... Будут обязательные встречи с игроками. И тренировки, тренировки, тренировки... Что с кадрами? Здесь вопросов хоть отбавляй... С атакой у спартаковцев проблем не меньше... Тут нужна мощь, агрессивность, скорость работы с мячом и без мяча. Тогда эта линия вместе с фланговыми фут-*

болистами, с вменяемой полузащитой в целом, будет похожа на «Спартак», готовый биться за титулы. За свое имя, за сердца миллионов болельщиков.

— (X') Да.

(Y) *Но изменения в атакующем составе должны быть минимальные. Стабильность и сыгранность состава — залог успеха!*» [Блог *Golden Ice* // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/smonline/>].

В текстовом фрагменте (20) блогер инициирует суждение (X), согласно которому вопрос с кадрами в футбольном клубе «Спартак» является проблематичным, требующим незамедлительного решения. Далее инициатор общения неявно указывает, что радикальные изменения требуются прежде всего в составе атакующих футболистов. Реагирующий собеседник сначала выражает согласие с выдвинутой точкой зрения блогера ((X') — Да.), однако впоследствии в диалогическом шаге (Y), озвучивает мнение о том, что изменения в составе атакующих футболистов не должны быть радикальными. Подобная позиция респондента оказывается потенциально несовместимой с представлениями блогера о кадровой политике в футбольном клубе и ее позитивных следствиях, представленными в стимулирующем сообщении.

Интересно заметить, что респондент фактически поддерживает эмоциональный настрой блогера, делает лишь попытку расширить его знания о закономерностях успешных выступлений футбольного клуба на матчах. Иными словами, разворачивая основную модель реализации уступительных риторических отношений, реагирующий собеседник манифестирует одновременно как согласие с точкой зрения блогера, так и несогласие с некоторыми аспектами этой точки зрения (Да. Но...). Во фрагменте (20) реактивный ход собеседника (X') состоит из одной словоформы *Да*, т. е. характеризуется минимальной протяженностью.

Фрагменты текстов блогов, представленные в корпусе собранных нами примеров, обеспечивают возможность проследить тенденции, фиксирующие протяженность диалогических шагов блогера и респондента, которые участвуют в формировании основной модели реализации уступительных риторических отношений в контексте компьютерно-

опосредованной коммуникации. Как свидетельствуют наши наблюдения, указанные шаги оформляются преимущественно сложными предложениями. Ср.:

(21) «— (X) *Пара Забияко—Энберт смотрелись топом из топа, ну чисто короли парного катания...*

— (X') *Вот со всем согласна. Большие не буду критиковать Сашу / Наташу, этого и без меня достаточно.*

(Y) *Но мне действительно непонятно, кого пытались изобразить Забияко с Энбертом, то ли это Жанна д'Арк, то ли Анна Болейн, то ли еще какие-то третьи персонажи, получилось, на мой взгляд, патетично и топорно...»* [Блог *Mental Sport* // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>].

В диалогическом шаге (X), который предваряет виртуальную беседу и представляет собой сложносочиненное предложение, блогер выражает наивысшую позитивную оценку катанию пары Н. Забияко и А. Энберта на Международном чемпионате в Хельсинки (ср. *смотрелись топом из топа, чисто короли парного катания*). Реагируя, респондент делает уступку в пользу данных оценочных суждений, соглашается с мнением инициатора общения.

Диалогический шаг (X') комбинирует в себе простое и сложносочиненное предложения. Далее респондент манифестирует альтернативное мнение (Y), которое оформляется предложением усложненной структуры. Другими словами, диалогические шаги блогера и респондента (X), (X') и (Y), которые являются элементами общей модели реализации уступительной риторической семантики, формируются сложными предложениями или сочетанием простых и сложных предложений, в том числе и усложненной структуры.

Элементы (X') и (Y), входящие в состав анализируемой нами риторической модели, отражают диалогическую деятельность одного и того же участника виртуального общения, а именно — реагирующего собеседника. В связи с этим целесообразно определить, каким образом эти элементы модели формируют целостную последовательность. Риторические отношения, устанавливаемые между диалогическими шагами (X') и (Y) в составе текста блога, как правило, грамматически

маркируются определенными средствами (противительными союзами и частицами). Так, во фрагменте (18) респондент противопоставляет две ситуации — неудачные выступления большинства российских фигуристов в текущем сезоне и стабильное положение на чемпионатах мира пары Тарасова — Морозов.

Связывание диалогических шагов (X') и (Y), которые фиксируют данные ситуации, осуществляется в том числе и с учетом параллелизма между оценочными утверждениями *И это очень печально...* — *И это показательно...*, обнаруживаемыми в обоих шагах. Как иллюстрируется в текстовых фрагментах (20)—(21), респондент, оформляя реакцию, реагируя на сообщение блогера (X), связывает свои диалогические шаги (X') и (Y) с опорой на противительный союз *но*. Фрагмент виртуального общения (22) выявляет тот факт, что связывание анализируемых нами диалогических шагов респондента может осуществляться и с опорой на иные сочинительные союзы. Ср.:

- (22) «— (X) *Я просто не понимаю, почему это всегда касается того элемента, в отношении которого уже накопился негативный опыт.*
— (X') *И я не понимаю, почему это становится стереотипом, преодолеть который очень непросто,*
— (Y) *за исключением того, что абсолютно у каждого спортсмена есть психологически проблемные элементы в его спорте*»
[Блог *Mental Sport* // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>].

Иллокутивная интенция блогера состоит в том, чтобы в форме имплицитной риторической конструкции (X) выразить модусное суждение о своем непонимании того, почему в ответственный момент соревнования спортсмен не в состоянии выполнить сложный элемент, который был предварительно отработан во время тренировок. Реагируя суждением (X'), респондент соглашается с модусным содержанием стимулирующего сообщения, манифестируя сильную степень поддержки позиции блогера, уступку в пользу этой позиции. Ср. параллельные конструкции, актуализованные в инициальной и реактивной репликах: *Я просто не понимаю, почему...* — *И я не понимаю, почему...*, связь между которыми осуществляется с опорой на сочинительный союз *и*.

Вместе с тем респондент, реализуя суждение (Y), одновременно указывает на возможность проявления психологических проблем практически у каждого спортсмена, чем опровергает суждение (X), предварительно выдвинутое блогером, выражает несогласие с его смысловой позицией, которая демонстрируется в этом суждении. При этом средством связности диалогического шага (Y) и предшествующего шага (X') выступает подчинительный союз *за исключением того...* Можно говорить о том, что между диалогическими шагами блогера и респондента (X) и (X') обнаруживается модусно-модусное согласование выражаемого содержания: респондент выражает аналогичный модус с целью поддержания мнения блогера.

Выдвигая суждение (Y), респондент фактически нарушает это согласование, реализует диктумную реакцию с тем, чтобы выразить альтернативное мнение по обсуждаемой ситуации, расширить presupпозиции блогера новыми знаниями. Реагирующий собеседник исходно делает уступку (X') в пользу мнения (X), выраженного блогером (дублируя пропозициональное содержание исходного сообщения), а затем манифестирует альтернативную точку зрения по обсуждаемой проблеме (Y), которая связана со сферой спорта.

Таким образом, исследуемая нами основная модель уступительных риторических отношений в контексте реализации в компьютерно-опосредованной коммуникации выявляет случаи как отсутствия эксплицитных средств связности между шагами (X') и (Y), которые представлены в сообщении респондента, так и наличия связующего подчинительного союза. Данные шаги моделируют уступку в пользу предварительно выраженной смысловой позиции блогера (прагматическая функция диалогического шага (X')) и одновременно манифестируют альтернативное мнение на проблематику, обсуждаемую в компьютерно-опосредованном общении (прагматическая функция диалогического шага (Y)). Воссоздавая эту модель в своих диалогических шагах, респондент исходно выражает согласие с модусным / диктумным содержанием сообщения блогера, а затем вводит, как правило, оценочное суждение, отражающее альтернативное видение обсуждаемой ситуации.

Как свидетельствует наш анализ фрагментов компьютерно-опосредованного общения, прагматическими характеристиками основной

модели реализации уступительных риторических отношений выступают такие показатели, как:

- эксплицитная выраженность всей совокупности диалогических шагов, которые задействованы в модели: инициального сообщения блогера (**X**) и реакции респондента ((**X'**) и (**Y**));
- прямой порядок реализации диалогических шагов блогера и реагирующего собеседника, формирующих фрагмент связного текста ((**X**) — суждение блогера, (**X'**) — уступка респондента в пользу мнения блогера и (**Y**) — альтернативная точка респондента);
- факультативная маркированность уступительных риторических отношений между диалогическими шагами (**X**) и (**X'**), отражающих согласие респондента с мнением блогера;
- эксплицитная маркированность риторических отношений уступки респондента в пользу собственной смысловой позиции в диалогическом шаге (**Y**) (подчинительные союзы, вводные слова);
- тематическая связность немаркированных риторических отношений уступки между диалогическими шагами (**X**) и (**X'**) с опорой на оценочные грамматические средства.

Реагирующее суждение респондента воплощает собой своего рода неконфликтное противительное компромиссное высказывание, которое базируется на полном (частичном) несоответствии точек зрения участников компьютерно-опосредованной коммуникации. Освещая альтернативное видение обсуждаемой ситуации, респондент, как правило, фиксирует внимание блогера и остальных собеседников на том или ином аспекте этой ситуации, который фактически опровергает абсолютную истинность информации, озвучиваемой блогером в стимулирующем сообщении. В подобном контексте межличностного взаимодействия в функции экспликатора принципа компромисса в выражаемых позициях частотно выступают противительные союзы и вводные слова с противительной семантикой.

В рамках основной модели реализации уступительных риторических отношений в компьютерно-опосредованной коммуникации прагматическая связность диалогических ходов блогера (**X**) и реагирующего собеседника (**Y**), которые формируют противительный компромисс между смысловыми позициями участников общения, как свидетель-

ствует наш анализ, не характеризуется однозначностью в структурно-семантическом плане.

Связность указанных компонентов модели влечет за собой следующие прагматические следствия для реализации уступки через стыковку контрастных умозаключений блогера и респондента, фактическое противопоставление этих умозаключений. При этом противопоставление интерпретируется в нашей работе как такое состояние виртуальной интеракции блогера и респондента, при которой реакция (**Y**), в семантическом плане отражая альтернативное видение обсуждаемого положения дел, оказывается возможной в силу предварительно выраженной уступки (**X'**) в пользу действительности и обоснованности стимула (**X**). Условием противопоставления в этом случае выступает последовательное воплощение такого прагматического принципа, как противительный компромисс между диалогическими ходами (**X**) и (**Y**) при посредничестве диалогического хода (**X'**).

1. Частичное противопоставление позиций блогера и респондента осложняется семантикой ограничения: положения дел, которые освещаются в контрастном диалогическом шаге респондента (суждении-предположении) (**Y**), ограничивают возможность реализации положения дел, представленного блогером в стимулирующем диалогическом ходе (**X**). Например:

(23) «— (**X**) ...*Это действительно психологическая проблема. Она заключается в том, что именно на соревнованиях в моменты выполнения принципиально важного элемента спортивного упражнения в сознании актуализируется предыдущий опыт выполнения этого же элемента.*

— (**X'**) *Да никто не спорит, что все проблемы только у Миши в голове, потому что и таланта у него на пятерых хватит, и с физической формой совсем уж явных проблем нет.*

(**Y**) *Но! При заходе на сложный прыжок Мише нужно контролировать — «плечи опущены». И это НО все перечеркивает...»*
[Блог *Mental Sport* // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>].

В сообщении (**X**), предваряющем компьютерно-опосредованное общение, блогер высказывается о тех психологических закономер-

ностях, которые сопровождают выступление фигуриста на соревнованиях. Респондент, реагируя диалогическим шагом (X'), выражает полное согласие с мнением блогера и далее приводит свое альтернативное суждение (Y), в котором психологические проблемы (ментальная работа, сознание-внимание) известного фигуриста во время показательных выступлений трактуются как положение дел, ограничивающее действенность стимулирующего суждения блогера (X). При этом диалогические ходы (X) и (Y) связываются по принципу контраста: по мнению респондента, суждение блогера является не действенным, поскольку не учитывает те ограничения, которые оказываются актуальными для ментальной работы фигуриста на соревнованиях (ср. ... *нужно контролировать* — «плечи опущены»).

2. Положение дел, освещаемое в диалогическом ходе (Y), трактуется респондентом как желательное дополнение к тому положению дел, которое представляется в стимулирующем сообщении блогера (X). Ср.:

(24) «— (X) Как известно, наличие в программе связок — это обязательный... критерий оценки за компоненты. В такой ипостаси связки должны отвечать следующим требованиям: разнообразие, сложность, качество и непрерывность переходов из движения в движение.... Иногда связки могут становиться сложными заходами на элементы: тодесы, вращения...

— (X') *Присоединяюсь... и категорически плюую!* Как же украшают связки фигурное катание, делают его разнообразнее и красивее, каждый фигурист с их помощью может максимально выгодно представить себя в программе.

(Y) *Единственное, это не претензия, а пожелание, может быть стоило в историю подалее заглянуть. Например, у меня одно из самых ярких детских впечатлений от фигурного катания — это прыжки в шпагат Толера Крэнстона* [Блог *Ледовые заметки* // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>].

В стимулирующем сообщении блогера (X) представлена специфическая информация о технике фигурного катания, критериях

выполнения программы во время соревнований. Особое внимание блогер уделяет связкам, которые являются важным компонентом танца на льду. Эта информация призвана расширить знания целевых респондентов об обсуждаемой проблематике. Один из респондентов, реализуя реагирующее сообщение (X'), подчеркивает конструктивность информации, представленной блогером, соглашаясь, что с суждением о возможности преобразования связок в «сложные заходы», делая уступку в пользу этого суждения. При этом согласие респондента не маркируется какими-либо языковыми средствами, выражается как позитивная оценка мнения, озвученного в стимулирующем сообщении (ср.: *Присоединяюсь... и категорически плюую!*).

Данный респондент одновременно дополняет суждение блогера новым фактом, который предопределяется субъективным восприятием сложности артистической техники выступлений фигуристов на соревнованиях. В плане исходной точки зрения блогера это дополнение можно рассматривать в качестве контраргумента (Y), который не вносит конфликта в компьютерно-опосредованную коммуникацию, хотя и фокусирует внимание участников общения на ином сложном элементе связок в программе фигуристов.

Этот контраргумент содержит в себе детализацию предмета обсуждения, оформляется как уступка в пользу собственного мнения, которая эксплицитно маркируется (ср.: *Единственное, это...*). Между диалогическими шагами собеседников (X) и (Y) устанавливаются отношения частичного контраста, основывающегося на альтернативном видении обсуждаемой проблемы (блогер считает, что элементами связок в танце фигуристов являются тодесы и вращения; респондент полагает, что таковыми предстают также и прыжки в шпагат). Возможно, что точки зрения участников компьютерно-опосредованной коммуникации отражают узкое и широкое понимание предмета обсуждения (т. е. связки как заход на сложные элементы танца фигуристов на соревнованиях).

3. Негативное положение дел, которое освещается в оценочном стимулирующем диалогическом шаге блогера (X), обуславливает позитивное положение дел, представляемое в реагирующем диалогическом

шаге респондента (Y): негативный факт способен порождать позитивные следствия. Ср.:

(25) «— (X) Мендеш небескорыстно помогал Криштиану уходить от налогов и придумал мутную схему, которая позволила ему скрыть 180 млн евро, полученные от использования имиджевых прав, а впоследствии стал участником крупного скандала в футбольном мире...

— (X') Верно,

(Y) но потом влияние Мендеша так разрослось, что в некоторых клубах он является неформальным спортивным директором и отвечает за все трансферы (лучший пример сейчас — “Вулверхэмптон”») [Блог Дикий, дикий запад // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>].

В стимулирующем сообщении (X) блогер представляет ранее неизвестные факты из профессиональной деятельности популярного агента европейских футбольных клубов (обеспечение ухода от налогов и сокрытия доходов для прославленного футболиста), негативно оценивая это направление деятельности с опорой на соответствующие лексические единицы (ср. *небескорыстно помогал, придумал мутную схему... стал участником крупного скандала*). Формируя реакцию на данную информацию, респондент реализует два диалогических действия:

- 1) шаг (X'), посредством которого выражает согласие с суждением блогера, неявно делает уступку в пользу действенности его мнения, согласуя модусные сферы блогера и своего «Я», тем самым поддерживая негативное видение обсуждаемого положения дел (ср., *Верно, ...*);
- 2) шаг (Y), в котором представлена альтернативная позиция в плане оценки профессиональной деятельности популярного агента футбольных клубов. По мнению респондента, негативные сделки в карьере Жорже Мендеша впоследствии возымели позитивные последствия, позволили ему стать популярным и эффективным неформальным директором многих футбольных клубов и заметно поднять их спортивный престиж (ср., ... *но...*).

Делая риторическую уступку в пользу своего мнения, явно ее маркируя посредством противительного союза *но*, респондент нарушает модусное согласование смысловых позиций, рассматривает сомнительную деятельность Жорже Мендеша как фактор его плодотворной последующей карьеры. Респондент приводит жесткий аргумент в поддержку своей позиции (клуб «Вулверхэмптон», в котором Мендеш стал директором, добился наилучших результатов в таблице футбольных турниров). Этот аргумент в свою очередь существенно усиливает контраст между диалогическими шагами (X) и (Y), вводит антитезу между суждениями, которые содержатся в этих шагах.

В контексте диалогического хода (X) оценочное суждение блогера трактуется нами в качестве конструктивного средства стимулирования респондентов к выражению личностного мнения относительно обсуждаемой ситуации и, очевидно, уступительной поддержки этого суждения с опорой на аналогичное модусное содержание. Респондент, реагируя диалогическим ходом (Y), активизирует конвенции уступительного противительного компромисса, озвучивает альтернативное видение ситуации и мнение об этой ситуации, приводит веские аргументы в противовес исходной позиции блогера. При этом ход (Y), выступающий сущностным элементом реагирующего сообщения респондента, создает прагматические основания для связности сообщений двух собеседников в составе фрагмента текста блога, обеспечивает целостность тому смысловому блоку компьютерно-опосредованной коммуникации, который формируется в данный момент взаимодействия.

Как показал наш прагматический анализ фрагментов (19)—(25), основная модель функционирования уступительных риторических отношений как задает некоторый порядок следования ходов блогера и респондента, так и может предполагать элиминацию одного из этих ходов. В этом случае трансформации в основной модели определяют существенные прагматические следствия для целостной организации текста блога, дают возможность говорить о потенциальной вариативности этой модели в рассматриваемом нами типе коммуникации. В следующем параграфе нашего исследования мы проанализируем вариативные возможности основной модели уступительных риторических отношений, которые предполагают иную последовательность шагов блогера и респондента или опущение одного из этих шагов.

2.2.3. Вариативные модели формирования риторических уступительных отношений в компьютерно-опосредованной коммуникации: изменения в порядке следования дискурсивного шага респондента

Как мы уже заметили выше, при исследовании процессов моделирования риторических отношений в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации мы учитываем такую конструктивную прагматическую характеристику уступки, как структурно-семантическое противопоставление диалогических ходов блогера и респондента. В процессе развертывания виртуального общения выражается субъективное отношение к разнообразным ситуациям, в нашем случае отражающим яркие спортивные события, прослеживающие профессиональную карьеру и личную жизнь как спортсменов, так и организаторов состязаний. Точки зрения, выражаемые участниками общения, преимущественно фиксируют альтернативное видение обсуждаемой ситуации, стыкуются в текстовом фрагменте блога с основой на принцип антитезы. Структурно-семантические противопоставления между диалогическими ходами собеседников проливают свет на несоответствия, пропозициональные различия иницирующего и реагирующего сообщений, которые не приводят к конфликтному разрешению общения.

Основная модель риторических уступительных отношений является производящей базой для соответствующих вариаций, среди которых выделяются прежде всего модели, фиксирующие изменения в последовательности реализации диалогических шагов респондента: собеседник, выражая реакцию на стимулирующее сообщение, сначала иницирует контрастную точку зрения и лишь затем делает уступку в пользу смысловой позиции блогера, признавая, что эта позиция также предстает (частично) действенной, фактически манифестируя согласие с ней. Как мы отметили в первой главе нашего исследования, компьютерно-опосредованная форма коммуникации — в отличие от спонтанного личного взаимодействия «лицом к лицу» — характеризуется асинхронностью, а поэтому блогер и респонденты реализуют обмен (контрастными) точками зрения и аргументами с опорой на

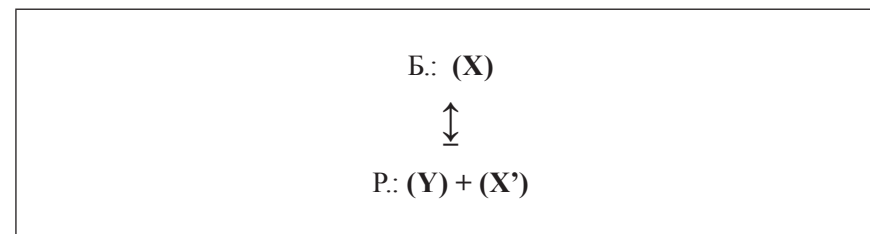
гибридный формат общения, специфическое разговорное поведение.

Данный тип поведения в свою очередь отличается усиленной апелляцией к личностному, субъективному знанию. Объективация вариантов основной модели реализации уступки подтверждает тот факт, что в контексте функционирования текстовые фрагменты блогосферы выявляют динамические структуры: вариативность дает возможность респонденту осуществлять альтернативное структурирование своих диалогических ходов с целью недопущения конфликтного развития коммуникативного взаимодействия с блогером и усиления межличностной предопределенности совместно порождаемого виртуального текста.

Вариативная модель может предполагать прежде всего инверсию в следовании диалогических шагов респондента. В подобном контексте компьютерно-опосредованной коммуникации вариативная модель уступительных риторических отношений выявляет структуру, которая отмечена на Схеме 14.

Схема 14

Вариативная модель уступительных риторических отношений в тексте блога, предполагающая обратную последовательность диалогических шагов респондента

Примечание. Собеседники, участники компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации: Стимулирующее сообщение: (X) — суждение блогера. Реагирующее сообщение: (Y) — уступка в пользу собственного мнения, реализуемая респондентом; (X') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом. В контексте общения диалогические ходы (X) и (Y) трактуются блогером и респондентом как выражение потенциально контрастных смысловых позиций

В контексте общения диалогические ходы (X) и (Y) трактуются блогером и респондентом как выражение потенциально контрастных смысловых позиций. Ср.:

(26) «— (X) У сборной России все сложно: Марио Фернандес, Александр Головин и Денис Черышев точно пропустят последние матчи 2018-го. Артем Дзюба индивидуально готовится к матчу со Швецией и не полетел в Лейпциг. У Романа Zobнина проблемы с бедром, а Федор Кудряшов большую часть тренировок в Москве проводил не на поле, а в тренажерном зале. К тому же дебют Ильзата Ахметова откладывается: полузащитник ЦСКА повредил плечо и выбыл до конца года.

— (Y) Есть надежда, что Ахметов, Головин, Черышев со временем исправят эту ситуацию, и мы будем восхищаться не только борцовскими качествами игроков сборной.

(X') А так проблем у сборной много, сложности с "боевым" составом» [СБГ-блог // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

В диалогическом шаге (X) блогер приводит оценочное суждение о сложностях с составом игроков в сборной России, для обоснования своего суждения приводит фактические аргументы. Респондент выдвигает альтернативную точку зрения (Y), указывая на временный характер возникших сложностей: некоторые опытные игроки сборной команды к началу нового сезона могут выйти на поле и спасут ситуацию. В рассматриваемом фрагменте блога смысловые позиции блогера (X) и респондента (Y) стыкуются на основе принципа контраста. Далее респондент смягчает категорический характер своего суждения, выражая полное согласие с позицией блогера (X'), фактически резюмируя семантическое содержание его суждения и делая уступку в пользу него. Прагматической целью риторической уступки, манифестируемой диалогическим ходом (X'), является нейтрализация безапелляционного характера предшествующего шага (Y), который содержит в себе альтернативную субъективную оценку обсуждаемого положения дел (ср., *есть надежда, что...*).

Данная риторическая уступка не маркируется какими-либо языковыми средствами, связывается с предшествующим сообщением блогера

на основе трех тематических компонентов (фамилий известных футболистов). При этом темам высказывания приписываются контрастные ремы, содержание которых отражает альтернативное видение ситуации (ср.: (X) Александр Головин и Денис Черышев **точно пропустят последние матчи 2018-го**; дебют ... Ахметова откладывается — (Y) Ахметов, Головин, Черышев **со временем исправят эту ситуацию**).

Реагирующий собеседник исходно озвучивает личностную точку зрения, которая контрастирует с мнением блогера, и сразу же допускает возможность, что иницилирующее суждение в силу сложившихся обстоятельств является действенным, соответствующим действительности. В сравнении с основной моделью в анализируемом ее варианте респондент оформляет свои диалогические шаги в обратной последовательности, фактически выводя свое мнение в сильную позицию общения.

В корпусе нашего иллюстративного материала системно выделяются фрагменты текстов блогов, которые свидетельствуют о том, что инверсия в последовательности манифестации диалогических шагов респондента не предопределяет тот факт, что риторическая уступка в пользу мнения инициатора общения актуализует сильную позицию диалогического шага (Y). Подобное положение дел в свою очередь приводит к необходимости повторного озвучивания альтернативной точки зрения, содержащейся в этом шаге. Например:

(27) «— (X) Сейчас рисковать здоровьем Дзюбы бессмысленно, поэтому вызов нового нападающего вместо капитана абсолютно логичен. То, что этим форвардом стал именно Ари, тоже логично.

— (Y) Но у Ари с нервами проблемы. Может на ровном месте психануть и получить красную...

(X') **Вместе с тем** пока впереди Ари: он всегда выходит в старте, если не травмирован и не дисквалифицирован. Он хорош и в чужгой штрафной, и в подыгрыше, а для подвижной атаки команды Мусаева это очень важно.

(Y') **Однако** вспомните его шакалье поведение с ударами сзади в той стычке с Павлюченко. Не хочется видеть таких персонажей в сборной» [СБГ-блог // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/sbganalitica/>].

Когда блогер выдвигает суждение (X), согласно которому Ари — оптимальный форвард сборной России по футболу, респондент реагирует противоположной точкой зрения (Y), которая вводится противительным союзом *но*, а поэтому противоречит модусному содержанию исходного суждения. В компьютерно-опосредованном общении наблюдается рассогласование модусов собеседника. Далее в диалогическом шаге (X') реагирующий собеседник все же выражает согласие со стимулирующим суждением, делает риторическую уступку в пользу смысловой позиции блогера, подтверждает, что футболист бразильского происхождения профессионально проявляет себя во время ответственных матчей. Этот диалогический шаг сглаживает контраст между альтернативными точками зрения собеседников, так как в нем фактически подтверждается действительность исходного мнения блогера.

Унисон между смысловыми позициями участников компьютерно-опосредованной коммуникации, модусами обоих собеседников моделируется на основе того, что обсуждаемая ситуация оценивается и трактуется в двух сходных аспектах (ср. (X) *То, что этим форвардом стал именно Ари, тоже логично* — (X') *Он хорош и в чуждой штрафной, и в подыгрыше, а для подвижной атаки команды Мусаева это очень важно*). Связующим компонентом между диалогическими шагами (X) и (X') выступает вводная конструкция *вместе с тем*, обнаруживаемая в инициальной позиции реагирующего сообщения. В сравнении с текстовым фрагментом (26) унисонное суждение (X') не исчерпывает виртуального взаимодействия: респондент повторно озвучивает свою контрастную позицию (Y') как риторическую уступку в пользу своего мнения, которая маркируется противительным союзом *однако*, объективирующим противопоставление субъективных видений собеседников одного и того же положения дел.

Реагирующий собеседник вторично реализует несогласие с мнением блогера, содержащимся в диалогическом шаге (X). Данное несогласие занимает сильную позицию в последующем разворачивании текста блога, поскольку респонденты начинают реагировать именно на него, а не на стимулирующее суждение блогера. Мнение, контрастное по отношению с исходной позицией инициатора общения, маркируемое противительным союзом *но*, вызывает повышенный интерес у иных участников компьютерно-опосредованного общения, переключает фо-

кус внимания со стимулирующего суждения блогера на личностную позицию первого респондента.

Эксплицитное противопоставление мнений двух собеседников может заметно смягчаться, если риторическая уступка в пользу точки зрения блогера совмещается с контрастным мнением, т. е. диалогические шаги респондента (Y) и (X') формируют синкретичное единство. Например:

- (28) «— (X) *Когда в Football Leaks всплыло имя Нголо Канте, все испугались. Француз — идеал простого и скромного футболиста. К счастью, Нголо и в этом скандале всем доказал: он красавчик.*
— (Y), (X') *После прочтения кучи текстов об имиджевых правах и налоговых расследованиях против игроков и клубов Нголо слишком переживает, что схема вызовет вопросы у налоговых властей и просто решил не рисковать»* [Блог *Астериск* // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/asterisk/>].

Иницируя компьютерно-опосредованное общение, блогер выражает мнение (X), в котором позитивно оценивается финансовая честность известного французского футболиста перед налоговыми органами (ср. разговорную лексику *красавчик*, которая выступает референтом объекта обсуждения и содержит в своей семантике положительные коннотации). В реагирующем сообщении неявно проецируется риторическая уступка в пользу субъективной позиции блогера (блогер фактически согласен с действительностью мнения блогера), однако одновременно актуализуется определенная степень контраста с этой позицией (респондент считает, что футболист уплатил все налоги вследствие чувства страха перед налоговыми органами, что не может быть оценено позитивно). Как результат этого реагирующее сообщение респондента интерпретируется нами и как контраст стимулирующему сообщению блогера, и как риторическая уступка в пользу действительности этого сообщения. Диалогические шаги (Y) и (X') формируют нерасчлененное единство.

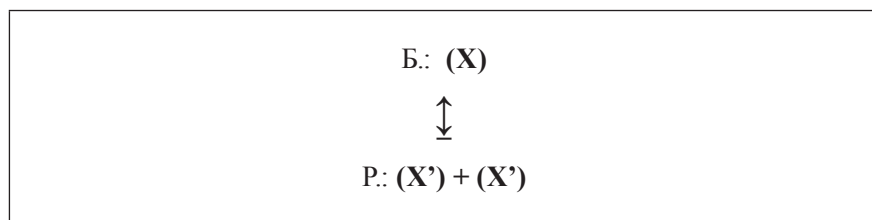
Семантика риторической уступки, выдвинутой респондентом, в контексте анализируемого диалогического шага оказывается едва различимой. Смысловой уровень сообщения реагирующего собеседника с большей долей вероятности выявляет контраст мнению блогера. Дру-

гими словами, респондент фокусирует внимание блогера не на том, что популярный французский футболист честно платит налоги (X'), а на том, что футболист руководствуется чувством страха, а поэтому не является «красавчиком» в полном смысле этого слова (Y).

Подобная двойственная позиция в свою очередь выдвигает на передний план общения несогласие респондента (ср. *просто решил не рисковать*), предопределяет модусное рассогласование точек зрения участников компьютерно-опосредованного общения. В связи с этим мы полагаем, что прямой порядок диалогических шагов (X), (X') и (Y), фиксируемый основной моделью уступительных риторических отношений, в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации является наиболее конструктивной формой взаимодействия собеседников, поскольку не вызывает конфликтогенных следствий. При реализации основной модели реагирующий собеседник исходно выражает (частичное) согласие со стимулирующим мнением блогера, а затем приводит контрдоводы, контраргументы в поддержку собственной точки зрения, таким образом предотвращая возможные негативные реакции со стороны инициатора общения.

Схема 15

Вариативная модель уступительных риторических отношений во фрагменте текста блога при элиминации диалогического шага респондента (Y)

Примечание. Собеседники, участники компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации: Стимулирующее сообщение: (X) — суждение блогера. Реагирующее сообщение: (X') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом. Между диалогическими ходами блогера (X) и респондента (X') формируются риторические отношения детализации

Вариативная модель уступительных риторических отношений в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации может также предполагать элиминацию реактивного диалогического шага блогера (Y). В подобном контексте общения этот шаг эксплицитно репрезентируется реагирующим собеседником в шаге (X'), а поэтому отсутствует необходимость в его отдельном воплощении. При подобных коммуникативных обстоятельствах вариативная модель выявляет структуру, отмечаемую на Схеме 15.

Между диалогическими ходами блогера (X) и респондента (X') формируются риторические отношения детализации. Ср.:

(29) «— (X) “Зенит” под давлением “ЦСКА” потерялся — Ерохин и Маркизио... резко накрывались соперниками и теряли мячи. Если центральные защитники гостей пасовали Ивановичу и Чернову, то к ним сразу поднимались Щенников и Ефремов. Иванович и Чернов были вынуждены либо играть назад, либо выносить мяч вперед, в сторону Дзюбы...

— (1-X') “ЦСКА” играл великолепно, Зенит провалился. Это бесспорно так. И моменты в игре автор изложил точно.

(2-X') Почему “Зенит” еле ноги волочил — тут автор подумать не удосужился. Не только из-за банальной усталости. Автор в упор не видит сложившуюся в команде ситуацию, когда из-за тупой трансферной политики 5—6 игроков вынуждены были играть практически и за всех остальных, не тянущих...» [СБГ-блог // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/sbganalitica/>].

В стимулирующем сообщении (X) блогер излагает основные моменты матча между «Зенитом» и «ЦСКА», которые повлияли на исход футбольной игры. В реагирующем сообщении (1-X') респондент делает уступку в пользу мнения блогера, соглашается с этим мнением. Далее респондент реализует аналогичный диалогический шаг (2-X'), в котором согласие с точкой зрения блогера сопровождается детализацией данной точки зрения: реагирующий собеседник указывает на причины той напряженной обстановки среди игроков «Зенита», которая сложилась во время матча с «ЦСКА». Оценочные суждения респондента освещают в альтернативном свете те факты, которые при-

водятся блогером в стимулирующем сообщении. В результате между сообщениями (X) и (2-X') складываются неявные отношения контраста, поскольку детализуемые респондентами факты переключают негативное модусное содержание суждений блогера на позитивное модусное содержание: респондент выражает сочувствие футболистам, игра которых получила негативную оценку в суждениях блогера. Ср.: (X) *резко накрывались соперниками и теряли мячи; были вынуждены либо играть назад, либо выносить мяч вперед — (2-X') из-за тупой трансферной политики 5—6 игроков вынуждены были играть практически и за всех остальных, не тянущих...*

В суждении (2-X') респондент, поддерживая точку зрения блогера о неудовлетворительной игре «Зенита» во время матча с «ЦСКА», делая уступку в пользу этого мнения, рационально объясняет причины подобной игры, чем вводит неявный контраст между своей смысловой позицией и позицией блогера. По мнению респондента, негативная оценка действий игроков «Зенита» во время матча с «ЦСКА» является безосновательной, поскольку подобный формат игры предопределялся объективными причинами, не зависящими от самих футболистов.

Контрастирующие элементы суждения респондента обнаруживаются уже в диалогическом шаге (1-X'), поскольку проектируются субъектом суждения как импликации, неявно имплицитный смысл. Это осознается обоими участниками компьютерно-опосредованной коммуникации. Идентичное смысловое содержание вкладывается реагирующим собеседником и во второй его диалогический шаг (2-X'), который аналогично трактуется как уступка исходной точке зрения блогера. В подобном контексте взаимодействия с блогером респондент эксплицитно не реализует диалогический шаг (Y), так как этот шаг неявно подразумевается диалогическими шагами (1-X') и (2-X'). Указанные шаги, дублирующие одно и то же смысловое содержание, трактуются нами в качестве риторической уступки в пользу мнения, исходно выраженного блогером в стимулирующем сообщении (X). Другими словами, в текстовом фрагменте (29) мы на уровне сообщения реагирующего собеседника не выявляем диалогический шаг (Y), поскольку этот шаг в контексте взаимодействия с блогером не получает эксплицитного выражения.

Проанализируем проблему манифестации риторической уступки, которая в реагирующем сообщении респондента не сопровождается эксплицитными контрдоводами, контраргументами против мнения блогера, более детально. Анализируя текстовые фрагменты (18)—(27), мы отмечаем тот факт, что диалогический шаг (Y) реализуется респондентом как позиция, контрастирующая мнению блогера. Неявное выражение этого шага, его структурно-семантическое совмещение с шагом (X') предопределяются риторическими отношениями детализации, которые формируются между шагом блогера (X) и шагами респондента (1-X') и (2-X'), представляющими риторическими уступками в пользу стимулирующей точки зрения инициатора общения.

Отношения детализации между указанными выше диалогическими шагами объективируются в таком контексте общения, при котором реагирующие шаги респондента (1-X') и (2-X') образуют имплицитный бинарный контраст семантическому содержанию, выраженному в пропозиции стимулирующего диалогического шага блогера (X).

Мы выявили, что в текстовом фрагменте (29) респондент детализует такие смысловые компоненты, которые помогают понять моральный настрой футболистов «Зенита» во время матча, а также наличие в составе «Зенита» слабых игроков. Каждый из диалогических шагов уступки (1-X') и (2-X'), манифестируемых реагирующим собеседником, детально уточняет эти аспекты смыслового содержания, исходно актуализованные в сообщении блогера, которое послужило конструктивным стимулом для разворачивания компьютерно-опосредованной коммуникации. Неявный контраст, моделируемый диалогическими шагами реагирующего собеседника (1-X') и (2-X'), выявляет бинарную природу, поскольку актуализация одного элемента контраста стабильно ассоциируется в сознании коммуникантов с другим элементом контраста (ср. низкий моральный дух «Зенита» связывается с наличием в команде слабых игроков).

Кроме того, аргументативное обоснование одного элемента влечет за собой эксплицитное отрицание другого элемента.

Отношения импликации, неявно манифестируемые респондентом в диалогических шагах (1-X') и (2-X'), схематически можно репрезентировать следующим образом.

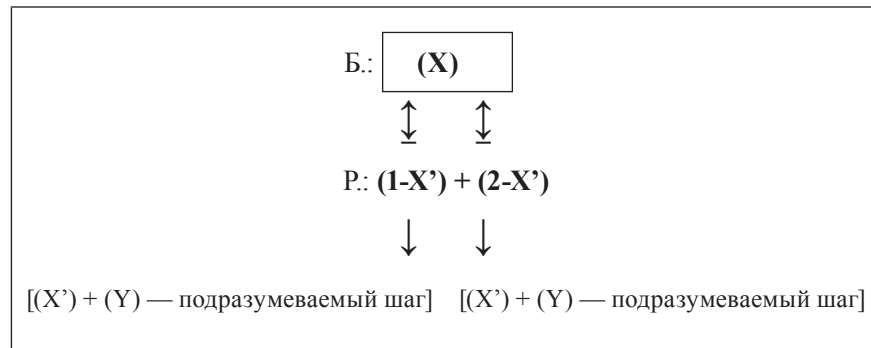
Имплицативный потенциал дискурсивных шагов респондента (1-Х') и (2-Х') во фрагменте текста блога (29)

Р.: [(1-Х') + (2-Х')] → [(Х') + (Y) — подразумеваемый шаг].

Примечание. Собеседник, участник компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации: Стимулирующее сообщение: (X) — суждение блогера; Реагирующее сообщение: (1-Х') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом; (2-Х') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом; (Y) — уступка в пользу собственного мнения, реализуемая респондентом. Между диалогическими ходами блогера (X) и респондента (1-Х')—(2-Х') формируются риторические отношения детализации

В соответствии со Схемой 16 уточняется структура Схемы 15.

Детализация вариативной модели уступительных риторических отношений во фрагменте текста блога при элиминации диалогического шага респондента (Y)

Примечание. Собеседник, участник компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации:

Стимулирующее сообщение: (X) — суждение блогера; Реагирующее сообщение: (1-Х') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом; (2-Х') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом; (Y) — уступка в пользу собственного мнения, реализуемая респондентом. Между диалогическими ходами блогера (X) и респондента (1-Х')—(2-Х') формируются риторические отношения детализации

Прагматический потенциал риторических отношений заключается в возможности детализации между диалогическим шагом блогера (X) и шагами реагирующего собеседника (1-Х') и (2-Х'), неявно проецирующие шаги (Y), обеспечивает основания для уточнения специфики уступительных риторических отношений, которые представлены в основной модели (Схема 13) и иллюстрируются текстовым фрагментом (19). В частности, реагирующий собеседник заявляет о действительности двух взаимно противоречащих фактах, которые озвучиваются в стимулирующем диалогическом шаге блогера (X):

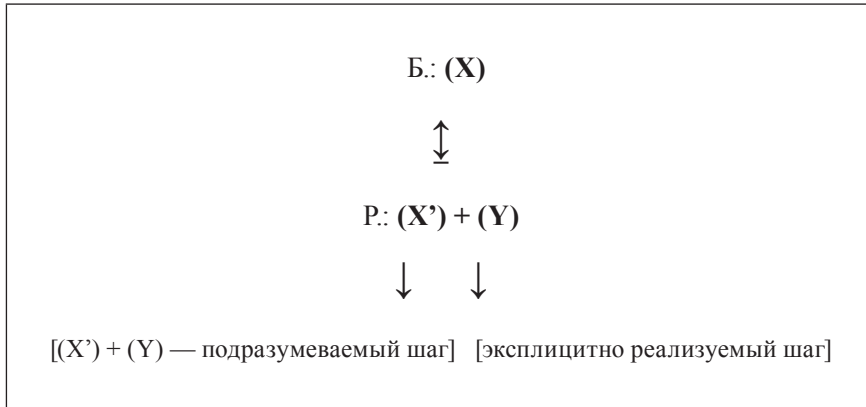
- был вариант обороны тотальным контролем;
- контроля не было.

С опорой на детализацию пропозиционального содержания диалогического шага блогера (X) реагирующий собеседник проецирует контрастные риторические отношения между такими семантическими элементами стимулирующего и реагирующего сообщений, как:

- (X) не попытался компенсировать нехватку Тиаго, игнорируя Хамеса до и во время матча., плохо отреагировал на замены Фавра;
- (Y) делал отчаянные попытки поменять игру, освежал позиции и выпускал тех, кто в теории может помочь в сценарии.

Элементы пропозиции делал отчаянные попытки поменять игру, освежал позиции и выпускал тех, кто в теории может помочь в сценарии занимают в сообщении респондента сильную позицию, а поэтому в отношении суждения блогера (X) проецируют контрдоводы и контраргументы. В подобном контексте (в сравнении с текстовым фрагментом (29)) шаг реагирующего собеседника (Y) реализуется явно. Учитывая данные уточнения, мы имеем возможность детализовать основную модель уступительных риторических отношений в компьютерно-опосредованной коммуникации следующим образом.

Детализация основной модели уступительных риторических отношений во фрагменте текста блога

Примечание. Собеседники, участники компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации: Стимулирующее сообщение: (X) — Суждение блогера. Реагирующее сообщение: (X') — уступка в пользу мнения блогера, реализуемая респондентом. (Y) — уступка в пользу собственного мнения, реализуемая респондентом. В контексте общения диалогические ходы (X) и (Y) трактуются блогером и респондентом как выражение потенциально контрастных смысловых позиций

В Схеме 18 проиллюстрирована риторическая детализация, отношения которой устанавливаются между стимулирующим и реагирующим сообщениями, проецирующая диалогический шаг респондента (Y). В этом шаге объективируются контраргументы мнению блогера (X), которое выступило конструктивным стимулом для последующего разворачивания компьютерно-опосредованной коммуникации. В составе реагирующего сообщения диалогический шаг (Y) может реализовываться как явным, так и имплицитным способом. В последнем случае манифестация данного шага, как свидетельствует анализ текстового фрагмента (19), стабильно ассоциируется с эмоционально-ироническими коннотациями, актуализуемыми в реагирующем сообщении респондента.

Таким образом, специфика функционирования уступительных риторических отношений в контексте компьютерно-опосредованного общения получает релевантное прагматическое объяснение с учетом основной модели. Воссоздавая эту модель в виртуальном тексте, респондент реализует возможности по (частичному) признанию точки зрения блогера, обоснованию альтернативной (контрастной) смысловой позиции в контексте конструктивного разворачивания компьютерно-опосредованной коммуникации. Считаем, что изучение риторических структур и отношений данной разновидности выявляет существенные функционально-прагматические импликации для многоаспектного анализа динамической природы текстов блогов.

Основная и вариативная модели уступительных риторических отношений, которые реализуются в компьютерно-опосредованной коммуникации, проливают свет на те стратегические задачи, которые предстают актуальными для блогера и респондента в момент осознания иллокутивных намерений друг друга. Наше научное исследование показало, что для реагирующего собеседника основная модель риторической уступки оказывается оптимальным механизмом озвучивания личностного мнения и одновременного выражения полного или частичного несогласия с позицией блогера. Можно говорить о том, что контекстом для реализации данного несогласия выступает оценка объективной действительности и субъективной реальности, воссоздаваемой блогером в стимулирующем сообщении.

Основная модель уступительных риторических отношений, исчерпывающе репрезентированная на Схеме 18, получает системную реализацию в контексте не только несходных, альтернативных точек зрения коммуникантов, но и при унисонном общении. Иными словами, рассматриваемая модель проявляет свой конструктивный потенциал в следующих контекстах межличностного взаимодействия собеседников:

- реагирующий собеседник утверждает, что сообщения блогера (X) действительны лишь отчасти;
- реагирующий собеседник подтверждает действительность как исходного (X), так реактивного (своего) мнения (Y), стимулирует блогера к тому, чтобы обозреть обсуждаемое положение дел из альтернативной (контрастной) позиции (т. е. исходя из личностного мнения, представленного в диалогическом шаге (Y)).

2.3. Риторические причинно-следственные отношения и их прагматическая роль в разворачивании текстов блогов

2.3.1. Средства маркирования риторических причинно-следственных отношений

Причина и следствие — это важные принципы, лежащие в основе упорядочивания повседневного опыта, связанного с восприятием и оценкой окружающей действительности, а поэтому относятся к центральным категориям когнитивной говорящего и размышляющего человека. Причинно-следственные отношения представляются фундаментальными для формирования и репрезентации знаний о мире, предопределяются такими когнитивными процессами человеческого сознания, как прогнозирование, объяснение и осознание фактов, явлений и событий. Интерпретация причинно-следственных отношений предполагает согласование информации, выражаемой частями высказывания, со спецификой когнитивной репрезентации соответствующих связей между фактами, явлениями и событиями, проистекающими в объективной реальности. При этом причина во временном плане предшествует следствию.

Анализируя причинно-следственные отношения в синтаксической системе русского языка, исследователи сосредотачиваются преимущественно на проблемах употребления союзов и союзных средств, маркирующих данный тип отношений в сложноподчиненном предложении [Виноградова, 2001; Всеволодова, Яценко, 2015; Хамитова, 2016]. В частности, в сфере исследовательского внимания оказывается паратактическое использование союза *потому что*, который трактуется как наиболее частотное средство маркирования причинно-следственных отношений, в том числе и в контексте диалогического взаимодействия собеседников [Ситнова, 2018: 927]. Согласно нашим наблюдениям, в компьютерно-опосредованной коммуникации при моделировании риторических причинно-следственных отношений доминирует асиндетическая связь: респондент представляет обоснование факта, явления или события, о которых сообщается в инициальной реплике блогера, эксплицитно не объективируя средство связ-

ности между двумя диалогическими ходами. Участники данного типа коммуникации проявляют стабильную тенденцию к интерпретации событийной последовательности в терминах причинно-следственных отношений, даже когда между сообщаемыми событиями фактически не обнаруживаются данные отношения в объективной реальности.

Вместе с тем исследователи говорят о том, что опыт восприятия причинно-следственной обусловленности событий реального мира оказывается приоритетным фактором концептуальной репрезентации причины и следствия в текстовом произведении, в котором первоочередной задачей адресанта предстает выражение оценки, аргументации и личностного мнения [Загидуллин, Иванов, Труфанова, 2016: 137; Куликова, 2016: 137; Федяева, 2016: 75]. Другими словами, эмпирический опыт восприятия причинно-следственных отношений между событиями в контексте реального мира трактуется в качестве фундаментальной основы дискурсивного воплощения соответствующих взаимосвязей в субъективно-ориентированном тексте. Причинно-следственные отношения «извлекаются» говорящим субъектом из личностного опыта восприятия окружающей реальности. Вследствие этого мы признаем, что этот тип отношений в процессе текстовой фиксации реальности отражает личностный опыт адресанта, репрезентируется как сопряжение, в рамках которого причина предшествует следствию. В концептуальном отношении причина извлекается из следствия, а следствие в свою очередь трактуется как симптом причины.

В рамках данного параграфа нашей работы мы исследуем именно причинно-следственные конструкции, формируемые в связном фрагменте текста блога на основе асиндетической связи. Компоненты данных конструкций располагаются дистантно — в стимулирующем и реагирующем сообщениях участников компьютерно-опосредованной коммуникации. В связи с этим мы анализируем следующие проблемы:

- в каких контекстах компьютерно-опосредованного общения составные элементы инициального и реактивного сообщений блогера и респондента формируют причинно-следственную конструкцию, которая в свою очередь может рассматриваться в качестве связного фрагмента текста блога?

- с опорой на какие прагматические параметры маркируется связность фрагмента текста блога, в котором активируются риторические причинно-следственные отношения?
- каковы основания выделения примыкающих сообщений блогера и респондента, между которыми устанавливаются риторические причинно-следственные отношения при отсутствии конвенциональных связующих средств, сигнализирующих о данном типе отношений?

Как показал наш предшествующий анализ риторических отношений контраста и уступки, связный характер между двумя высказываниями, обнаруживающимися на стыке стимулирующего и реактивного сообщений участников компьютерно-опосредованного общения, как правило, маркируется теми или иными явными или имплицитными средствами. Высказывания, формирующие те или иные риторические отношения, связываются либо явным лексическим маркером, либо имплицитным образом.

При анализе асиндетических конструкций, формируемых сегментами инициального и реагирующего сообщений, связность которых не маркируется грамматическими средствами (союзом, наречием и т. д.), мы сталкиваемся с проблемой объективации связного характера исследуемых конструкций. На связный характер компонентов данных конструкций, обнаруживаемых в речевых действиях блогера и респондента, указывает прежде всего контекст разворачиваемой виртуальной беседы и тот факт, что компоненты, отмечающие причину и следствие между обсуждаемыми событиями, непосредственно примыкают друг к другу и формируют целостное семантическое единство. Ср.:

- (30) «— На каждое удачное действие своей команды в защите Клопп аплодировал, на каждый упущенный шанс в атаке — яростно размахивал руками и подбадривал нападающих. (X) Клопп заметно эволюционирует как тренер.
— (Y) Этот «Ливерпуль» мне больше нравится. Если раньше была романтика и красивый футбол, при этом ноль успеха, сейчас с этим же составом, с такой заточкой на результат можно ждать чуда» [Блог London Eye].

Между компонентами (X) и (Y), которые обнаруживаются в стимулирующем и реагирующем сообщениях, устанавливаются причинно-следственные отношения, не маркируемые явными грамматическими показателями. В свою очередь, эти компоненты формируют целостное семантическое единство и могут трактоваться как единое диалогическое высказывание со структурой сложносочиненного предложения (ср.: *Клопп заметно эволюционирует как тренер, а поэтому этот «Ливерпуль» мне больше нравится*). В контексте виртуальной беседы при формировании целостного характера данного высказывания согласуются модусные содержания сообщений собеседников: в диалогическом шаге (Y) респондент поддерживает позитивную оценку профессиональной деятельности тренера футбольной команды «Ливерпуль», выраженную блогером в предшествующем шаге (X), рассматривает эту оценку как причину для выражения суждения относительно обсуждаемой личности. Связность между анализируемыми компонентами сообщений участников компьютерно-опосредованной коммуникации поддерживается за счет их контактного расположения в структуре совместно порождаемого диалогического единства.

Связность компонентов стимулирующего и реагирующего сообщений в контексте целостного фрагмента текста блога обеспечивается также модальными частицами, обнаруживаемыми непосредственно перед тем компонентом, который выражает следствие. Лингвистическая литература, выявляющая прагматическую специфику модальных частиц в русской диалогической речи, обширна. В частности, указывается, что в контексте диалогического взаимодействия эти частицы несут следующую функциональную нагрузку:

- 1) сигнализируют о прагматическом отношении говорящего субъекта к пропозиции выражаемого высказывания;
- 2) выступают средством связности данного высказывания с предшествующим высказыванием [Викторова, 2018; Ошанова, 2014; Савельева, 2018].

В корпусе собранного нами фактического материала модальные частицы не столько маркируют риторические причинно-следственные отношения, сколько выступают средством связности между двумя компонентами, которые располагаются контактно, но обнаруживаются в сообщениях блогера и респондента. Ср.:

(31) «— (X) ... Однако на посту руководителя Маттию ждет много интересного. Он — типичный представитель «молчаливых технарей» в эпоху главенства в «Формуле-1» людей, умеющих рассуждать и красиво высказываться на публике, вести переговоры и убеждать собеседников, партнеров и коллег.

— (Y) **Как раз** Маттия укрепит психологическое состояние Себастьяна Феттеля и окажет посильную помощь Шарлю Леклеру на новом месте» [Блог Версификаторные рассказы // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/floters/120749.html>].

Между компонентами (X) и (Y), формирующими стимулирующее и реактивное сообщения, устанавливаются риторические причинно-следственные отношения, которые не маркируются явными грамматическими средствами. Усилительная модальная частица *как раз*, открывающая суждение респондента, выступает средством связности между анализируемыми компонентами. В результате сообщения участников виртуальной беседы образуют целостное семантическое единство. При этом компонент (X) является причиной для следствия, манифестируемого компонентом (Y). Анализируемая частица также способствует согласованию модусных состояний участников виртуального общения. Позитивная оценка психологического портрета руководителя «Феррари», исходно выраженная блогером, усиливается в реактивном сообщении респондента: общие положительные характеристики профессиональной личности Маттия находят у респондента аналогичный эмоциональный отклик при отражении конкретных его действий, которые в будущем поднимут уровень выступлений на соревнованиях самой популярной гоночной команды в истории «Формулы-1».

Частица *как раз* интерпретируется нами как оператор модального плана пропозиции, трактуемой респондентом как следствие сообщения блогера. Сам блогер, иницируя общение, выражает личностное мнение относительно заинтересовавшего его участника. Респондент, реагируя на сообщение блогера (X), проецирует риторические причинно-следственные отношения между данным сообщением и своим диалогическим ходом. Другими словами, суждения блогера (X) рассматриваются респондентом как своеобразный прагматический

плацдарм для проецирования тех или иных риторических отношений, предопределяемых его текущими коммуникативными намерениями. Модальные частицы в этом случае выступают средством связывания компонентов стимулирующего и реагирующего сообщений в целостную асиндетическую конструкцию.

Вследствие их употребления респондент не только оформляет суждение (Y) как следствие личностного мнения блогера (X), но и выражает единодушие с этим мнением, поддерживает фатический контакт с блогером. Так, во фрагменте текста блога (31) модальная частица *как раз* усиливает субъективное прочтение содержания следствия (Y), ориентирует это содержание на восприятие блогером своего суждения именно как причины для последующего следствия, целостную интерпретацию стыкующихся сообщений как сопряжения причины и следствия. Выступая средством связности этих сообщений, модальная частица обеспечивает возможность респондента выразить следствие в едином эмоциональном ключе с причиной.

При активации асиндетической связи между стимулирующим и реагирующим сообщениями в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации не всегда можно однозначно определить основания связности без обращения к более широкому контексту общения и учета последовательности реализации диалогических ходов блогера и респондента, их контактного расположения в совместно порождаемом тексте. Другими словами, специфические риторические отношения между сообщениями коммуникантов проецируются и устанавливаются с опорой на взаимодействие их семантического содержания и контекстуальный параметр. Ср.:

(32) «— (X) ... По факту все чемпионаты при Брагине, кроме Баффало, сборная занимала примерно то место, которое и должна была — если пытаться расставлять команды по какому-то уровню потенциала в вакууме.

— (Y) Ни один из игроков молодежи про Брагина плохого слова не сказал. Он для них (по многим интервью) — как отец. То есть авторитет...» [Блог Hokejka // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>];

(33) «— (X) ... *Имя Давидса превратилось в бренд, он стал самым узнаваемым полузащитником из тех, кто играл ближе к своим воротам. Причем за всю историю про него узнали люди, вообще не смотревшие футбол.*

— (Y-1) *Футбол — уже не футбол, а коммерция.*

— (Y-2) *Тогда был футбол с примесью коммерции, а теперь коммерция с примесью футбола»* [Блог Сухой лист // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/kleshchonok/>].

В обоих текстовых фрагментах риторические причинно-следственные отношения между стимулирующими и реагирующими сообщениями (X) и (Y-1), (Y-2) реконструируются с принятием во внимание того ситуационного контекста, в котором разворачивается компьютерно-опосредованная коммуникация, общих энциклопедических знаний о мире современного спорта. Так, в (32) респондент трактует пропозицию о высоком уровне игры юношеской хоккейной команды на чемпионатах как причину своего позитивного суждения о профессионализме тренера этой команды. Иначе говоря, без профессионального руководства со стороны тренера команда не добилась бы достойных результатов на чемпионатах различного уровня. В (33) для оптимальной интерпретации риторических причинно-следственных отношений между сообщениями блогера и двух респондентов мы призваны учесть современные тенденции к коммерциализации в спортивной сфере, когда популярные футболисты становятся узнаваемыми медийными лицами.

В данном случае в основе риторических причинно-следственных отношений между сообщениями собеседников лежат не столько специфические знания о спортивных состязаниях, сколько культурные конвенции обретения популярности известных игроков. Респонденты, поочередно реализуя оценочные суждения (Y-1) и (Y-2), фактически задействуют сообщение блогера как жесткий аргумент в пользу своих личностных точек зрения. Вследствие того что известного игрока узнают люди, далекие от мира спорта, футбол превращается в коммерческое зрелище, в котором участвуют популярные медийные лица. На смысловом уровне суждений респонденты фокусируют внимание собеседников на том неоспоримом факте, что современный футбол — это

не столько сфера достижения высоких результатов, сколько массовое развлекательное мероприятие.

Проведенный нами анализ текстовых фрагментов (32) и (33) объективирует следующие проблемы:

— что в действительности следует считать риторическими причинно-следственными отношениями в компьютерно-опосредованной коммуникации?

— в каком случае компоненты сообщений блогера и респондента (или респондентов) формируют синтаксическую конструкцию с причинно-следственной семантикой?

— с учетом каких параметров исследователь (как и непосредственные участники коммуникации) трактует данную конструкцию как сопряжение причины и следствия?

Риторические отношения, исследуемые нами, проецируются именно на стыке стимулирующего и реагирующего сообщений и не маркируются специфическими грамматическими показателями. В подобном контексте в целях выявления перспективы разворачивания текста блога мы задействуем процедуру обоснования последующего диалогического хода, т. е. определяем прагматическую специфику интерпретации сообщения блогера, осуществляемого респондентом, для подтверждения аналитической (исследовательской) интерпретации.

2.3.2. Риторические причинно-следственные отношения, построенные по модели «посылка-причина с интенсифицированной позитивной оценкой + следствие-разъяснение / следствие-дублирование оценки»

Согласно нашим наблюдениям, вторые компоненты причинно-следственных асиндетических конструкций, формируемых на стыке инициального и реагирующего сообщений, предстают своего рода разъяснением или уточнением того семантического содержания, которое реализуется первым компонентом. Пропозиция первого компонента конструкций (причины), как правило, вводит общую информацию о том событии, факте или явлении, которое привлекло внимание бло-

гера. Пропозиция второго компонента (следствия) преимущественно детализует эту информацию, освещает некий частный случай. Ср., в частности, текстовый фрагмент (32): пропозиция причины выявляет общую картину результатов юношеской хоккейной команды, руководимой тренером Брагиным; пропозиция следствия уточняет эту информацию, дополняет ее одним из частных проявлений профессионализма тренера (а именно — указывает на его способность поддержать должный психологический климат в команде). Следствие-разъяснение, представляемое респондентом, основывается на причине-посылке, инициированной блогером. При этом стимулирующее сообщение инициатора виртуального общения реконструируется именно как причина-посылка исключительно с опорой на текущий контекст разворачивания текста блога.

Как показал анализ собранного нами фактического материала, следствие-разъяснение преимущественно реализуется респондентом, если в стимулирующей причине-посылке блогер выражает интенсифицированную субъективную оценку некоторого факта, события или явления. Подобная оценка часто:

- маркируется такими специфическими лексическими средствами, как *особенно, в действительности, очень, совершенно / абсолютно*, а также эмотивными наречиями, именами прилагательными (в том числе в сравнительной и превосходной степени) или глагольными словосочетаниями;
- усиливается или дублируется в следствии-разъяснении. Ср.:

(34) «— (X) ...*Лучшим* тренером для молодежи “армейцев” является именно Гончаренко. Во многом благодаря ему “армейский” клуб остается *самой стабильной* командой России.

— (Y-1) *Когда Гончаренко пришел на пост главного тренера ЦСКА, у него была возможность провести с командой все зимние сборы. Виктор Михайлович блестяще воспользовался этой возможностью и начал строить новую команду, а если точнее — новую систему игры, так как футболисты остались те же. Переход на схему с тремя центральными защитниками стал ключевым решением нового наставника, которое скрыло разительные недостатки возрастной команды и умело подчеркнуло ее достоинства.*

— (Y-2) *Нам, болельщикам, остается сказать только Большое Спасибо **лучшему** тренеру российского чемпионата.*

— (Y-3) *Это просто **счастье** наблюдать за таким ЦСКА.*

— (Y-4) *Гончаренко и в Европе не затерялся бы! Но нам он **нужнее!** Боже, как же **хорошо-то** на душе! И **отличный** тренер и **удачное** обновление команды!*

— (Y-5) *Уникальный случай, когда человек в каждом клубе умудрялся давать результат **выше ожидаемого**.*

— (Y-6) *Уже одно, что Гончаренко — топ, говорит тот факт, что, когда ушла половина команды, причем самых опытных игроков, он сумел с новобранцами так наладить игру, что сейчас мы **успешно** боремся за золотые медали.*

— (Y-7) *Сейчас сайты пестрят именами разных игроков ЦСКА в разделе “**лучшие**”.*

— (Y-8) *Гончаренко **выгодно** отличается от тренеров Спартак и Зенита!*

— (Y-9) *Красавчик Гончаренко! Вообще менеджмент ЦСКА пример многим!*

— (Y-10) *Определенно **лучший** тренер РПЛ!*

— (Y-11) *Виктор Михайлович — реально **лучший** тренер России»* [Блог Red-Blue Soul // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/redbluesoul/>].

Фрагмент (34) иллюстрирует интерактивное конструирование текста блога в терминах причины-посылки с интенсифицированным эмоционально-оценочным содержанием и следствия-разъяснения, дублирующего или усиливающего данное содержание. В стимулирующем сообщении (X) блогер выдвигает обобщающие суждения относительно высокого профессионального уровня В. М. Гончаренко, тренера футбольного клуба «ЦСКА». В процессе инициации данных суждений адресант манифестирует интенсифицированную оценку, которая находит выражение, в частности, в именах прилагательных, употребляемых в превосходной степени (*лучший, самый стабильный*).

Субъективное оценочное мнение блогера вызвало девятнадцать откликов респондентов, одиннадцать из которых рассматривают исходное сообщение в качестве причины-посылки для конструирования

ния следствия. Пять респондентов, реализующих диалогические ходы (Y-1), (Y-4), (Y-6), (Y-7), (Y-8), проецируют следствие-разъяснение, которое уточняет, детализует ту информацию, которая представлена блогером. При этом реагирующие собеседники поддерживают позитивную оценку, исходно выраженную блогером. Уточнение содержания пропозиции-причины (X) в компоненте-следствии (Y-1), которое непосредственно следует после интенсифицированного выражения субъективной оценки, мы рассматриваем как своеобразный стимул для последующего разворачивания текста блога в аналогичном эмоциональном ключе. Данное уточнение программирует локальную тему для последующих разъяснений-следствий, которые активируются в диалогических ходах (Y-4), (Y-6), (Y-7), (Y-8), потенциально предопределяет тождественный тематический характер сообщений других респондентов.

Можно говорить о том, что респонденты уточняют не только информативное содержание стимулирующих суждений инициатора общения, но и субъективную составляющую этих суждений: другими словами, риторические причинно-следственные отношения конструируются на следующих двух содержательных уровнях стыкующихся сообщений блогера и респондентов:

- 1) диктум: (X) *Гончаренко как тренер команды «ЦСКА» проявляет профессионализм:*
 - (Y-1) *разработал новую систему игры;*
 - (Y-4) *ввел в команду новых игроков;*
 - (Y-6) *подтянул новых игроков до должного уровня;*
 - (Y-7) *обеспечил популярность игроков команды;*
 - (Y-8) *создал условия для высокого рейтинга команды, которая фактически обогнала «Спартак» и «Зенит».*
- 2) модус: (X) *Гончаренко — лучший тренер самого стабильного российского футбольного клуба:*
 - (Y-1) *блестяще провел зимние сборы, скрыл разительные недостатки возрастной команды, умело подчеркнул достоинства команды;*
 - (Y-4) *заслужил хорошее отношение болельщиков клуба;*
 - (Y-6) *обеспечил несомненный успех команды в борьбе за золотые медали;*

(Y-7) *создал условия для того, чтобы игроки команды оценивались как «лучшие» в электронных СМИ;*

(Y-8) *проявляет более профессиональную компетенцию в руководстве клубом, чем тренеры «Спартак» и «Зенит».*

Стимулирующее сообщение блогера (X) предстает самодостаточной информативной структурой, однако респонденты считают целесообразным осуществить размыкание данной самодостаточности, детализовать представленную информацию новыми фактами, преследуя определенные прагматические цели. Моделируя разъяснения-следствия (Y-1), (Y-4), (Y-6), (Y-7), (Y-8), респонденты акцентируют внимание блогера на отдельных фрагментах обсуждаемой ситуации и в то же самое время манифестируют аналогичный эмоционально-психологический настрой, который сопутствует межличностному взаимодействию.

Вместе с тем как свидетельствуют реагирующие суждения (Y-2), (Y-3), (Y-5), (Y-9), (Y-10), (Y-11), отдельные респонденты трактуют суждения блогера как выражающее их личностное мнение, а поэтому не требующее дополнительного уточнения. В этом случае адресаты, оформляя следствие, реагируют именно на модусную составляющую исходного сообщения, разделяя точку зрения блогера и дублируя позитивную оценку этого сообщения. Данная точка зрения в свою очередь рассматривается респондентами в качестве причины, предполагающей последующее выражение не менее эмоционального следствия. Иными словами, риторические причинно-следственные отношения конструируются исключительно на одном содержательном (модусном) уровне сопряженных сообщений блогера и респондентов:

Модус: (X) *Гончаренко — лучший тренер самого стабильного российского футбольного клуба:*

(Y-2) *лучший тренер российского чемпионата, которому благодарны болельщики;*

(Y-3) *вызывает особую симпатию у болельщиков команды;*

(Y-5) *достигает результатов, которые выше ожидаемых;*

(Y-9) *является достойным примером для тренеров других футбольных клубов;*

(Y-10) *лучший тренер лиги;*

(Y-11) *лучший тренер.*

Прагматическая специфика конструирования риторических причинно-следственных отношений в подобном контексте компьютерно-опосредованного общения связывается с установлением модусного тождества между компонентами сопряжения причины и следствий. В ходе разворачивания текста блога участники общения демонстрируют сходные оценки профессионального портрета известного тренера. При этом выявляется преимущественная эмпатия в аксиологических позициях блогера и респондентов. В ходе формирования риторических причинно-следственных отношений начинает доминировать модусное содержание, диктальная составляющая отходит на второй план общения.

Асиндетическая связность, маркирующая риторические причинно-следственные отношения в свою очередь функционирует как прагматический показатель того, что сцепляемые сообщения блогера и респондентов соотносятся с одной и той же личностью, профессиональные достоинства которой обсуждаются в виртуальной беседе. Причинно-следственные отношения определяют своеобразный ритм компьютерно-опосредованной коммуникации, программируют позитивное впечатление о явной профессиональной компетентности тренера футбольного клуба «ЦСКА». Личностные и профессиональные характеристики известного тренера, актуализируемые в ходе конструирования сопряжения причины и следствий, репрезентируются в контексте виртуального взаимодействия собеседников в форме оценочных точек зрения.

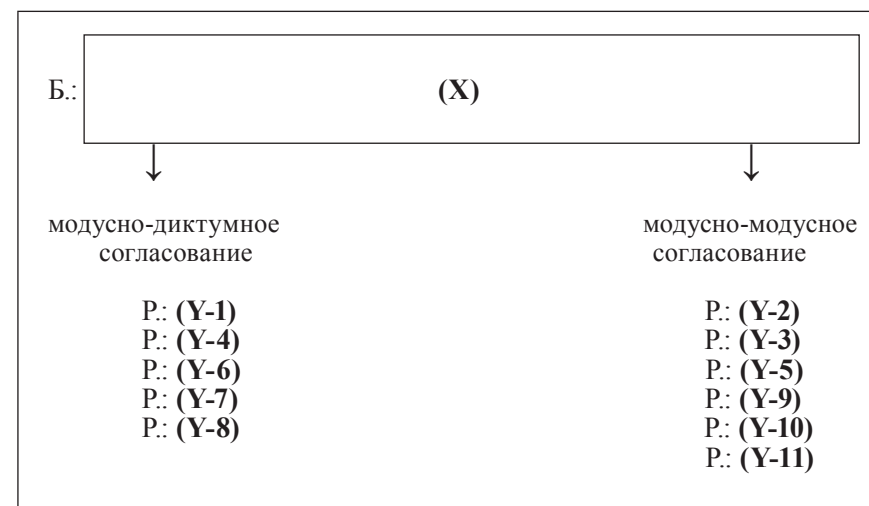
Модель реализации риторических причинно-следственных отношений на примере фрагмента текста блога (34) представляется нами в схематическом виде (Схема 19).

Между диалогическими ходами блогера (X) и респондентов (Y-1)—(Y-11) формируются риторические причинно-следственные отношения. В частности, в примере (34) интенсивность позитивных оценок данных характеристик поддерживается на всем протяжении анализируемого фрагмента текста блога, что неявно подтверждает конструктивную значимость оценочных суждений в коммуникативной деятельности участников компьютерно-опосредованного общения. Блогер скрыто побуждает респондентов стать сторонником профессиональной активности известного тренера как представителя сферы спортивных состязаний. Иными словами, риторические причинно-следственные

отношения в контексте разворачивания компьютерно-опосредованной коммуникации оказываются действенным прагматическим механизмом порождения косвенных смыслов, которые закладываются в сознание респондентов и сторонних читателей, воспринимающих текст блога.

Схема 19

Модель «посылка-причина с интенсифицированной позитивной оценкой + следствие-разъяснение / следствие-дублирование оценки»

Примечание. Собеседник, участник компьютерно-опосредованной коммуникации: Б — блогер; Р — респондент. Система диалогических ходов, которые осуществляются субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации: Стимулирующее сообщение: (X) — суждения блогера. Реагирующие сообщения: (Y-1) — суждения первого респондента; (Y-2) — суждения второго респондента; (Y-3) — суждения третьего респондента; (Y-4) — суждения четвертого респондента; (Y-5) — суждения пятого респондента; (Y-6) — суждения шестого респондента; (Y-7) — суждения седьмого респондента; (Y-8) — суждения восьмого респондента; (Y-9) — суждения девятого респондента; (Y-10) — суждения десятого респондента; (Y-11) — суждения одиннадцатого респондента. Между диалогическими ходами блогера (X) и респондентов (Y-1)—(Y-11) формируются риторические причинно-следственные отношения

В контексте текстового фрагмента (34) риторические причинно-следственные отношения проецируют такие аспекты косвенно выражаемого смыслового содержания, как:

- 1) стимулирование потенциальных респондентов к обратной связи с авторами оценочных суждений;
- 2) фокусирование внимания потенциальных респондентов и сторонних читателей на профессиональных достижениях известного тренера с целью выражения положительной оценки этих достижений;
- 3) презентация профессионального превосходства футбольной команды «ЦСКА», которой руководит известный тренер, над другими спортивными клубами.

Выводы по второй главе

1. В контексте компьютерно-опосредованного взаимодействия собеседников контраст трактуется нами как такая позиция комментирующего читателя, преимущественно предполагающая разрешение в текущем ходе взаимодействия, т. е. последовательно отражается в блоках совместно порождаемого текста, который в свою очередь предстает основой для последующего коммуникативного действия, такого как объяснение уместности моделирования риторических отношений контраста.

2. В условиях виртуальной коммуникации совместное комбинирование контрастирующих между собой текстовых сегментов оформляется как пропозиции, которые противопоставляются друг другу, отрицание модусной информации, исходно обнародованной блогером. В сфере отрицания оказывается не столько диктумная составляющая стимулирующего сообщения блогера, сколько модус этого сообщения. Риторические отношения контраста способствуют выявлению специфики формирования эмоционального опыта читателя в обсуждаемом положении дел, характерные для него приемы мышления, с опорой на которые осуществляется познание окружающей действительности.

3. Как показало наше исследование, модель риторических отношений контраста в совместно порождаемом тексте блога включает в себя следующие сегменты:

- 1) утверждение о некоторой жизненной ситуации в стимулирующем сообщении блогера;
- 2) контрастирующее реагирующее высказывание читателя, вводимое противительным союзом *но*, или не маркируемое, контекстуально обусловленное;
- 3) обоснование уместности контраста в текущей ситуации общения или указание причин того, почему положение дел, сложившееся в жизни блогера, оказалось возможным;
- 4) указание на способы выхода из той проблемной ситуации, с которой столкнулся блогер.

Второй сегмент рассматриваемых нами риторических отношений сосредоточивает внимание блогера на том факте, что его жизненная позиция предстает несовместимой с точкой зрения читателя, а сложившаяся в жизни блогера ситуацию следует решать противоположными способами. Указание на способ разрешения ситуации (третий сегмент) образует основу обоснования контрастной позиции читателя, в рамках которой в свою очередь объективируется еще один контраст: между сложившейся в жизни блогера критической ситуацией и необходимым положением дел.

Риторические отношения контраста интерпретируются нами как прагматический механизм, с опорой на который читатели осуществляют управление процессами разворачивания виртуального взаимодействия с блогером. Базовой прагматической функцией данных отношений предстает установление и поддержание фатического контакта с собеседником с опорой на актуализацию модусного компонента общения.

4. Прагматические особенности воссоздания уступительных риторических отношений в основной и вариативных моделях предопределяются связностью стимулирующего и реагирующего сообщений, между которыми устанавливается композиционно-семантическое противопоставление. Явления противопоставлений на уровне композиционно-семантической организации эфемерного рассогласования диалогических действий блогера и респондента проливают свет на то, что, обсуждая ситуацию из мира спорта, собеседники намеренно конструируют несоответствия между пропозициями своих сообщений,

противопоставление семантического содержания стимулирующего и реактивного диалогических ходов. В контексте подобных противопоставлений соблюдаются конвенции сотрудничества коммуникантов, достигается единодушие в процессе выражения личностных позиций, которое в свою очередь оказывается действенным регулятором разворачивания и связности текста блога.

5. Преобразования основной модели риторической уступки, ее вариативный потенциал в контексте компьютерно-опосредованного общения наделяют респондента возможностью выразить (частичное) согласие с позицией блогера и одновременно озвучить свою контрастную точку зрения. При этом контрастное мнение фактически оформляется как риторическая уступка в пользу стимулирующего сообщения блогера, а поэтому виртуальная коммуникация не влечет за собой конфликтные следствия. В основе функционирования вариативных моделей уступительных риторических отношений заложена идея о действенности двух контрастных мнений, выражаемых относительно одних и тех же положений дел и субъектах, их предопределяющих. Контраст моделируется респондентом между диалогическими шагами (X) и (X'), при этом шаг (X') имплицитно в своей семантике шаг (Y).

6. Контрастные, уступительные и причинно-следственные высказывания фиксируют национально-культурные стереотипы, которые в свою очередь предопределяют материальную и идеальную сферу степени уместности оценочной деятельности адресата. Реализуя подобные речевые действия, собеседники принимают во внимание не только общекультурные сценарии аксиологической деятельности, но и ее релевантные стереотипы, которые задаются языковой системой. Риторические отношения между стимулирующим и реагирующим сообщениями в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации порождают личностную проекцию контрастных, уступительных и причинно-следственных сценариев и стереотипов в языковом сознании собеседников, облегчают процессы декодирования информативного и эмоционального содержания совместно порождаемого текста и его неявных импликаций.

Глава 3

ДИСКУРСИВНЫЕ ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ / НЕСОГЛАСИЯ

3.1. Проблема соотношения понятий «дискурс собеседников — контекст — условия успешности при реализации блоггового текста»

3.1.1. Параметры разграничения семантики и прагматики

В середине двадцатого столетия в рамках аналитической философии языка намечаются две противоположные тенденции — логическое исследование формальных языков и прагматическое исследование естественного языка, трактуемого как система определенных правил и конвенций (более подробно см. [Григоренко, 2016; Золкин, 2013; Сагитова, 2018]).

В рамках языковой системы устойчивые совокупности знаков формируют связные предложения, которые способны реализовывать многомерное семантическое содержание, определяемое как составными элементами, так и их целостными структурами. Семантика элементарных знаков предстает следствием их конвенциональной соотносительности с объектами реальной действительности; семантика предложений формируется с учетом значений составных элементов, способа связности между этими элементами, уравнивается с условиями истинности. Например, сочетание субъекта с предикатом ассоциируется с семантическим правилом определения условия истинности совокупного предложения на основе тех значений, которые реализуются субъектом и предикатом.

В этой связи утверждается, что референтная соотносительность языковых знаков с объектами окружающего мира, соответствие этой соотносительности истинному положению дел не могут быть приписаны лингвистическим выражениям в отрыве от их реального употребления в том или ином контексте [Милосердова, 2017: 198; Новоженова, 2014: 7; Хутиз, Духовная, 2018: 391]. Слова и модели предложений, взятые сами по себе, не определяются в терминах истинности / ложности. Референтные связи между словами и объектами окружающего мира возникают исключительно в процессе реального функционирования языка. Лингвистическая прагматика фокусируется прежде всего на феномене речи как дискурсивной деятельности говорящего субъекта. Исходя из этих исследовательских позиций, можно выявить

специфику языковых явлений, языка как инструмента, используемого в речи.

Семантика (формальное изучение значений и смыслов, условий истинности в контексте использования лингвистических выражений) и прагматика (анализ языка в процессе его реального функционирования) в настоящий момент трактуются как лингвистические дисциплины, проливающие свет на различные аспекты языковых явлений [Вострикова, 2011: 100—102; Дымарский, 2015: 119—120; Костюшкина, Кузьмина, 2018: 362].

Семантика манифестирует собой знания идеального говорящего субъекта о значении предложения при отсутствии информации о контекстуальном употреблении этого предложения. Прагматические феномены отражают знания говорящего субъекта о контексте употребления высказывания, интерпретации высказывания со стороны адресата.

Проблема системного разграничения семантики и прагматики все еще является предметом исследования в современных теориях языка, в том числе и в русистике.

Семантика прослеживает устойчивые взаимосвязи между системой языковых знаков и объективным миром, который репрезентируется этой системой. Прагматика исследует язык в контексте употребления. Фундаментальные основания, лежащие в основе дифференциации рассматриваемых нами отраслей лингвистического знания, могут быть представлены в виде Схемы 20. Эта схема наглядно свидетельствует о том, что прагматика имеет непосредственное отношение к тому содержанию, которое имплицитно высказываемым субъектом в иницируемых им высказываниях; семантика сосредоточивается на буквальном (первичном) содержании высказываний.

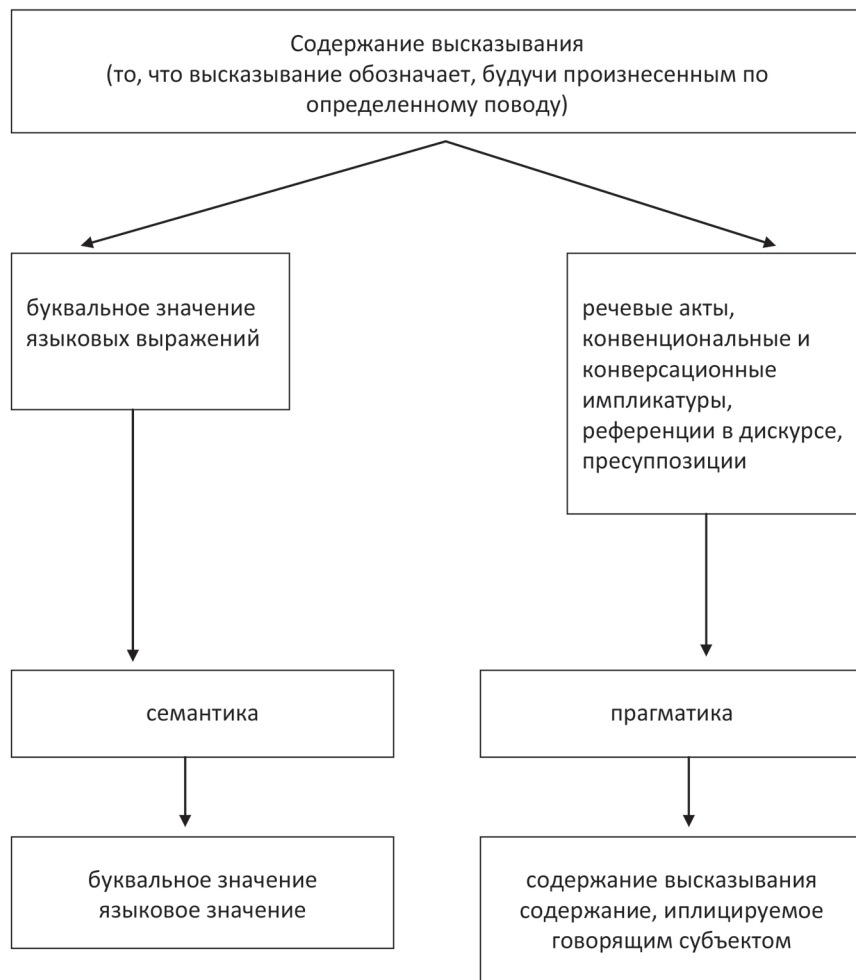
Семантика анализирует значения слов, в том числе в составе предложения вне контекста его употребления. В сферу внимания прагматики попадает содержание высказывания в конкретном контексте.

Именно несостоятельность семантики эксплицировать социолингвистические и нелингвистические компоненты коммуникации обуславливает действенность прагматики, которая граничит с социолингвистической, лингвокультурологической и семантической проблематикой, интерпретируя дискурс в действии, в том виде, как он программируется социумом в целом и отдельными его представителями, участвующи-

ми в общении. Когда это действие детерминируется социумом, оно приобретает социолингвистическую направленность, при его детерминации намерениями говорящего субъекта оно оказывается в сфере изучения прагматики.

Схема 20

Основания разграничения семантики и прагматики

Как отдельные лингвистические дисциплины семантика и прагматика дифференцируются с опорой на контекстуальный фактор [Галич, 2015; Ковальчук, 2018; Милославский, 2018; Милославский, 2019]. Семантика изучает конвенциональные значения, выражаемые языковыми единицами вне контекста их употребления, как содержательная характеристика единиц конкретного языка в отрыве от коммуникативной ситуации и участников этой ситуации (статический аспект). Прагматика исследует тот вклад, который вносит контекст в процессы преобразования семантического содержания языковых единиц в разнообразных речевых ситуациях (динамический аспект). Это содержание определяется в прагматических исследованиях с учетом исходных намерений говорящего субъекта.

Прагматика рассматривает те исходные цели, в соответствии с которыми инициируются высказывания, ситуации, проистекающие в объективной действительности, в которых предложения эффективно используются в качестве высказываний. Прагматика определяется как фокусирование исследовательского внимания на системных взаимоотношениях между языковыми структурами и экстралингвистическим контекстом их функционирования, информации, кодируемой в высказываниях с опорой на контекстуальный фактор [Иванова, Чанышева, 2014; Кудряшов, Бессонова, 2014; Редкозубова, Кудряшов, 2014]. А поэтому предметом ее изучения предстают неявные смыслы, коммуницируемые говорящим субъектом и интерпретируемые адресатом, соответствия между предложением и высказыванием, стыковка между значением предложения и намерениями адресанта.

В отдельно взятом лингвокультурном сообществе обнаруживаются специфические коммуникативные модели, иерархии коммуникативных ценностей и стилей общения. В межличностном взаимодействии собеседников потенциально возникает недопонимание, поскольку семантическое содержание высказываний в той или иной степени выражается косвенным (имплицитным) способом. Исследователи говорят о социопрагматическом уровне межличностного взаимодействия, который формируется за счет таких факторов, как социальный статус и пол участника общения, степень дружеских отношений между собеседниками и т. д. [Ковалев, 2012; Полякова, 2012; Хотинец, Сунцева, 2009]. В связи с этим в рамках прагматических исследований ре-

шается стилистическая, социолингвистическая и лингвокультурная проблематика.

Вступая в общение, представители лингвокультурного сообщества проявляют прагматическую компетенцию, которая — наряду с организационной компетенцией — является составным компонентом коммуникативной компетентностной модели [Киселева, 2008; Киселева, 2016]. Организационная компетенция отражает способность говорящего субъекта эффективно употреблять грамматические конструкции и формировать тексты, осуществлять контроль над формальной структурой языка.

Другими словами, данный тип компетенции дает возможность фиксировать способы организации предложений, высказываний и текстов в актах межличностной коммуникации. Прагматическая компетенция выявляет иллокутивный и социолингвистический компонент, базируется на знании конвенций контекстуальной реализации разнообразных функций языка. Этот тип компетенции предопределяется социолингвистическими основаниями, поскольку предполагает способность порождать дискурсивные произведения и реагировать на сообщения собеседника в соответствии с темой общения, спецификой коммуникативного события, эмоционально-волевым состоянием и статусом адресата. Релевантное употребление высказывания характеризуется уместностью его формы и содержания.

Предпринимая попытки дать определение прагматике, исследователи приходят к заключению, что данная теоретическая перспектива лингвистического анализа характеризуется разноплановой проблематикой, которая с трудом поддается обозрению в рамках единой дефиниции. Вместе с тем единодушно признается, что общим знаменателем всех возможных дефиниций предстает проблема контекстуального использования языковых единиц. В частности, в работах по русистике утверждается, что лингвистическая прагматика главным образом фокусируется на специфике коммуникативных действий говорящего субъекта, контекстуальных условиях их успешности в плане реализации перлокутивных эффектов оценочного высказывания [Абакумова, 2012; Лабзина, 2012; Шаймиева, 2012]. Одновременно подчеркивается, что прагматическая перспектива исследования предполагает приме-

нение общих когнитивных, социальных и культурологических измерений функционирования языковых феноменов, реализующихся в дискурсивном поведении говорящего и слушающего субъектов. Вследствие этого семантическое содержание высказывания трактуется не как статический результат, а как динамический продукт, совместно порождаемый собеседниками в контексте дискурсивной деятельности.

Признавая первостепенную важность контекста в межличностном взаимодействии, исследователи-русисты, работающие в сфере прагматики, одновременно задействуют самые разнообразные подходы к анализу языковых явлений, которые не всегда образуют единую лингвистическую парадигму. Рассматривая проблему прагматических оснований анализа компьютерно-опосредованной коммуникации, в рамках нашего научного исследования мы трактуем прагматику в качестве унифицированной исследовательской перспективы, концентрирующейся на той конструктивной роли, которую играет контекст в успешном / неуспешном общении блогера и респондентов. Исходной точкой исследования избирается тот факт, что направления интерпретации той информации, которая кодируется в процессе коммуникации, намеренно программируется говорящим субъектом.

Между тем, что адресант говорит и фактически намеревается сообщить, обнаруживается информационный разрыв. Семантический зазор между действительно сообщаемым и неявно выражаемым составляет суть последующей интерпретации, осуществляемой адресатом. Коммуникативный процесс неизбежно предполагает кодирование косвенной информации в языковые выражения (их буквальное значение исследуется семантикой) с опорой на контекстуальный фактор, который является одним из доминирующих предметов исследования в лингвистической прагматике. Семантическое содержание предложения многомерно выражает актуальную пропозицию лишь в том случае, если это содержание обогащается, уточняется или расширяется неявными смыслами. Однако не все исследователи последовательно разграничивают процессы кодирования и имплицирования семантического содержания, последовательно дифференцируют те лингвистические дисциплины, в основе которых лежит прагматическая составляющая.

В частности, в парадигме дискурсивного анализа выделяются следующие подразделы:

- текстуальный анализ (идентификация структурных закономерностей в тексте);
- разговорный анализ (изучение механизмов межличностного взаимодействия);
- прагматика (интерпретация намерений говорящего субъекта);
- интеракционная социолингвистика (описание социокультурных значений и смыслов, активируемых в ходе межличностного взаимодействия);
- критический дискурс-анализ (систематизация представлений о языковых структурах и их семантическом содержании в терминах идеологического компонента и межличностного противостояния) (более подробно см. [Бурсевич, 2018; Пташкин, 2016; Улановский, 2016]).

Мы в свою очередь полагаем, что дискурсивный анализ представит одной из сфер лингвистической прагматики, которая — на уровне терминологического употребления — является базовым обозначением всех вышеуказанных дисциплин. Текстуальный анализ можно рассматривать вне прагматической сферы, если он не учитывает контекстуальный фактор (в этом случае он оказывается подразделом лингвистической семантики). Все остальные дисциплины мы определяем как отрасли лингвистической прагматики, поскольку все они фокусируются на многоаспектном анализе конструктивной роли контекста в актах коммуникации, его общей текстовой предопределенности в восприятии отдельного высказывания, широком социальном и интерактивном содержании (социально предопределенной семантике, совместно порождаемой участниками коммуникации).

3.1.2. Блог и устная коммуникация: точки соприкосновения и дифференциальные признаки

В ходе анализа специфических характеристик блогерской коммуникации в лингвопрагматическом ключе исследователь сталкивается с двумя потенциально противоречащими друг другу суждениями.

С одной стороны, виртуальная сфера сети Интернет обладает теми же особенностями, что и устное диалогическое общение, поскольку стимулирующие и реагирующие реплики порождаются и интерпретируются с опорой на контекстуальный фактор, воспроизведение и детализацию социально значимых и лингвокультурных значений и смыслов. Применение прагматической теории при изучении этой сферы отличается системным и последовательным характером. С другой стороны, виртуальная среда общения формируется на основе предварительно отфильтрованных сигналов, отличается ограниченными источниками контекстуализации инициируемых сообщений (в частности отсутствием невербального компонента коммуникации, физического сопresутствия собеседников и т. д.).

В то же самое время блогерское общение «расшатывает» традиционные жанровые конфигурации, специфическим образом восполняет те ограничения, которые не свойственны коммуникации в реальном физическом окружении. Интернет обеспечивает инновационные способы участия в коммуникативном акте, совместного конструирования семантического содержания целостного текста, которые не соответствуют традиционным понятиям о межличностном взаимодействии (более подробно см. [Адясова, Ворошилова, Провкова, 2018; Орежев, 2017; Танимов, 2012]).

Подводя прагматическую основу под изучение блогерского общения, исследователь призван выявить иные закономерности. Нормы и конвенции, характерные для прототипического взаимодействия (говорящий субъект намеревается сообщить адресату некоторую пропозициональную информацию с опорой на кодирование актуального содержания), в блогерской коммуникации заметно видоизменяются и трансформируются. Общение, осуществляемое в виртуальном окружении, влечет за собой радикальную реинтерпретацию традиционных коммуникативных моделей и схем [Yus, 2015]. Подобный пересмотр устоявшихся теоретических воззрений проливает свет на специфический характер межличностного взаимодействия, осуществляемого в сети Интернет, динамический характер виртуальных образов респондентов и их собеседников, предполагающие гибридные формы представления субъектов взаимодействия, опосредованно реализующих дискурсивные стимулы и реакции. Вступая в блогерское общение, со-

беседники совместно производят инновационные типы текста, нацеленные на аудиовизуальные эффекты, актуализацию предварительно обнародованной информации посредством гибкой системы отсылок, мультимодальных интерфейсов.

Характеристики разнообразных интерфейсов компьютерно-опосредованного общения (электронная почта, сайты социальных сетей, блоги и т. д.) предопределяют количественные и качественные параметры той контекстуальной информации, к которой собеседники имеют прямой доступ, задают направления интерпретации этой информации. Виртуальная среда межличностного общения формируется в специфическом контексте. Применение базовых положений лингвистической прагматики в ходе многоаспектного исследования данной среды обуславливает две теоретические проблемы.

1. Отсутствие разнообразия контекстуальных средств, характерных для спонтанного («лицом к лицу») диалога, в рамках виртуального взаимодействия вызывает необходимость затрачивать дополнительные когнитивные усилия как у инициатора общения (вследствие потребности придать сообщению такой характер, которым оно отличается в устном общении), так и у респондентов (опосредованная реализация реакции потенциально может вызывать ее недопонимание со стороны иных участников взаимодействия). В отличие от компьютерно-опосредованного общения собеседники спонтанного устного взаимодействия — вследствие соприсутствия в коммуникативной ситуации — осознают взаимную вовлеченность в решение актуальных проблем.

При виртуальном взаимодействии чувства соприсутствия и взаимной вовлеченности ослабляются, объем доступной контекстуальной информации заметно сокращается, что обуславливается особенностями канала передачи стимулирующих и реактивных сообщений. Кроме того, собеседники не делают попыток обеспечить друг друга релевантной контекстуальной информацией, поскольку преимущественно стремятся сохранить анонимность дискурсивного волеизъявления, сделать минимальный акцент на социальных аспектах взаимодействия. Деперсонализированный образ, конструируемый говорящим субъектом, ослабляет действенность социальных норм общения, и — наряду с размытостью контекстуального фактора — принуждает собеседника к домысливанию, созданию иллюзорных представлений о партнере

по взаимодействию [Голубев, 2014; Дмитриев, Богатов, 2016; Петрова, 2017]. Как следствие этого между собеседниками часто возникают отношения дискурсивного противостояния, а застенчивые респонденты выражают свои суждения прямолинейным способом, не боясь физического присутствия инициатора общения и других адресатов.

2. В настоящее время в блогговой коммуникации намечается сдвиг от диалогического взаимодействия, в котором внимание собеседников преимущественно фокусируется на обмене сообщениями с актуальным информационным содержанием, к интерактивной ситуации исключительного поддержания фатического контакта между участниками общения. Другими словами, информативная насыщенность сообщений отступает на задний план общения, которое вследствие этого сосредоточивается прежде всего на непрерывном обмене субъективными мнениями и эмоциями. А поэтому прагматический анализ данного типа коммуникации направлен не столько на процессы кодирования и интерпретации семантического содержания сообщений, сколько на фатическую направленность общения, исследование конструктивной важности эмоционально-волевых состояний собеседников в целостном разворачивании виртуального текстового произведения.

В современных когнитивно-прагматических теориях утверждается, что в зоне текущего внимания оказываются лишь те стимулы, которые вызывают у участников взаимодействия особый (потенциальный) интерес; иные стимулы как несущественные, не отвечающие актуальным потребностям собеседников пренебрегаются ими, не учитываются в дальнейшем разворачивании диалога [Сидоров, 2013: 77—79]. Срабатывают так называемые «когнитивный и коммуникативный принципы релевантности». В каждом акте общения активируются пресуппозиции, являющиеся максимально уместными для поддержания внимания собеседников к взаимодействию друг с другом. Подобная установка в общении в свою очередь предопределяет стратегии собеседников, которые нацеливаются на контекстуальную реализацию смыслового содержания, программирующего конкретную интерпретацию сообщений.

Исследователи отмечают, что в компьютерно-опосредованной коммуникации адресант и его респонденты также обращают особое внимание на потенциально релевантные стимулы (сообщения в социальных

сетях и мессенджерах) [Баркович, 2017; Елькин, 2016; Кириллов, 2017]. Однако сообщаемое информативное содержание само по себе оказывается релевантным для последующей интерпретации адресатом. В связи с этим релевантность прослеживается не столько в объективности информации, сообщаемой респондентам, сколько в тех прагматических эффектах, которые данная информация оказывает на собеседников. В основе интерактивного обмена стимулирующими и реактивными сообщениями в контексте блоговой коммуникации лежит не информативное содержание высказываний собеседников, а само целостное общение, производящее эмоциональные эффекты, компенсирующие фактическое отсутствие объективной информации.

Для собеседников приоритетное значение приобретает не подтверждение объективных фактов, имевших место в недавнем прошлом, а личностное отношение к этим фактам. Если анализировать интерактивный обмен сообщениями в сети Интернет с точки зрения объективного (беспристрастного) освещения текущей событийности в окружающем мире, то семантическое содержание, активируемое собеседниками, не является релевантным. Однако релевантность этих сообщений обеспечивается контекстом общения, присутствием единомышленников, заинтересованных в подобной перспективе развития межличностного взаимодействия.

Каждый из собеседников проявляет особую заинтересованность в том, что он оказывается субъектом взаимодействия, представителем конкретной группы пользователей сети Интернет, разделяющей общие потребности в эмоциональной манифестации своего «Я» при обсуждении занимательной проблематики. Сопровождая свои личностные сообщения фотографиями, видео- и аудиоматериалами, субъект общения реализует потребность быть отмеченным бесчисленным количеством респондентов, получить коллективную признательность. Лингвистическая прагматика, в сфере внимания которой оказывается компьютерно-опосредованная коммуникация, исследует те непропозициональные эффекты, которые ненамеренно отражают эмоционально-волевое состояние субъекта сообщения. Они оказывают влияние на интерпретации сообщения со стороны иных участников взаимодействия. Успех этого взаимодействия во многом предопределяется способностью говорящего субъекта уникально представить свое субъективное «Я».

3.1.3. Аспекты прагматического анализа блоговой коммуникации

3.1.3.1. Особая роль контекстуального фактора

Блогровая коммуникация обеспечивается слиянием двух различных сфер — виртуальной реальности и человеческой деятельности. Принимая во внимание стык подобных сфер, предлагается термин «информационная автострада», под которым понимается совокупность передовых технологий, облегчающих опосредованное общение между собеседниками без учета географических и политических границ [Горошко, 2007: 340]. При этом информация «вкладывается» в упаковку и отсылается по определенному каналу. Личностные мотивы, лежащие в основе инициации сообщений, играют конструктивную роль в выборе соответствующего канала передачи информации и ее последующей интерпретации. Получатель декодирует сообщение и потенциально устанавливает обратную связь с адресантом. Сообщения инициируются и интерпретируются в рамках конкретных дискурсивных сообществ, представители которых осуществляют контроль над социально-техническим форматом межличностного взаимодействия собеседников.

Выявляется целый ряд факторов, которые ограничивают коммуникацию, осуществляемую в виртуальной сфере межличностного взаимодействия, оказывают существенное влияние на позитивные / негативные результаты и следствия этого взаимодействия, предопределяя не только характер интерпретации реализуемых сообщений, но и само желание собеседников устанавливать и поддерживать фатический контакт друг с другом. Те или иные ограничения последовательно проявляются во всех типах коммуникации, а поэтому являются одним из актуальных предметов прагматического исследования функционирования языка. В контексте блогowego общения с опорой на изучение данных факторов выявляется успешность / бесперспективность актов коммуникации.

Ограничения, налагаемые на блогговую коммуникацию, ее прагматические эффекты, репрезентированные на Схеме 9, испытывают как инициатор общения, так и его респонденты, которые потенциально могут не осознавать этих факторов, но все же играть конструктивную

роль в обеспечении эффективности разворачиваемого межличностного взаимодействия. Однако все указанные выше переменные величины, проявляющие особую чувствительность к анализируемым нами факторам, выявляют свою прагматическую значимость, поскольку определяют успешность / бесперспективность межличностного взаимодействия собеседников, степень целостности текста, совместно порождаемого ими.

Схема 21

Ограничения, налагаемые контекстуальным фактором на блогеровое общение, прагматические эффекты, фиксируемые в данном типе общения, в системном виде представляются на Схеме 21. Классификация

указанных ограничений и эффектов осуществляется с учетом таких двух параметров, как:

- 1) использование оптимального интерфейса при реализации сообщения (линия коммуникации «участник виртуального общения — компьютерная система»):
 - визуальные характеристики сайта в целом и текстового сегмента, принадлежащего конкретному собеседнику;
 - внешний дизайн сайта, обеспечивающего межличностное взаимодействие между представителями отдельно взятой виртуальной группы по интересам;
 - система технических выборов, предлагаемая сайтом для взаимодействующих собеседников: доступность ссылок на сообщения других собеседников, комбинирование текста и наглядных символов (например «смайликов»), межстрочное пространство в рамках сообщения одного собеседника и между сообщениями разных собеседников;
- 2) характер обмена сообщениями между участниками общения (линия коммуникации «адресант — адресат»), которое ограничивается такими контекстуальными факторами, как:
 - степень общности предварительных (пресуппозиционных) знаний между субъектами, вступившими в виртуальное общение (чем больше общих знаний между собеседниками, тем прочнее солидарность в их взглядах на обсуждаемую проблематику, взаимное чувство сопричастности к нахождению оптимальных решений через коммуникативный процесс);
 - установление фатического контакта с собеседником, с которым уже имелся опыт общения, или новым, неизвестным до этого собеседником;
 - анонимность выражения суждений / эксплицитное указание социально-культурных характеристик своей личности;
 - перспектива развития взаимодействия через реализацию стимулирующих и реагирующих сообщений: случайная непринужденная беседа / разговор, посвященный определенной проблематике (собеседники реализуют различные дискурсивные стратегии в зависимости от перспективы развития взаимодействия);

- наличие у субъекта, вступившего в виртуальный диалог, специфических знаний относительно обсуждаемой проблематики, его знание компьютерного жаргона, посредством которого представители виртуальных сообществ устанавливают и поддерживают фатический контакт друг с другом;
- исходные основания вступления в виртуальное общение (потребности в непринужденном диалоге, не предполагающем освещение серьезной проблематики, обмене актуальной информации, получении более детализированной информации по определенной тематике, выражении эмоций влекут за собой несходные предварительные ожидания от предстоящего межличностного взаимодействия с другими собеседниками);
- психологические черты характера, свойственные субъекту, вступающему в виртуальный диалог, его коммуникативные способности четко обозначить свою точку зрения и прагматическая компетенция в оформлении суждений (тип личности собеседника, его способности и компетенции предопределяют качественные параметры и общий успех взаимодействия).

3.1.3.2. Личностный дискурс собеседников в аспекте порождения блоггового текста

Конструктивную роль в организации межличностного взаимодействия играет жанр общения, который определяется в том числе как контекстуальное функционирование языка в виде устойчивых и узнаваемых моделей [Кузнецова, 2012; Найман, 2017; Угро, 2018]. Избирая тот или иной жанр общения, собеседники реализуют в типовых ситуациях не столько свои личностные, субъективные мотивы для вступления в коммуникативный процесс, сколько социально предопределенные цели, актуальные для конкретного социокультурного сообщества. В ходе разворачивания межличностного взаимодействия жанр консолидируется с опорой на общие знания, прагматические компетенции и коммуникативный опыт, наработанные говорящим субъектом

в предшествующей дискурсивной практике [Трофимова, 2019].

При прагматическом анализе моделей и жанровой специфики блогговой коммуникации мы принимаем во внимание следующие теоретические положения:

1. По сравнению с устным спонтанным общением интерактивный обмен репликами в виртуальной сети Интернет отличается жанровым своеобразием. В лингвистических исследованиях, посвященных этой проблематике, в том числе выполненных в русле русистики, прослеживается эволюция виртуальных жанров в зависимости от того, в какой степени они соотносятся с жанрами устного спонтанного общения. Одни виртуальные жанры оказываются аналогичными тем, которые используются в устном диалоге. Другие жанры, напротив, рассматриваются как адаптированные из сферы устной коммуникации или уникальные для межличностного взаимодействия в виртуальной среде Интернет.

2. Прототипическая коммуникативная модель, константой которой является один говорящий субъект, осуществляющий речевое воздействие на одного адресата посредством одного дискурсивного произведения, предполагающего одну единственно возможную интерпретацию, видоизменяется в контексте блоггового общения.

Пересмотру подвергаются следующие категории традиционной модели межличностного взаимодействия.

Один адресант

В отдельных виртуальных жанрах общения данная категория не предполагает каких-либо изменений (ср. инициатор общения в блогговых текстах, социальных сетях). Вместе с тем в отдельных компьютерно-опосредованных жанрах намечается тенденция к формированию множественного адресанта, совокупности адресантов, совместно порождающих виртуальный текст (ср. виртуальный текст Википедии). При множественном адресанте отдельно взятый инициатор общения не всегда имеет возможность контролировать процесс разворачивания виртуального текста.

Отсутствие контекстуальных оснований для множественной интерпретации

Дискурсы, порождаемые собеседниками в виртуальной среде Интернет, как мы уже отметили выше, не предполагают линейной переработки, оказываются открытыми для множественной интерпретации с опорой на ссылки на другие сайты и сообщения, теги, мультимедийное содержание сайтов и т. д. Связность и целостность текстов, совместно порождаемых собеседниками, преимущественно достигается за счет гармоничной стыковки всех текстовых сегментов, дискурсивных (вербальных, аудиовизуальных, мультимодальных) характеристик отдельно взятых сообщений. В виртуальной среде Интернет — с опорой на механизмы автоматических ссылок — пользователи сталкиваются с бесконечным множеством предварительно инициированных сообщений, которые потенциально учитываются в ходе интерпретации отдельно взятого суждения.

Допустимость только одного дискурсивного произведения как средства воздействия на адресата

В контексте одной и той же виртуальной платформы допускается одновременная реализация разных типов коммуникативного взаимодействия собеседников. В частности, исследователи наглядно иллюстрируют тот факт, что в социальной сети «Facebook» участники общения пользуются возможностью в один и тот же момент помещать на своей странице новое текстовое сообщение, которое может сопровождаться видеоматериалами и фотографиями и в синхронном режиме реального времени обмениваться сообщениями с друзьями по переписке. В отличие от традиционного устного диалогического взаимодействия социальные медиа базируются преимущественно на мультимодальном конструировании актуального семантического содержания (т. е. в дискурсивной практике виртуального общения естественный язык предстает одним из многочисленных семиотических ресурсов). В совместно порождаемые тексты собеседники преимущественно кодируют мультимодальные комбинации семиотических средств, с опорой на которые адресаты извлекают семантическое содержание стимулирующих сообщений. Мультимодальность, в частности, рассматривается в качестве стабильной отличительной характеристики интернет-мем.

Направленность стимулирующего сообщения исключительно на одного адресата

Один адресат обнаруживается, как правило, в интерактивных обменах сообщениями на таких платформах, как мессенджеры, чаты. Вместе с тем в виртуальной среде Интернет прослеживается стабильная тенденция к одновременному общению с множественным адресатом. В контексте виртуального взаимодействия с множественным адресатом собеседники совместно задают направления интерпретации текущей событийности, принимают участие на различных стадиях коммуникативного процесса, детализуя отдельные сегменты обсуждаемого информативного содержания, усиливая выражение тех или иных эмоций как своеобразных реакций на это содержание.

На материале русского языка в рамках таких лингвопрагматических направлений, как конверсационный анализ, интеракциональная социолингвистика, лингвокультурология, исследуются проблемы структурной организации личностного дискурса собеседников в контексте блоговой коммуникации [Бородачев, Проскурина, 2007; Гришаева, 2019; Казнова, Овчинникова, 2014]. В фокусе внимания исследователей оказываются прежде всего социальные и культурологические коннотации, которые активируются в сообщениях инициатора общения и его респондентов.

В рамках конверсационного анализа в целостном виртуальном тексте, совместно порождаемом собеседниками, выделяются отдельные реплики (речевые шаги), способы связности между репликами говорящего субъекта и реагирующего собеседника. В частности, блогový текст воспроизводится как структурно-смысловая целостность речевых шагов инициатора общения и его респондентов. В этом тексте сообщение отдельно взятого собеседника воспринимается на фоне сообщений всех других собеседников. В результате текст блога формирует виртуальный полилог.

Интеракциональная социолингвистика и лингвокультурология объясняют, как участники общения сигнализируют друг другу и интерпретируют семантическое содержание сообщений, составляющих суть виртуального взаимодействия. В отличие от конверсационного анализа исследовательский фокус делается на то, как формируются значения и смыслы в ходе коммуникации, осуществляется интерпретация явно- и

неявно выраженной семантики. Проявляется особый интерес к тому, как социологическое и культурологическое знания, исходно имеющиеся у собеседников, определяют успешность межличностного взаимодействия, как и приоритетные намерения адресанта и адресатов, вступающих в общение и поддерживающих его с опорой на целый ряд коммуникативных стратегий и тактик.

Лингвистическая прагматика, исследующая проблемы блоггового общения, также предполагает анализ виртуально порождаемых сообщений, предназначенных для интерпретации потенциальными респондентами. Отдельные респонденты выявляют общий фонд знаний с инициатором общения относительно предшествующего хода взаимодействия, семантического содержания, обсуждаемого в нем.

В частности, выделяется категория постоянных респондентов [Минец, Горушкина, Елистратова, 2018: 89]. Эту категорию составляют адресанты, следящие за дискурсивной активностью конкретного блогера. Они интерпретируют новые стимулирующие сообщения с опорой на те импликации и пресуппозиции, которые оказываются доступными из предшествующих стимулирующих сообщений. Случайные респонденты, как правило, сталкиваются с информационными пробелами, поскольку блогеры, иницируя новые сообщения, кодируют не все семантическое содержание, обнаруженное на предшествующих стадиях общения. Та информация, которая была обнаружена блогером в его предыдущих сообщениях, воспринимается им как уже известная адресатам. Следовательно, исходя из прагматического ракурса исследования, мы выделяем следующие типы реагирующих сообщений респондентов:

- сообщения, в которых осуществляется линейная обработка текущих сегментов блоггового текста и оформляется реакция на информацию, содержащуюся в этих сегментах;
- сообщения, отражающие полную свободу респондентов в выборе сюжетной линии для текущего обсуждения с учетом той информации, которая была освещена на предшествующих этапах разворачивания данного блоггового текста как и в иных сообщениях блогера, посвященных обсуждению другой проблематики.

В ходе целостного разворачивания блоггового текста текущие сообщения собеседников воспринимаются новым респондентом в качестве исходного контекста для инициации своих реагирующих суждений.

Все эти теоретические идеи успешно исследуются на материале блогговой коммуникации. В частности, предлагается термин «фаза общения», который имеет непосредственное отношение к разграничению дискурсивных ролей участников виртуального взаимодействия, личностной субъективной реальности, находящей системное проявление в тех образах, которые приписываются отдельно взятым собеседникам. Конкретные акты межличностного взаимодействия участников компьютерно-опосредованного общения трактуются в качестве социальной и культурологической реальности, исследование которой дает возможность проследить соответствующие аспекты идентичности говорящего субъекта и его респондентов, действующих в специфических коммуникативных сценариях.

Концепции, разрабатываемые в русле лингвистической прагматики, активно задействуются в ходе исследований, которые осуществляются на материале блогговой коммуникации. Теории коммуникативных стратегий, действенности выводного знания для поддержания фатического контакта с собеседником, разрабатываемые для изучения устного спонтанного диалога, оказываются действенными и при анализе виртуальной среды Интернет. Однако применение этих теорий в данном случае влечет за собой уточнение, детализацию и пересмотр концепций и методологии исследования, тех результатов, которые были получены при изучении коммуникации в оффлайновом режиме.

3.2. Семантико-прагматическая специфика выражения согласия / несогласия с мнением блогера

3.2.1. Разграничение понятий «согласие / несогласие с мнением собеседника в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации»

В современной русистике формы и функциональная нагрузка реактивных реплик согласия / несогласия исследуются в рамках разнообразных теоретических концепций, как правило, предполагающих практический выход в сферу конверсационного анализа и прагматики (в частности, теории социального лица и статуса, речевых актов, веж-

ливого / невежливого взаимодействия собеседников в межличностном общении). В фокус внимания исследователей попадает контекстуальный фактор (в том числе в межкультурном измерении), институциональный стиль общения, массмедийный дискурс (неформальные интервью), политическая коммуникация (предвыборные дебаты) и т. д.

Утверждается, что подобные реплики предопределяются субъективностью восприятия исходного стимулирующего высказывания; реакции согласия преимущественно обладают эксплицитной и несложной формой выражения, в то время как реактивные несогласия часто сопровождаются сомнением, просьбой прояснить те или иные компоненты пропозиционального содержания стимулирующего сообщения. В различных типах межличностного взаимодействия собеседники предпринимают попытки минимизировать силу выражаемого несогласия с точкой зрения оппонента. В прагматической теории вежливости постулируется, что несогласие с мнением адресанта является непривилегированной реакцией на субъективную оценку, воплощаемую в реплике-стимуле, поскольку наносит потенциальный урон социальному лицу — автору этой оценки, его личностному или социальному достоинству. В отдельных случаях подвергается сомнению коммуникативная компетенция и/или профессиональная репутация адресанта [Газисов, 2009: 54—55; Голубь, 2018: 163; Леонтьев, 2016: 78].

Реакции-несогласия негативно воздействуют на позитивный образ адресата (т. е. речевые потребности, которые, по мнению автора стимулирующего высказывания, должны найти одобрение у участников виртуальной коммуникации), поскольку фокусируются на его некорректности, необоснованности или заблуждениях. Исследователи говорят о двух коммуникативных стратегиях, нацеленных на компенсацию урона позитивному образу адресата, осуществленного вследствие реализации реагирующих сообщений, содержащих несогласие:

- 1) поиск оснований для последующего выражения согласия (например, введение в сферу обсуждения иной проблематики, которая позволит представить образ адресата в более выгодном свете);
- 2) использование мягких, «расплывчатых» форм несогласия с мнением адресата, средств хеджирования (более подробно см. [Комиссарова, Кудряшов, 2015: 160—161]).

При изучении прагматических параметров межличностного взаимодействия выдвигаются «принципы вежливости», которые включают в себя в том числе «максимум согласия», предполагающую минимизацию несогласованности позиций между адресантом и респондентами. Реакции несогласия анализируются как воплощение дискурсивной поддержки позитивного лица адресата (например, выражение несогласия с негативной самооценкой, представленной в стимулирующем сообщении), так и реализация противоположной точки зрения, а поэтому при выявлении функциональной нагрузки подобных реакций учитывается контекстуальный фактор [Волошина, Гурьева, 2017: 41; Коробова, 2014: 170; Якимушкина, Есенова, 2013: 71].

Контекст формируется за счет таких параметров протекания межличностного взаимодействия, как референциальное содержание текущего общения, социальные и культурные характеристики собеседников, их гендерная принадлежность, т. е. всех тех параметров, которые предопределяются нормами дискурсивного поведения участников общения в текущей коммуникативной ситуации. В свою очередь, эти нормы являются специфическими для того сообщества («группы по интересам»), к которому принадлежат собеседники, подвергаются спонтанным изменениям с течением времени, а поэтому оказываются в фокусе исследования тех типов межличностного взаимодействия, в которых реактивные сообщения, выражающие несогласие с мнением адресата, характеризуются особой частотностью.

Выявляются следующие разновидности подобных реакций:

- 1) конфликтогенное несогласие, реализующее оппозиционное мнение, которое предварительно выдвинул адресат, представляющее собой угрозу его социальному лицу и в той или иной степени выражающее такие негативные эмоциональные коннотации, как презрение, раздражение, гнев:
 - фокусирование внимания собеседников на том, что стимулирующее высказывание является нерелевантным в контексте обсуждаемой проблематики;
 - респондент, реагирующий несогласием, оспаривает стимулирующие суждения адресата и требует от него приведения веских доводов для их доказательства (аргументации);

- респондент выдвигает суждения, которые противоречат смысловой позиции адресата, обнародованной в исходном сообщении;
- респондент предлагает альтернативное решение обсуждаемой проблемы, не оспаривая исходное сообщение адресата (более подробный анализ см. [Бычихина, 2018: 25; Кнорц, 2019: 73; Кузьмина, 2013: 107]);

2) контактное несогласие, отражающее нормативное речевое поведение собеседников в межличностном взаимодействии, не причиняющее урона социальному лицу адресата (в контексте общения, в котором отсутствуют оппозитивные отношения между коммуникантами) [Морозова, 2005: 23—27].

Реактивные сообщения, содержащие несогласие с точкой зрения собеседника, занимают одно из доминирующих положений в ежедневной непринужденной и институциональной диалогической деятельности говорящего человека. Разнообразные дискурсивные сообщества разрабатывают уникальные интеракционные нормы инициации и восприятия реагирующих сообщений, манифестирующих несогласие, проистекающее из целого ряда оснований (несходные взгляды на окружающий мир, текущие речевые намерения и т. д.). Определение того, как выражается несогласие в реагирующих сообщениях респондентов, проливает свет на то, оцениваются ли эти сообщения в качестве угрозы социальному лицу адресата, или же они оказываются естественной реакцией на несходную смысловую позицию, предварительно представленную в межличностном взаимодействии.

Цель и задачи, поставленные в нашей работе, предполагают системное определение иллокуций согласия / несогласия, выражаемых респондентом на стимулирующее сообщение блогера в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации. Согласие — это выражение вербальной оценки, совпадающей с оценками, содержащимися в предшествующем коммуникативном шаге, представленной в этом шаге субъективной смысловой позицией: автор оценки разделяет с собеседником личностное отношение к тем или иным реалиям обсуждаемой ситуации. Несогласие, напротив, — это выражение противоположной оценки в моделируемом контексте общения. Респондент реализует несогласие с предварительно обнародованной точкой зрения, если он подвергает сомнению истинность, обоснованность или объективность

пропозиции, явно активируемой или предполагаемой адресантом, реагирует высказыванием, пропозициональное содержание которого не совпадает с содержанием исходного сообщения [Архипова, 2012: 200; Архипова, 2013: 10; Трунова, 2016: 245].

Реактивная реплика согласия — это сообщение респондента, в котором демонстрируется или детализуется та же самая дискурсивная позиция, что и в предыдущем стимулирующем высказывании блогера; реактивная реплика несогласия — это сообщение респондента, реализующее дискурсивную позицию, несовместимую со стимулирующим высказыванием, предварительно выдвинутым блогером.

Как свидетельствуют данные определения, анализируемые нами коммуникативные шаги респондента, ответные по своей сути, уточняются на основе наличия / отсутствия семантико-прагматического соответствия в точках зрения, которых придерживаются блогер и его респондент в ходе обсуждения актуальной проблематики. Принимая во внимание тот факт, что в процессе интерпретации реагирующего сообщения блогер сталкивается с манифестацией солидарного / конфликтного мнения, мы свидетельствуем о реализации иллокуций согласия / несогласия с предварительно обнародованной смысловой позицией, ставшей источником для последующей виртуальной дискуссии.

Согласие / несогласие респондента с точкой зрения блогера сопровождается озвучиванием дополнительной конструктивной информации или критических замечаний. Семантическая или пропозициональная детализация стимулирующего сообщения трактуется в нашей работе как коммуникативный ход респондента, в котором явно или косвенно выражается приверженность точке зрения иного лица, не участвующего в виртуальном общении, или другого респондента, выдвинувшего реактивную реплику на то же самое ключевое сообщение блогера. В подобной детализирующей реакции содержатся характеристики обсуждаемой ситуации, которые положительно оцениваются респондентом и в позитивном ключе уточняют, комментируют мнение, выдвинутое блогером в исходном сообщении.

Детализация (комментирование точки зрения блогера) реализуемая в реактивном сообщении респондента, концептуально пересекается с выражением согласия, если единодушные, сопричастность в контексте обсуждаемой ситуации способствуют совместной позитивной оцен-

ке ключевых моментов этой ситуации. Внимание участников виртуального общения фокусируется на тех фактах, явлениях и событиях, которые обнаруживают позитивный / негативный взгляд на обсуждаемую ситуацию, совместно разделяемый блогером и респондентом в данный момент разворачивания компьютерно-опосредованной коммуникации. Критические замечания в свою очередь представляют собой такие суждения респондента, которые фиксируют слабые места исходного стимулирующего сообщения блогера, несостоятельность или необоснованность его образа мыслей. В концептуальном отношении критика пересекается с выражением несогласия, поскольку озвучивает позицию, не совместимую со стимулирующим сообщением блогера.

Критические замечания респондента находят проявление в таких суждениях, которые преимущественно негативно оценивают смысловую позицию блогера. Вследствие этого мы полагаем, что критика представляет собой большую угрозу для социального лица блогера, чем элементарное выражение несогласия, поскольку респондент нацеливает критические замечания на субъективные характеристики психологического портрета, воссоздаваемые инициатором общения в своем исходном сообщении, индивидуальность проявления его позиции.

3.2.2. Лингвокультурологические факторы, предопределяющие выражение согласия / несогласия в непосредственной и компьютерно-опосредованной коммуникации

Наш анализ языковедческой литературы, освещающей проблемы выражения согласия / несогласия в непосредственной диалогической коммуникации («лицом к лицу»), показал, что устойчивый набор лингвокультурных факторов, актуальный для данного типа общения, является релевантным и для компьютерно-опосредованного взаимодействия собеседников.

Как правило, исследователи подчеркивают конструктивность реализации более чем одного фактора. В частности, в научном исследовании [Свиридова, 2006] на материале русскоязычной межличностной коммуникации в системном виде анализируются такие лингвокуль-

турологические факторы, как «фреймы коммуникативной культуры», «характер взаимоотношений собеседников», «тема общения», «цель общения», «гендерная характеристика собеседников».

В проанализированных нами языковедческих исследованиях подавляющее большинство выявляемых лингвокультурологических факторов, лежащих в основе манифестации согласия / несогласия с мнением собеседника / оппонента, системно соотносится с такими понятиями, как личностные и гендерные характеристики участников коммуникации, культура общения, превалирующая в русскоязычном культурном сообществе, психологический характер взаимоотношений между адресантом и слушающим.

Утверждается, что в непосредственной и компьютерно-опосредованной коммуникации лингвокультурная идентичность собеседников, характер межличностных взаимоотношений, которые устанавливаются, поддерживаются или делают попытку изменить собеседники, их коммуникативные роли и обязательства оказывают влияние на использование тех или иных языковых / речевых средств и, в частности, выражение согласия / несогласия (более подробно см. [Крайнова, 2012; Свиридова, 2013, 2014; Фэй, 2014] и др.).

Рассмотрим каждый из лингвокультурологических факторов, выделяемых в научной литературе, в отдельности.

3.2.2.1. Социальное лицо и личностные предпочтения

С учетом данного фактора согласие трактуется как предпочтительная реакция на стимулирующую реплику; несогласие — как соответственно непредпочтительная реакция на тот или иной сегмент пропозиции реплики-стимула [Ермакова, 2018: 62, 64; Оразалинова, 2012: 13, 17]. Понятие личностного предпочтения, таким образом, связывается с тем, как диалог организуется с точки зрения следования стимулирующей и реагирующей репликам. Это понятие трактуется не как текущие психологические потребности говорящего и слушающего, а как система намеренного выбора схемы разворачивания общения, отражающая институциональное ранжирование альтернативных точек зрения, которых придерживаются собеседники в межличност-

ном диалогическом взаимодействии (см. в частности [Рябоконе, 2014: 238—239]). Вследствие релевантности данного ранжирования согласие выступает наиболее благоприятной реакцией на инициальную реплику в большинстве случаев непринужденного (неформального) диалога.

Исследователи также фокусируют внимание на потребностях социального лица, манифестируемого собеседниками, которые в психологическом плане основываются на допущении, что участники диалогической коммуникации стремятся быть вежливыми друг с другом [Агаркова, Губанова, 2017]. Реализуя так называемую «позитивную вежливость», респондент призван максимально поддерживать согласие с мнением адресанта (при этом собеседники попеременно меняются коммуникативными ролями «говорящего» и «слушающего»), т. е. избегать конфликтогенной перспективы разворачивания общения. Максима согласия предполагает, что реагирующий собеседник минимизирует несогласие с точкой зрения второй стороны общения.

Поиск формата выражения согласия основывается на том допущении, что реагирующий собеседник испытывает потребность коммуникативного первенства в установлении истины, продвижении индивидуального мнения и одновременно призван избегать несогласия, представляющего собой угрозу для его социального лица. В частности, он может предложить для обсуждения нейтральные темы, завуалировать предварительно реализованное несогласие, смягчить его (на примере компьютерно-опосредованной русскоязычной коммуникации это положение анализируется, в частности, в исследованиях [Романтовский, 2013, 2015]).

Выражая согласие, реагирующий субъект прибегает преимущественно к стилистически немаркируемым средствам, простым синтаксическим структурам, без заминок или каких-либо предварительных комментариев. Несогласие, как правило, стилистически маркируется, реализуется с опорой на сложные синтаксические конструкции, вводится предваряющими комментариями (выражаемыми в том числе формами согласия), может сопровождаться отсрочкой в обнародовании (когда субъект представляет его не в текущем, а в последующем коммуникативном ходе) [Козаковская, Хохлова, 2015]. Реакция несогласия влечет за собой негативный эффект социальной разобщенности

[Пономаренко, Крыжановская, Сегал, 2020; Павловская, Пономаренко, Сегал, 2020], а поэтому ее активация потенциально предопределяет отсутствие межличностного консенсуса. Анализируя языковые / речевые средства выражения иллокутивных намерений в межличностной коммуникации, исследователи прослеживают устойчивую тенденцию к нейтрализации социальной конструктивности при реализации несогласия по сравнению со случаями, когда собеседники соглашались с мнениями друг друга, приходят к общему мнению на обоюдной основе [Козаковская, Хохлова, 2013; Perervina, 2017].

Также отмечается, что, когда несогласие инициируется в контексте, в котором согласие оказывается наиболее релевантным оценочным коммуникативным ходом, оно фактически реализуется частично, т. е. собеседник сначала соглашается с некоторыми элементами пропозиции стимулирующего высказывания, а затем смещает фокус общения к иллокуции несогласия, используя соответствующий дискурсивный маркер (например уступительные или противительные союзы *хотя*, *но* и др.) [Ковальчук, 2012; Володина, Ковальчук, 2019].

Многочисленные исследования непосредственного диалогического контакта собеседников, в которых системно задействуется понятие личностных предпочтений, инкорпорируется категория социального лица, являются продуктивной теоретической основой изучения согласия / несогласия в иных дискурсивных контекстах. Учет данных концепций, разработанных в русистике, при прагматическом анализе компьютерно-опосредованной коммуникации предполагает фокусирование на проблеме асинхронного характера этого типа коммуникации, что влечет за собой выявление специфических лингвокультурологических факторов (в частности тема общения, лоббирование групповых интересов). В обоих типах коммуникации (непосредственной и компьютерно-опосредованной) собеседники прибегают к модусному воздействию, популяризации личностной точки зрения, а поэтому несогласие часто трактуется респондентом в качестве целесообразного формата реагирования на суждение, выдвинутое говорящим субъектом [Воробьева, Граббе, 2016: 220—221].

Несогласие системно озвучивается в терминах смысловой позиции, противоречащей исходно выдвинутому мнению, т. е. как «сильное несогласие». В этой связи утверждается, что в асинхронной или пись-

менной коммуникации сильное несогласие представить легче, чем в спонтанном непосредственном общении [Павлюковская, 2014: 295].

Демонстрируется, что в асинхронной коммуникации выражению иллюзий согласия / несогласия предшествует обнародование темы общения [Дайнеко, Ирисханова, 2010: 124—125]. Подобная дискурсивная практика связывается прежде всего со спецификой институциональной коммуникации: в отдельном сообщении — по сравнению с непосредственной спонтанной диалогической коммуникацией — субъект речи охватывает сразу несколько тем, а поэтому возникает потребность в их отдельном озвучивании. В контексте институциональной коммуникации, обладающей сложной прагматической структурой, согласие может следовать за высказыванием, содержащим несогласие, при этом подобные иллюзии затрагивают разные темы общения.

С учетом фактора личностных предпочтений собеседников речевые акты согласия / несогласия исследовались на материале англоязычных читательских комментариев на сюжетные интернет-новости, посвященные популярному сериалу «*All My Children*» («*Все мои дети*») [Ваум, 1996]. Исследователь проанализировал 70 комментариев, выражающих согласие, и 51 комментарий, в которых манифестируется несогласие с исходным новостным сообщением. Были сделаны выводы о том, что согласие не всегда оказывается предпочтительным коммуникативным актом, как и несогласие — реализуется системой непредпочтительных высказываний. Иллюстрируется важность проявления разнообразных социальных факторов для языковой реализации согласия и несогласия с исходным новостным сообщением. Указывается, что полученные результаты согласуются с теми теоретическими и практическими наработками, которые получены на материале устной и письменной коммуникации.

Так, в данных типах коммуникации, как и в компьютерно-опосредованном общении, последовательно проявляется тенденция к использованию смягченных форм выражения несогласия, реализации согласия в эксплицитной форме. На материале собранных фактических данных выявляются самые разнообразные стратегии смягчения несогласия респондентами, выражающими альтернативные точки зрения. Эти стратегии находят воплощение в реализации частичного несогласия, введения обоснования выдвигаемому суждению (объяснения

причин несогласия), различного рода квалификаторов, маркирующих несогласие, исходя из различия во мнениях [Ваум, 1996: 336—337].

Полагаем, все эти средства реализации смягченного несогласия являются конструктивными для исследования, проводимого нами. В частности, особый интерес для нас представляет «фреймирование несогласия как намерения, не наносящего урон социальному лицу автора новостного сообщения» [Ваум, 1996: 337]. При подобном фреймировании несогласие манифестируется как металингвистический комментарий, проливающий свет на действительные намерения читателя, интерпретирующего новостное сообщение. Читательское комментирование, сопровождающее выражение несогласия, усиливает интерес иных респондентов (как и потенциальной целевой аудитории) к исходному сообщению.

Очевидно, что активируя в асинхронной коммуникации фрейм несогласия с исходно представленным мнением, респондент считает целесообразным аргументировать выдвигаемую смысловую позицию. При отсутствии аргументации, выражении элементарного согласия с мнением, заявленным в стимулирующем сообщении, респондент, согласно конвенциям компьютерно-опосредованного общения, манифестирует неспособность к озвучиванию индивидуальной точки зрения, что в свою очередь потенциально наносит урон его социальному лицу.

3.2.2.2. *Дискурсивные закономерности реализации ответных реакций несогласия*

Диалог определяется как форма межличностных взаимоотношений, в контексте которой поляризация точек зрения ратифицируется в качестве смысловой позиции, значимой для последующего интерактивного обмена информацией [Буланов, 2014: 64; Колокольцева, 2012: 75; Скнар, 2013: 258]. В русской лингвокультуре активация несогласия в процессе обмена диалогическими репликами рассматривается как потенциальный источник последующего единодушия собеседников, достижения согласия во мнениях на обсуждаемое проблемное положение дел [Бойко, Величко, 2015: 2025]. Факт озвучивания несогласия реагирующими собеседниками, способы языкового / речевого вопло-

щения соответствующих ответных реплик оказывают конструктивное влияние и одновременно предопределяются потенциальным единодушием во мнениях, которое складывается в ходе межличностных взаимоотношений. Реплики-реакции несогласия формируют устойчивую лингвокультурную практику русскоязычной диалогической коммуникации, в частности когда подобные реакции оказываются прогнозируемыми и не нарушают конвенций общения, устоявшихся в социуме.

В тот или иной момент диалогического взаимодействия прогнозируемость негативных реакций на стимулирующее высказывание предопределяется самыми разнообразными лингвокультурными факторами (более подробно см. [Винник, 2018]). Нормы разворачивания конфликтного общения, в том числе с опорой на ответные реагирования с иллюзией несогласия, являются культурно обусловленными. Однако это не означает, что лингвокультура в подобном плане представляет собой некоторое однородное образование, в котором не учитываются индивидуальные потребности участников диалогической коммуникации. Таким образом, лингвокультурная специфика диалогических стратегий собеседников, не является единственным фактором манифестации реактивного несогласия. Необходимо также учитывать и характер взаимоотношений между участниками диалога. В частности, реакции несогласия оказываются закономерными и легко прогнозируемыми среди собеседников, которые близко знакомы друг с другом или принадлежат к одному и тому же социальному сообществу (например сообществу компьютерно-опосредованной коммуникации).

В диалогических ситуациях, в которых реагирующий субъект имеет возможность многогранно проявлять свое эмоционально-волевое состояние, не опасаясь, что это проявление вызовет крайне негативные реакции со стороны собеседников в достижении единодушия и взаимопонимания любой ценой нет необходимости (ср. с виртуальным общением блогеров и респондентов). В подобных ситуациях негативные реакции, реализуемые вследствие несогласия с чьим-либо мнением, не порождают конфликта, не вызывают коммуникативный кризис, который бы подрывал основы межличностного взаимодействия [Усачева, 2011: 159—162; Усачева, 2016: 435].

Инициация несогласия свидетельствует о том, что между собеседниками установились достаточно прочные отношения, дающие им возможность обнаружить поляризацию точек зрения, представлять их плюрализм, который для постороннего наблюдателя может показаться вербальной агрессией. В таком формате диалогического общения реплики-реакции несогласия воспринимаются собеседниками как само собой разумеющееся коммуникативное явление, не уменьшающее уровень близости во взаимоотношениях между адресантом и респондентом. Несогласие с мнением собеседника можно, таким образом, рассматривать как игровое вовлечение большего количества респондентов в обсуждение той проблемы, которая была предварительно представлена адресантом. Некооперативные диалогические стратегии, манифестирующие несогласие реагирующего субъекта с точкой зрения адресанта, частотно реализуются через юмористическое содержание ответной реплики, которое заметно нейтрализует негативные последствия восприятия альтернативной смысловой позиции, конфликтогенную перспективу последующего разворачивания речевого произведения, порождаемого собеседниками.

3.2.2.3. Характер взаимоотношений между собеседниками

На материале русскоязычной диалогической речи исследователи выявляют самые разнообразные коммуникативные стратегии, нацеленные на предотвращение конфликтных ситуаций и усиление продуктивности взаимоотношений между собеседниками:

- признание намерений адресата в соответствии с принципом социальной иерархии;
- наделение доминирующим положением в общении третьего участника;
- установление компромисса между точками зрения адресанта и респондента;
- уступка в пользу мнения адресата [Григорьева, 2018; Колокольцева, 2009; Куликова, 2014; Курьян, 2013] и др.

Признается, что наиболее распространенной стратегией в спонтанной диалогической коммуникации предстает блокирование конфликт-

ной темы общения, при реализации которой собеседники остаются при своих мнениях и не теряют социального лица [Грушевская, 2017: 177; Грушевская, 2019: 129]. Уступка в пользу мнения собеседника может привести к утрате социального лица в таких диалогических ситуациях, в которых наблюдается поляризация точек зрения. В контексте компьютерно-опосредованного общения реакция несогласия со стимулирующим мнением, как правило, игнорируется блогером. Вследствие этого практически невозможно выявить взаимозависимость между коммуникативными правами и обязанностями блогера и респондента, как и механизмы смягчения потенциально конфликтных ситуаций. Дискурсивные роли участников компьютерно-опосредованной коммуникации предопределяются априорно: блогер предлагает актуальную ситуацию для обсуждения, выступает как автор оценочных суждений относительно этой ситуации; респондент, полагая, что является экспертом в той проблематике, которая заявлена в стимулирующем сообщении, реагирует на сообщение, явно / косвенно манифестируя согласие / несогласие с мнением блогера. Иницируя виртуальное общение, как правило, оценочными суждениями, блогер не обладает полномочиями в сфере контроля над дискурсивной активностью респондента, а поэтому реагирующие реплики несогласия оказываются непрогнозируемыми. Респонденты осуществляют поиск языковых средств для дистанцирования от своих коммуникативных обязательств с целью озвучивания несогласия с мнением блогера, обеспечения поддержки со стороны других реагирующих субъектов.

Лингвокультурные факторы, систематизированные нами на основе изучения лингвистической научной литературы, свидетельствуют о важности эмпирического исследования, посвященного конструктивной роли реактивных реплик согласия / несогласия в разворачивании текста блога как совместном дискурсивном произведении всех участников компьютерно-опосредованной коммуникации. Думается, что подобный формат прагматического анализа предполагает установление частотности функционирования диалогических шагов респондентов с указанной иллокутивной нагрузкой, обнаружение пропорционального соотношения этих шагов и выявление специфики их интерпретации со стороны блогера как инициатора виртуального общения.

Для решения этих проблем актуальными оказываются следующие частные вопросы:

- какой структурной и смысловой нагрузкой обладают реагирующие высказывания согласия / несогласия в целостной организации текста блогов?
- каким реакциям — согласия или несогласия — чаще всего отдают предпочтение респонденты в ходе интерпретации стимулирующего сообщения блогера?
- каковы дистрибутивные характеристики реакций согласия и несогласия в собранном нами корпусе фактического материала?
- каковы особенности восприятия и интерпретации реакций согласия и несогласия со стороны блогера?

Все эти вопросы системно исследуются нами в следующей главе нашей работы.

3.2.3. Социокультурные факторы, предопределяющие выражение согласия / несогласия в непосредственной и компьютерно-опосредованной коммуникации

Обзор научно-лингвистических и общегуманитарных источников, в которых освещаются проблемы социокультурной обусловленности речевого портрета респондента в контексте виртуального общения, выявил действенность таких факторов, как:

- анонимность реализации реагирующего сообщения;
- подмена реального обсуждения ситуации, предложенной блогером, спором («спор ради спора», «флейминг»);
- формат представления сообщения;
- возможность полного / частичного цитирования стимулирующих сообщений блогера;
- длительность сохранения реагирующих высказываний респондентов на странице блогера [Бурлаченко, 2019: 187; Гладченкова, Щербакова, 2012: 83; Колодин, Дмитриенко, Садловская, 2017: 203; Синячкин, Бахтикиреева, 2018: 32].

Как и в исследованиях, фокусирующих внимание на лингвокультурных факторах, изучение социокультурных факторов осуществля-

ется комплексно, с учетом тех контекстов, в которых реализуются ре-активные реплики согласия / несогласия.

В научной работе [Савенков, 2018] анализ представленных выше социокультурных факторов сопровождается детализацией таких лингвокультурных факторов, как культурные фреймы, тема общения, предлагаемая блогером и развиваемая респондентами, специфика взаимоотношений между участниками коммуникативного процесса; указывается, что данные типы факторов в ходе формирования блог-платформы частично пересекаются.

Совокупность выделяемых социокультурных факторов оказывается актуальной для всех форм асинхронного общения, вместе с тем подчеркивается их важность для блогосферы. По этой причине проанализируем каждый из выделяемых социокультурных факторов в отдельности.

Принимая во внимание актуальность этих факторов для исследования языковых средств выражения намерений блогера и респондентов, мы также фокусируемся на их конструктивной роли в формировании ответных реакций согласия / несогласия.

3.2.3.1. Анонимность реализации реагирующего речевого намерения, усиление эффекта дискуссионности посредством игнорирования исходной темы общения

По сравнению с устной спонтанной диалогической ситуацией данные факторы, проявляясь в компьютерно-опосредованном общении, связываются с так называемым «снижением социального торможения» [Колодин, 2014: 61]. В контексте виртуальной реальности действие этих факторов порождает два взаимно противоречащих друг другу прагматических эффекта: усиление агрессивной вербальной деятельности респондента и поддержание интересубъективного характера общения. Утверждается, что подобная реальность создает основу для стирания социальной индивидуальности реагирующего субъекта и нормативного речевого поведения [Кульчинская, 2011: 91]. Вследствие этого респонденты пользуются возможностью игнорировать индивидуальные характеристики блогера, такие, например, как

текущее эмоционально-волевое состояние, стремление доминировать в общении. Они начинают фокусироваться на собственных речевых потребностях, сопротивляться тому речевому воздействию, которое оказывает на них блогер, проявлять аффективные реакции несогласия с позицией блогера.

На основе экспериментально полученных данных установлено, что респондент, который анонимно реализует реакцию несогласия с мнением блогера, делает попытку скрыть свои демографические и личностные характеристики, нейтрализовать периферийные сигналы убеждения собеседника в действительности своей точки зрения [Борисова, Семилет, 2017; Лукашевич, Семилет, 2017]. Как результат этого — участники компьютерно-опосредованного общения интерпретируют сообщения друг друга в терминах аргументативной силы, эксплицитно выражаемых персуазивных эффектов в отрыве от личностных характеристик адресанта. Разрабатывается теоретическая концепция гарантирующей конструкции, которая устанавливает принципы легитимности и действительности информации о реагирующем субъекте [Привалова, 2017]. В ходе обсуждения актуальной проблематики участники виртуального общения «считывают» достаточно большой объем личностной информации друг о друге. Однако эта информация исходно иницируется анонимно, с опорой на коммуникативные стратегии идеализированной самопрезентации, сокрытия реальных личностных характеристик.

Анонимность выражения речевых намерений способствует воссозданию трансформированного образа собеседника, хотя сама анонимность трактуется исследователями как сложный феномен, обладающий множеством смыслов, пронизывающих компьютерно-опосредованную коммуникацию. В этой связи говорится о том, что собеседники преимущественно доверяют той информации, которая коммуницируется в устном диалогическом взаимодействии, и, как правило, не доверяют семантическому содержанию высказывания, реализуемого в контексте виртуальной реальности.

По мере разворачивания взаимоотношений блогер и респонденты сталкиваются с проблемой получения информации, которая бы отражала достоверные психологические и социальные характеристики партнера по общению. Введение в контекст общения гарантирующей

конструкции предполагает, что каждый из собеседников в процессе самопрезентации предоставляет достоверную личностную информацию, если получатель этой информации устанавливает контакт с представителями тех социальных кругов, к которым принадлежит говорящий субъект. Исследователи предпринимают попытки проследить, почему некоторые сигналы реализуют достоверную информацию о респонденте, который задействует стратегию самопрезентации, а иные сигналы не обладают подобной прагматической нагрузкой [Канинская, 2016; Косенчук, 2014; Лысак, Косенчук, 2016]. Сигнал интерпретируется партнером по взаимодействию как достоверный, если затраты его производства превосходят реальную личностную выгоду.

В этой связи выявляется два типа сигналов:

- 1) оценочные сигналы, которые представляют собой артефакты, ассоциирующиеся с некоторыми стереотипными характеристиками субъекта речи (например, дружелюбность, нацеленность на фатический контакт с собеседником, стремление выразить свою позицию);
- 2) конвенциональные сигналы, которые формируют социально предопределяемые символические взаимоотношения со своими референтами (например, дружелюбность собеседника объясняется в терминах исходных соответствующих намерений субъекта речи).

Считается, что конвенциональные сигналы — по сравнению с оценочными сигналами — реализуют ненадежную информацию о личности адресанта, авторе суждения, поскольку на их производство требуется меньше затрат и усилий. В интерактивном обмене сообщениями между блогером и респондентами доминируют именно конвенциональные сигналы. Поскольку суждения, манифестирующие самооценку в компьютерно-опосредованной коммуникации, с легкостью представляются субъектами речи в идеализированном виде и анонимно, коммуникативная стратегия самопрезентации не реализует истинных характеристик этих субъектов. Участники асинхронного общения часто надевают разнообразные коммуникативные маски, за которыми скрываются психологические и социальные образы, намеренно конструируемые и реально не отражающие действительного портрета субъекта сообщения.

3.2.3.2. Формат представления сообщения, возможность цитирования сообщений блогера, длительность сохранения реакций респондента на странице блогера

Данные факторы, предопределяющие реактивную реализацию реплик согласия / несогласия в совместно порождаемом тексте блогов, имеют непосредственное отношение к очередности следования сообщений блогера и респондентов, тому семантическому содержанию этих сообщений, которое воспринимается собеседниками автоматически, визуальной репрезентации стимулов и реакций. В подавляющем большинстве типов компьютерно-опосредованной коммуникации, включая тексты блогов, новые сообщения фиксируются в том порядке, в котором это задается исходной системой [Ануфриева, 2016: 83; Вацаев, 2014: 45; Осипова, 2018: 711].

В частности, в блогосфере новые комментарии респондентов предшествуют ранее инициированным комментариям, т. е. приводятся ниже. Порядок очередности реагирующих сообщений респондентов, таким образом, отражает актуальные модели дискурсивного взаимодействия участников коммуникативного процесса, их роль в совместном порождении целостного текста. Непосредственно после сообщений блогера приводятся те реакции респондентов, которые оказались хронологически первыми; комментарии на эти реакции (предлагаемые как блогером, так и иными респондентами) в пространстве совместно порождаемого текста могут быть отделены друг от друга. В связи с этим вступая в общение, собеседник призван сигнализировать, кому он обращает свой реактивный комментарий. При исследовании реактивного согласия / несогласия с мнением блогера целесообразно задействовать тот факт, что, оформляя ответное сообщение, респонденты частотно в полном виде или частично цитируют суждения инициатора виртуального общения (о технических возможностях данного формата представления сообщения см. [Брагина, 2015: 1342; Беленченко, Кихтан, 2016: 91; Лебедев, 2015: 79]).

Данный фактор, который действует наряду с возможностью длительно сохранять реактивные сообщения респондентов на странице блогера (что существенно облегчает практику цитирования мнений

иных респондентов), позволяет реагирующим собеседникам беспрепятственно избирать те сегменты предварительно инициированных стимулирующих сообщений, с которыми они согласны или не согласны. Полное / частичное цитирование суждений блогера или иных респондентов сопровождается реакциями согласия / несогласия с мнениями, репрезентированными в пропозициях этих суждений, что в свою очередь создает прагматическую основу для целостного разворачивания совместно порождаемого текста. Через полное / частичное цитирование предварительно инициированных сообщений-суждений, поддерживается интерактивный характер виртуальной реальности.

При этом введение указаний на тех субъектов, которым формируемая реакция согласия / несогласия обращена, способствует установлению гибкого фатического контакта между собеседниками, обсуждающими одну и ту же проблематику. Активация виртуального аватара субъекта, чья точка зрения цитируется в реагирующем сообщении, заметно смягчает выражаемое несогласие, а поэтому нейтрализует угрозу социальному лицу этого субъекта. В случае представления согласия обращение к собеседнику по имени («никнейму») сигнализирует о социальном признании оценочных суждений этого собеседника.

Так, образ собеседника, с мнением которого соглашается / не соглашается реагирующий субъект, выдвигается в сильную позицию компьютерно-опосредованного общения, что потенциально может повлечь за собой целый ряд иных реакций, т. е. привлечь внимание других участников общения к процитированному суждению. В совместно порождаемом тексте блога создается прагматическая основа для интертекстуальности (т. е. текстовые сегменты соотносятся друг с другом вследствие повторной активации того или иного аспекта обсуждаемой ситуации).

Проблематика, связанная с анализом конструктивной роли сегментного цитирования предварительно обнаруженных смысловых позиций в ходе выражения согласия / несогласия с этими позициями, исследуется и в зарубежной лингвистике. Так, на материале школьных блогов практика цитирования трактуется как существенный механизм представления несогласия; при этом частичное цитирование ранее заявленных мнений связывается с коммуникативной стратегией конструирования лидерства в виртуальном общении. Лидер тракту-

ется как коммуникативный образ субъекта, который «предпринимает попытку сместить акценты собеседников в определении цели и темы обсуждения с целью добиться признания своей индивидуальной позиции» [в переводе Hert, 2010: 352] (ср. со сходным во многом мнением, представленным в научном труде [Лазуткина, 2016]).

Как представляется, в ходе исследования реакций согласия / несогласия необходимо также фокусировать внимание на конвенциях синхронизации разнообразных (в том числе и полярных) точек зрения, озвучиваемых в контексте целостного реагирующего сообщения. Вследствие действия данных конвенций участник виртуального общения имеет возможность сравнивать свои индивидуальные аргументы с позициями иных собеседников с целью достижения согласия при обсуждении актуальных ситуаций.

Само обсуждение затрагивает различные аспекты одной и той же ситуации, а стимулирующее сообщение блогера, как и последующие реакции респондентов, получает повторную актуализацию в разворачивании совместного текста, проявляются в смысловых позициях собеседников, которые впоследствии вовлекаются в обеспечение целостности этого текста. Представленная выше проблематика в свою очередь связывается с возможностью длительного сохранения реагирующих реплик респондентов, выражающих согласие / несогласие на странице блога. Эта возможность предопределяет релевантность повторной оценки (переоценки) уже обнаруженных текстовых сегментов в соответствии с текущими интерактивными намерениями новых реагирующих респондентов.

Инкорпорируя сегмент пропозиции предварительно выраженного мнения, реагирующий собеседник признает факт авторства этого мнения. Вследствие этого сообщение-реакция, синтезирующее в себе предварительно активированные сообщения, содержащие полное / частичное цитирование точек зрения, принадлежащих другим собеседникам, озвучивается в качестве социально продуманной позиции. Аргументы согласия / несогласия с этой позицией, приводимые реагирующим собеседником, приобретают измерение, значимое в социокультурном плане.

В настоящее время на страницах блогов возможность ответной реакции обнаруживается для каждого стимулирующего и реагирующе-

го сообщения, формирует интерактивный формат высказываний всех собеседников. Интерактивность текста блога сигнализируется семантическими, синтаксическими, морфологическими и орфографическими манипуляциями с предварительно представленными сообщениями (более подробно см. [Ибраева, 2018; Субботина, Бардусова, Торик, 2018; Шумилина, 2018] и др.).

В контексте компьютерно-опосредованной коммуникации данное теоретическое суждение может быть трансформировано следующим образом: реакции на сообщения блогера и комментарии респондентов в контекстуальном плане ограничивают реактивную деятельность новых собеседников. Потенциальная возможность активации реакций этих собеседников оказывается выше в том случае, когда предварительно был инициирован диалогический шаг, представляющий собой угрозу для социального лица адресата. В подобном контексте виртуального взаимодействия указанный диалогический шаг фактически ограничивает палитру коммуникативных шагов, предпринимаемых новыми респондентами. Реактивные суждения, манифестирующие несогласие с предварительно озвученной точкой зрения, выявляют асимметричную природу: реагирующий собеседник указывает на полярность сравниваемых мнений и одновременно приводит весомые аргументы в пользу собственной смысловой позиции, которые призваны обосновать неправоту исходной точки зрения.

Можно предположить, что субъект виртуального общения, чье мнение оспаривается репликой несогласия, испытывает потребность обеспечить свою смысловую позицию новыми аргументами, защитить свое социальное лицо. Согласие с полярной точкой зрения (выражаемой оспаривающим собеседником) воспринимается иными участниками коммуникативной ситуации как неспособность противостоять более веским аргументам, представить рациональные доводы в пользу своего исходного мнения.

В подобных обстоятельствах разворачивания блогерского текста социальное лицо автора реплики несогласия утрачивает свою первостепенную важность. Иллокуция несогласия, манифестируемая данным субъектом, расценивается нами как конструктивное основание для многоаспектного анализа дискурсивного противостояния участников компьютерно-опосредованной коммуникации. При более детальном

приближении можно говорить о том, что определение ограничений, накладываемых контекстом виртуального общения на речевые действия собеседников, потенциальной перспективы реального конфликта в общении, столкновения несходных иллокутивных намерений блогера и респондентов способствует выявлению дискурсивного «силового» противостояния субъектов, участвующих в совместном разворачивании текста блога.

3.3. Феномен дискурсивного противостояния собеседников в блогосфере

3.3.1. Межличностный аспект исследования текстов блогов

В рамках нашего исследования мы фокусируем внимание на языковых средствах выражения дискурсивного противостояния блогера и респондентов в процессе конструирования совместного текста. Межличностный аспект взаимодействия занимает в этом случае центральное положение, поскольку противостояние собеседников системно проявляется исключительно в контексте интерактивного обмена информативными и фатическими сообщениями и осуществления контроля над темой общения. Блогер, являясь автором стимулирующего сообщения, исходно обладает приоритетными полномочиями в контроле тематической перспективы развития компьютерно-опосредованной коммуникации.

Данное положение дел, однако, не исключает того факта, что респонденты потенциально могут создать условия для ситуации противостояния смысловых позиций в тексте, совместно порождаемой блогером, так как в равной степени обладают правом дополнять стимулирующие сообщения своими комментариями, брать на себя роль говорящих субъектов и адресатов последующих сообщений. Особый исследовательский интерес представляет собой эмпирический анализ того, в какой степени респонденты, реагируя комментариями на стимулирующее сообщение, могут поддерживать полномочия блогера в сфере контроля над темой предлагаемого обсуждения.

Специфика дискурсивного противостояния между блогером и респондентами прослеживается в нашей работе с опорой на описание такого явления, как контроль собеседников над темой, обсуждаемой в блоговом тексте. Феномен дискурсивного противостояния собеседников в компьютерно-опосредованной коммуникации исследуется нами в терминах контроля над темой, исходно предлагаемой в стимулирующем сообщении и впоследствии обсуждаемой блогером и респондентами.

Данный феномен, являющийся одним из центральных для дискурсивного анализа, до сих пор остается дискуссионной сферой среди исследователей, тем более что он еще не изучался в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации, в том числе блоговых текстов. Это, возможно, объясняется тем, что прагматическая специфика виртуального общения предстает достаточно новой сферой исследований, а сам блоговый текст обеспечивает демократический доступ собеседникам вне зависимости от их социокультурной принадлежности. Блогосфера рассматривается как такая типологическая разновидность межличностного взаимодействия, в условиях которой не действует иерархическая модель обмена актуальной информацией, а поэтому любой представитель социокультурного сообщества вправе озвучить свою субъективную позицию [Ушнов, 2015 (а); Ушнов, 2015 (б)].

Вместе с тем исследователи все чаще говорят о радикальных изменениях в идеальной эгалитарной модели сети Интернет, которые предопределяются экономическими и социально-демографическими факторами [Дука, 2006: 17; Горюхов, Гринберг, 2018: 49]. Как представляется, данные изменения актуализуют проблематику, связанную с многомерным анализом дискурсивного противостояния собеседников в блоговом тексте в аспекте контекстуального функционирования языка, реализации конверсационного контроля над разворачиванием совместного произведения, текущих интересов участников общения в отношении обсуждаемой темы.

При прагматическом изучении повседневного («лицом к лицу») диалога выявлено, что собеседники, противопоставляя свои дискурсивные позиции, делают попытку убедить друг друга в действительности выдвигаемых суждений, манипулировать вниманием адресата [Гельпей, 2010: 5; Ерещенко, 2014: 1310; Ужахова, 2010: 44]. Очевидно, что данное теоретическое положение является актуальным и в сфере анализа компьютерно-

опосредованной коммуникации. Признавая, что подобное явление пронизывает все формы межличностного взаимодействия, мы полагаем, что оно не всегда расценивается как деструктивный фактор развития диалога, в том числе и в контексте совместного порождения блогового текста.

3.3.1.1. Уровни дифференцированного доступа участников блогосферы к социально ценностным источникам

Т. ван Дейк полагает, что феномен дискурсивного противостояния базируется на привилегированном доступе собеседников к социально ценностным ресурсам, таким как материальное благополучие, профессиональная занятость и реализация, статус в социуме, дающий возможность активно участвовать в общественной коммуникации [van Dijk, 1996: 85]. Как представляется, можно говорить о двух уровнях дифференцированного доступа участников компьютерно-опосредованной коммуникации к социально ценностным источникам.

1. Участие собеседников в совместном разворачивании блогового текста

Участие в блогосфере предопределяется доступом к компьютерному обеспечению, сети Интернет, наличием соответствующей профессиональной компетенции. Все эти факторы дают возможность участнику общения стать полноправным представителем виртуального сообщества. Собеседники, вступающие в виртуальное общение в контексте блогосферы, обладают неравным статусом в получении доступа к актуальной информации и коммуникативным практикам. В связи с этим при изучении статусов взаимодействующих собеседников вводится понятие «цифровое неравенство» [Hoffman, Novak, Schlosser, 2000].

Статистический анализ пользователей сети Интернет выявляет существенные расхождения между различными регионами (более подробно см. [Щербакова, Крупина, 2016]). Установлено, что блогеры с большей долей вероятности являются респондентами блоговых текстов иных авторов, проявляют повышенный интерес к блогосфере вообще вследствие своего активного участия в установлении контактов

с респондентами. Стимулирующие суждения, как правило, содержат ссылки на те виртуальные страницы блогосферы, с которыми авторы себя идентифицируют. Между блогерами и их респондентами обнаруживается демографическое сходство. Среди создателей блоговых страниц преобладают, как правило, лица мужского пола (59 %) в возрасте до 40 лет (49 %) с высшим образованием (53 %), опыт виртуального общения которых составляет более 5 лет (84 %). Блогеры и их респонденты принадлежат преимущественно к привилегированным в социальном и экономическом отношении слоям населения. Вместе с тем проявляется стабильная тенденция к установлению фатических контактов с единомышленниками в блогосфере среди взрослого населения России (более подробно см. [Богомолова, 2014; Рябикина, Богомолова, 2015]).

Указанные гендерные, демографические, социальные и лингвокультурные характеристики участников компьютерно-опосредованного общения определяют тот факт, что блоговые тексты — выступая демократической сферой межличностного взаимодействия — не обеспечивают равный статусный доступ всем собеседникам. Напротив, эта сфера может быть определена как такой интерактивный ресурс, который предоставляет приоритетный доступ только некоторым группам индивидов в силу действия определенных факторов. А именно — тем представителям лингвокультурного сообщества, которые проявляют активность в сети Интернет, обладают гибкими коммуникативными навыками виртуального общения в режиме «онлайн», потенциально способны моделировать отношения дискурсивного противостояния между своей позицией и точкой зрения, выражаемой иными собеседниками как блогерами, так и респондентами.

2. Распределение социально ценностных источников в рамках блогосферы

Данный фактор находит системное проявление в тех коммуникативных ролях, которые берут на себя собеседники, вступая в виртуальное взаимодействие. Эти роли в свою очередь связываются с различными возможностями в ходе конкретной реализации дискурсивных практик. Выступая авторами стимулирующих суждений, занимающих в виртуальном тексте сильную позицию, блогеры приобретают безграничный контроль над формой и содержанием своих сайтов (хотя формат текстов

частично задается той платформой, на которой размещаются блоги). В плане последующего обсуждения проблематики, заявленной в стимулирующем сообщении, блогеры обеспечивают техническую возможность для реактивных комментариев, предоставляют / ограничивают доступ потенциальным респондентам к собственной личностной информации, архивам предшествующих бесед, уже имеющимся суждениям отреагировавших собеседников, подбирают расцветку и типы шрифтов для маркирования текстового пространства.

Блогеры также задают перспективу интерактивного наполнения содержания своих сайтов, поскольку решают, какого рода информацию целесообразно обнародовать в данный момент общения, частотность представления респондентам новой актуальной информации, релевантность сопровождения стимулирующих суждений фотографическим материалом, рисунками и аудиофайлами. Если блог посвящен специализированной проблематике (спортивные игры — футбол, хоккей, фигурное катание, повседневные проблемы современной женщины и т. д.), автор сайта может предоставить респондентам возможность, отправлять сообщения практически на любую тему, находящуюся в сфере актуального внимания представителей конкретного лингвокультурного сообщества. Ключевым моментом в данном случае выступает тот факт, что адресаты предоставляют личностную информацию, содержащую субъективное видение окружающей повседневности.

В отдельных случаях блогеры удаляют реактивные суждения отдельно взятых респондентов, санкционируют их вследствие грубого нарушения коммуникативных норм межличностного общения, повторно редактируют свои стимулирующие сообщения, удаляют их вследствие того, что они утрачивают свою актуальность [Каминская, 2014: 192; Темпл-Вуд, 2017: 59]. Таким образом, блогеры наделяются безграничным контролем над характером разворачивания виртуального текста, совместно порождаемого с респондентами.

Респонденты в свою очередь обладают меньшим количеством полномочий и обязательств. Воспринимая стимулирующие суждения блогера и реакции других адресатов, они могут занять созерцательную позицию и вербально не реагировать на проблему, обсуждаемую в порожденном тексте. Тот респондент, который намеревается высказать свою точку зрения, берет на себя роль активного собеседника,

а поэтому сообщения, вводимые им, могут стимулировать иных респондентов к ответным вербальным действиям, комментироваться всеми участниками общения, в том числе и блогером. Тексты блогов потенциально подвержены атакам со стороны спамовой информации, а поэтому первый реактивный комментарий должен непосредственно соотноситься с проблематикой, заданной инициатором общения, отсылаться реальным респондентом, заинтересованным в обсуждении исходной темы. Вторым комментарием теоретически может стать реакция как на сообщения блогера, так и суждения первого респондента, третий комментарий выражать реакцию как на исходный фрагмент текста, так и на смысловую позицию, обнародованную одним из двух предшествующих респондентов и т. д. Подобная возможность предопределяет интерактивные модели взаимодействия собеседников, обеспечивает не только поддержание темы текущего обсуждения, но и смещение внимания участников общения к иным темам и проблемам.

Реагируя на предварительно обнародованные сообщения блогера и респондентов, новый адресат, как правило, поддерживает ту тему общения, которая была задана в предшествующем ходе разворачивания виртуального текста. Вместе с тем каждый новый респондент имеет полномочия по изменению темы общения, смещению текущего внимания участников общения к иной тематике, связанной с исходной темой. Респонденты принимают активное участие в конструировании блогового текста, а поэтому в определенной степени — наряду с блогером — осуществляют контроль над темой общения и сдвигами в этой теме. В этой связи особую актуальность приобретает выявление и системное описание интерактивных моделей в линиях коммуникации «блогер — респондент», «респондент — респондент», квантитативный анализ этих моделей.

3.3.1.2. Приоритетная позиция блогера в контроле над формой и содержанием виртуального текста

Респондент выступает в качестве социального субъекта, который стратегически сдерживает намерения и дискурсивные действия инициатора общения. Несомненно, что у блогера больше подобных стра-

тегических возможностей (в частности, инициатор общения может удалять неуместные, по его мнению, реагирующие сообщения, санкционировать ненормативное дискурсивное поведение респондента). По отношению к респондентам блогер может применять принудительную силу. Эта сила задействуется блогером, если он сдерживает альтернативную позицию респондента или его неуместное дискурсивное поведение. Сдерживание предполагает, что респондент призван осознать важность целостного разворачивания блогового текста, а не разрушать этот текст. В собранном нами фактологическом материале не содержится таких фрагментов блогового текста, в которых инициатор общения реализовывал бы стратегию угрозы по отношению к ненормативному дискурсивному поведению респондента.

В связи с этим как мы полагаем, есть основания утверждать, что участники компьютерно-опосредованного общения осознают важность целостного разворачивания межличностного взаимодействия, поскольку:

- а) респонденты вносят свой вклад в развитие коммуникации с «оглядкой» на право блогера выступать модератором их сообщений;
- б) блогер в свою очередь исходно уверен, что респонденты, оформляя реакции на стимулирующее сообщение, руководствуются этим его правом.

Кроме того, тот факт, что блогер задает тематику предстоящего общения, может также расцениваться как потенциальное ограничение дискурсивной деятельности респондентов, которые призваны поддерживать и детализировать тему, которая была исходно заявлена инициатором виртуального общения.

Блоговый текст анализируется в нашем исследовании, исходя из наличия / отсутствия доступа респондентов к социально ценностным источникам блогосферы, потенциальной способности собеседников взаимно ограничивать дискурсивную активность друг друга. Исходя из подобной перспективы прагматического анализа рассматриваемые тексты выявляют асимметричную природу. Раздел комментариев реагирующих собеседников формирует в тексте блога такое пространство, в котором зарождаются иные асимметричные отношения, связанные с тем, что действия одних респондентов ограничиваются инициатором общения, в то время как деятельность других респондентов поощряется. Таким образом, дискурсивное противостояние собеседников в

блогосфере обладает динамическим характером, может фактически оспариваться тем или иным реагирующим субъектом. В ходе обсуждения перспективы развития межличностных взаимоотношений между блогером и респондентами мы приходим к заключению, что деятельность участников компьютерно-опосредованной коммуникации выявляет взаимозависимость друг от друга. При первом приближении эта взаимозависимость связывается с тем, что обмен информацией между собеседниками базируется на симметричных / асимметричных взаимоотношениях.

Подобная взаимозависимость системно проявляется в контексте такого диалогического общения, при котором собеседники на взаимной основе ратифицируют попеременно манифестируемые ими роли говорящего и слушающего субъектов (более подробно см. [Борисова, 2001: 73—75; Виноградова, 2007: 14; Яковлева, 2005: 119]). В ходе разворачивания целостного блогерского текста собеседники фактически преодолевают эту взаимозависимость, поскольку блогер и его респонденты исходно обладают конкретными ожиданиями относительно практики инициации стимулирующих сообщений-суждений и реагирующих комментариев. Данные ожидания, по всей видимости, играют ключевую роль в установлении коммуникативного контакта между участниками компьютерно-опосредованного общения. В целях гармоничного разворачивания блогерского текста каждый из собеседников, как правило, затрачивает определенные усилия для дальнейшего поддержания интеракции друг с другом.

В процессе обеспечения структурных параметров виртуального текста блогер по сравнению с потенциальными респондентами априорно наделен специфическими полномочиями. Дискурсивная деятельность инициатора компьютерно-опосредованного общения, как представляется, оказывается сопоставимой с творчеством журналиста, порождающего публицистические произведения. При отражении социально-политической событийности журналист задает содержательный аспект создаваемого текста с опорой на смысловые ключи, программирует у целевой аудитории определенную точку зрения, в том числе идеологического порядка.

Одновременно автор публицистического текста вынужден прислушиваться к коммуникативным потребностям своей аудитории, про-

гнозировать ее текущие интересы, ту смысловую позицию, которую она стремится подтвердить, установить, нуждаются ли читатели в навязывании того или иного мнения [Коханова, Калмыков, 2014: 218].

Успех журналистской деятельности связывается как с процессом производства публицистического произведения (его содержательной стороны и имплицитных оценок), так и с профессиональной обязанностью удовлетворять потребности и интересы, актуальные для потенциальной читательской аудитории. В отличие от читателей печатных СМИ респонденты, реагирующие на сообщения блогера, не могут быть квалифицированы в качестве «молчаливого большинства». Вместе с тем между дискурсивными практиками журналиста и блогера обнаруживается определенная аналогия. Как и журналисты, блогеры в ходе достижения успеха своих сайтов зависят от своих потенциальных респондентов, а поэтому предпринимают попытки удовлетворить как явные, так и предполагаемые потребности своих адресатов.

3.3.2. Конверсационный контроль над целостным разворачиванием блогерского текста и дискурсивное противостояние собеседников

В контексте нашего исследования мы трактуем дискурсивное противостояние блогера и респондентов в терминах осуществляемого ими конверсационного контроля над:

- 1) интерактивными моделями взаимодействия, т. е. правом выражения личностной точки зрения и обязанностью соблюдать очередность озвучивания своего голоса;
- 2) тематической целостностью разворачиваемого виртуального текста.

В блогерских текстах подобный конверсационный контроль осуществляется прежде всего респондентами, которые реагируют на стимулирующие суждения в виде комментариев. Эти комментарии в свою очередь формируют содержательные и структурные блоки для последующего развития взаимодействия собеседников, являясь своеобразным виртуальным пространством, совместно конструируемым блогером и респондентами. Очевидно, что участники компьютерно-опосредованного общения обладают соответствующей компетенцией, на основе которой

четко дифференцируются стимулирующие и реагирующие сообщения. Эта компетенция формируется на основе знаний о проявлении полномочий, поддержке мнения собеседника и противостояния этому мнению в самых разнообразных контекстах естественной коммуникации.

Динамические связи между конверсационным контролем, осуществляемым блогером и респондентами над целостным разворачиванием виртуального текста, и дискурсивным противостоянием их смысловых позиций наглядно иллюстрируются с опорой на теоретические принципы анализа устного спонтанного диалога. Устная диалогическая коммуникация трактуется исследователями, в том числе как попытка озвучить личностную точку зрения, сфера реализации альтернативных воззрений на обсуждаемую проблему.

Попеременно меняясь коммуникативными ролями говорящего субъекта и адресата, собеседники осуществляют взаимный контроль над целостным разворачиванием темы обсуждения, ограничивают реализацию речевых намерений друг друга. Вступая в межличностное взаимодействие участники устного диалога наделяются определенными социальными статусами, отражающими их конкретные позиции в структуре интерактивного обмена стимулирующими и реагирующими репликами. Речевые намерения собеседников часто носят контрастный характер, что непременно требует учета фактора адресата.

Текущие исследования, посвященные проблемам взаимодействия собеседников в компьютерно-опосредованном общении, также свидетельствуют о наличии динамических связей между возможностью озвучить личностное мнение, интерактивной природой обмена сообщениями, контролем над обсуждаемой темой и дискурсивным противостоянием собеседников. Отмечается, что при анализе контекстов подобного общения не могут быть прямолинейно использованы те модели и схемы, которые характерны для устной коммуникации [Розина, 2009: 289; Розина, 2016: 40; Аникин, Михайлова, 2019: 5].

В рамках данного параграфа нашей работы мы проанализируем те теоретические положения, которые являются релевантными для изучения целостного разворачивания блогерского текста при активации дискурсивного противостояния между собеседниками. Поскольку эта проблематика находится в стадии разработки, мы будем выводиться из уже существующих теоретических положений и практических разра-

боток, существующих в теории компьютерно-опосредованной коммуникации, те исследовательские импликации, которые проявляют свою действенность при анализе проблематики, актуальной для нашего научного исследования.

3.3.2.1. Проблема доминирования в компьютерно-опосредованной коммуникации

Собеседники, доминирующие в компьютерно-опосредованном общении, порождают больше текстовых фрагментов; по сравнению с сообщениями эпизодических собеседников их суждения чаще получают реагирующие комментарии. Озвучивание своего мнения или реализация коммуникативной роли адресанта представляет собой такое диалогическое действие, которое связывается с проявлением определенных полномочий, поскольку в тот или иной момент разворачивания общения говорящий субъект имеет возможность оказывать конструктивное влияние на семантическое содержание и форму взаимоотношений. В контексте устной диалогической коммуникации субъект берет на себя роль адресанта в результате того, что его собеседник предоставляет ему такую возможность, или вследствие своей индивидуальной инициативы. Таким образом, вступление в диалог в качестве адресанта предопределяется следующими двумя факторами:

- 1) «голосовая» партия участника диалога (субъекта, играющего роль слушающего в данный момент коммуникации) назначается говорящим субъектом;
- 2) слушающий субъект пользуется правом озвучивания своей точки зрения, проявляя личностную инициативу в общении.

В условиях компьютерно-опосредованной коммуникации проявление инициативы в выражении собственного мнения, т. е. когда респондент реагирует на стимулирующие сообщения, по сравнению с устным диалогическим общением, проявляет свои специфические особенности. Автоматизированная подача сообщений исключает возможность перебивания собеседниками друг друга: последующие суждения-реакции активируются лишь после того, как полностью заполняется слот предшествующего сообщения.

Респонденты оказываются зависимыми от блогера в том плане, что их реагирующие комментарии получают ратификацию после того, как блогер одобряет эти комментарии и добавляет их к предшествующему фрагменту виртуального текста. В свою очередь респондентам нет необходимости конкурировать друг с другом за право озвучивать личностные суждения, поскольку теоретически они могут отсылать бесконечное множество комментариев.

Однако на отдельных блоговых сайтах устанавливаются ограничительные нормы в отношении протяженности реагирующих сообщений, которые автоматически срабатывают в компьютерной системе. Реакция, представляющая собой мнение респондента по обсуждаемой проблеме, оформляется в соответствующем формате сообщения с учетом такого фактора, как участие в структуре совместно разворачиваемого виртуального текста.

С точки зрения действующего формата сообщения комментарии респондентов активируются в тексте в результате предоставления подобного права со стороны блогера (точно так же, как в устной диалогической коммуникации говорящий субъект предоставляет право голоса слушающему собеседнику). Исходя из фактора структурного разворачивания текста блогер решает, будут ли комментарии респондентов активированы в качестве тестового фрагмента (в отдельных случаях блогер может блокировать реагирующие сообщения, если они нарушают разговорные нормы общения или не соответствуют обсуждаемой проблематике).

В лингвистической литературе, посвященной прагматической специфике реализации фактора адресанта в компьютерно-опосредованной коммуникации, прослеживается системная связь между объемом производимого текстового сегмента и возможностью приобретения разговорного контроля над процессом общения. Демонстрируется, что в ходе обсуждения актуальной проблематики в учебной среде собеседники обладают неравным статусом как в плане инициации суждений, так и в аспекте частотности реагирования на те или иные стимулирующие сообщения [Тищенко, 2009; Тищенко, 2011].

В этих исследованиях фокусируется внимание на базовых параметрах виртуального общения, которые характеризуют гендерную принадлежность участников общения: собеседники мужского пола оформляют

свои суждения в форме более пространных сообщений, чем собеседники женского пола, а чаще получают реагирующие реплики. Вместе с тем детальный анализ дискурсивного поведения собеседников разной гендерной принадлежности дает возможность представить группы тех собеседников, которые получают доминирующее положение в общении. Эти группы собеседников подразделяются на два типа, а именно — на тех субъектов коммуникации, которые:

- 1) активно участвуют в целостном разворачивании совместно порождаемого текста за счет инициации большого количества сообщений;
- 2) иницируют несколько сообщений, которые предлагают оригинальное решение обсуждаемой проблематики, а поэтому сопровождаются многочисленными реакциями.

В контексте компьютерно-опосредованного общения выделяются следующие разновидности сообщений, которые эффективно воздействуют на целостность и объем совместно порождаемого виртуального текста:

- суждения, освещающие обсуждаемую проблематику в релевантном свете, а поэтому активно вовлекающие иных собеседников в процесс общения;
- суждения, производящие юмористический эффект;
- суждения, содержащие провокацию или намеренно вводящие противоречивые факты [Габдрафикова, 2018: 497; Палкова, 2014: 85; Романова, 2019: 63].

С опорой на понятие «фактор участия в целостном разворачивании виртуального текста» исследователи выделяют две конструктивные роли участников компьютерно-опосредованного общения:

- 1) отправитель (инициатор общения, который первоначально иницирует сообщения);
- 2) респонденты (субъекты, реагирующие на стимулирующие сообщения).

В текущих научных исследованиях все чаще анализируется специфическая координирующая роль респондента, которая характеризуется в терминах доминирующего контроля над процессом совместного разворачивания виртуального текста и — наряду с инициатором общения — определения проблемных направлений поступательного

развития беседы. Выделяются следующие параметры дискурсивного поведения подобного респондента:

- повышенная частотность представления реагирующих суждений на сообщения инициатора общения и иных респондентов;
- наделение ролью компетентного эксперта в области обсуждаемой проблематики;
- установление дружеских отношений с участниками общения, в том числе посредством юмористических реагирующих суждений;
- способность инициировать новые направления беседы, выявлять отдельные детали обсуждаемой проблематики, вводить новые проблемные узлы в общение;
- регулирование процесса общения посредством указания иным респондентам на слабые места в их аргументативном обосновании реагирующих суждений [Володина, Ковальчук, 2019: 40; Akay, Kalashnikova, Kalashnikov, Pshenichnaya, 2017: 10—11; Kalashnikova, Akay, Tsarevskaya, Volodina, Tsybenko, 2017: 162—163].

Как представляется, указанная выше функциональная нагрузка респондента-координатора компьютерно-опосредованной коммуникации непосредственно связывается с такими способами контроля над процессами поддержания виртуальной беседы, как:

- частотное озвучиванием индивидуального голоса (реализация реагирующих суждений, предстающих своеобразным речевым стимулом для иных респондентов);
- упорядочивание дискурсивных ходов собеседников, попеременно меняющихся коммуникативными ролями адресанта и адресата;
- фокусирование текущего внимания собеседников на целостном разворачивании темы общения (введение новых аспектов или уточнение уже обсуждаемых).

Очевидно, что собеседники, познакомившиеся в предварительном ходе общения, играют конструктивную роль в совместном разворачивании блоггового текста, факт их знакомства друг с другом обеспечивает коммуникативную основу для будущего плодотворного взаимодействия. Поскольку межличностное взаимодействие, осуществляемое в контексте общественного виртуального окружения, происходит при

непосредственном участии свидетелей (активных блоггеров и респондентов, пассивных читателей блогговых сообщений), манифестация дружеских намерений фиксируется всеми участниками общения (более подробно см. [Калашникова, 2010]).

В лингвистических исследованиях, посвященных проблемам компьютерно-опосредованного общения, также прослеживается важность реагирующих суждений респондентов в связи с осуществлением конврсационного контроля над целостным разворачиванием совместного виртуального текста. Подобные реакции играют особую конструктивную роль в таких контекстах виртуального межличностного взаимодействия, при которых нейтрализуются конкурирующие отношения между собеседниками в плане возможности представления своего мнения (как, например, в блогговых текстах) [Авросимова, 2018: 65; Мельникова, Ощепкова, 2018: 70—71; Полякова, 2010: 43].

Вместе с тем реагирующие сообщения предстают единственным свидетельством того, что семантическое содержание блоггового текста воспринимается и интерпретируется представителями виртуального сообщества. Обнародование комментирующих высказываний-реакций со стороны тех или иных респондентов в свою очередь фиксирует тот факт, что в блогговом тексте молчание определенной группы собеседников может восприниматься как прагматически значимое, предполагающее игнорирование выражаемых точек зрения на обсуждаемую проблему. В этой связи прослеживается существенная взаимозависимость между количеством отправленных сообщений и объемом тех сообщений, которые стали стимулом для последующих реакций. Суммарная совокупность этих высказываний составляет общий корпус выражаемых мнений, формирующий целостный блогговый текст.

Респонденты-координаторы компьютерно-опосредованного общения наделяются следующими коммуникативными ролями:

- привилегированный получатель сообщений, т. е. он фактически является адресатом тех высказываний, которые эксплицитно не обращены к конкретному участнику коммуникативного процесса;
- ратифицированный получатель сообщений, т. е. он имеет возможность инициировать комментарии на те суждения, которые обращены иному респонденту.

Таким образом, респонденты-координаторы потенциально выступают получателями всех возможных сообщений, реализуемых в рамках блоггового текста.

Согласно нашим наблюдениям, подавляющее большинство респондентов оказываются авторами лишь одного реактивного сообщения. Случаи интерактивного обмена двумя-тремя сообщениями между двумя конкретными собеседниками являются скорее исключением, чем правилом. В этой связи особый интерес представляет собой исследование среднего количества реагирующих сообщений на один и тот же стимул в рамках взаимоотношений «блоггер — респондент» и «респондент — респондент», а также прагматических типов дискурсивных шагов, реализуемых собеседниками в данных сообщениях.

Как представляется, подобный ракурс научного исследования дает возможность проследить респонсивный потенциал стимулирующих и реагирующих суждений (исходную нацеленность участников виртуального общения на обратную связь друг с другом), манифестируемых в контексте совместно разворачиваемого блоггового текста. Вместе с тем релевантным оказывается определение того, различается ли указанный потенциал в реактивных сообщениях, адресатом которых предстает (а) блоггер и (б) иной респондент.

Решение подобной проблематики приобретает особую актуальность в свете суждений исследователей о наличии так называемых привилегированных респондентов в компьютерно-опосредованной коммуникации [Ляпун, Хабекирова, 2016: 79—80] и доминировании блоггера в ходе последующего разворачивания виртуального текста за счет реагирующих сообщений (т. е. суждения блоггера являются основной точкой реагирования со стороны других участников общения) [Савельева, 2018: 85].

Заявленные выше положения обнаруживают следующие проблемы в исследовательской работе:

- какие модели реагирующих реплик комментирования системно выделяются в блогговых текстах?
- какую прагматическую роль играют реактивные сообщения, построенные по выделяемым нами моделям, в ходе дискурсивного противостояния блоггера и респондентов?

Указанные выше глобальные проблемы предполагают решение следующих частных вопросов:

- какова средняя частотность и лингвистическая специфика реагирования блоггеров на одно и то же стимулирующее сообщение, инициируемое блоггером?
- какова средняя частотность реагирования блоггера на реактивные суждения респондентов? Каковы лингвистические особенности реакций блоггера?
- какова частотность реагирования респондентов на одно и то же актуальное сообщение другого респондента? Каковы лингвистические особенности данных реакций?

Средняя частотность реагирующих сообщений предопределяется количественным подсчетом реакций на один и тот же стимул; выявление языковой специфики реагирующих суждений предполагает определение респонсивного потенциала ответных сообщений, направленного на установление и поддержание обратной связи с участниками компьютерно-опосредованной коммуникации. Решению всех этих актуальных проблем целостного разворачивания блоггового текста посвящается следующая глава нашего исследования.

3.3.2.2. Проблема контроля над поддержанием внимания собеседников к исходной тематике обсуждения

Собеседники, доминирующие в ходе разворачивания блоггового текста, осуществляют контроль над поддержанием внимания участников общения к той теме, которая задана в исходном стимулирующем сообщении блоггера. Контроль, осуществляемый собеседниками над темой общения, — актуальный параметр разворачивания не только устного спонтанного диалога, но и компьютерно-опосредованного общения, в частности реализуемого в блогговых текстах [Баженова, Иванова, 2012: 127; Матюхина, 2019: 122; Полякова, 2009: 110]. Тема текущего обсуждения («топик») раскрывает семантическое содержание дискурса, совместно порождаемого собеседниками в тексте блога, своего рода его краткое изложение. Контроль над дискурсивным содержанием текста, моделируемого на стыке стимула и реакций, пред-

стает важным параметром противостояния собеседников в межличностном взаимодействии, поскольку субъект, контролирующий тему общения, одновременно контролирует и направление развития текущего взаимодействия участников коммуникации.

Тема общения, актуальная для текущего взаимодействия блогера и респондентов, определяется в нашем исследовании в том числе как содержательный ресурс, потенциально подвергаемый влиянию со стороны всех участников виртуального общения. Проблема контроля над темой общения предполагает такие дискурсивные шаги, как инициация новой темы, т. е. сдвиг от одной темы к другой, поддержание внимания собеседников к текущей теме обсуждения. В научной литературе, посвященной проблемам компьютерно-опосредованной коммуникации, прослеживается неявная взаимосвязь между контролем над темой текущего обсуждения и общим разговорным контролем над целостным разворачиванием совместно порождаемого текста.

В проанализированных нами теоретических источниках, исследующих диалогические и риторические возможности блогерского общения:

- содержатся указания на актуальность проблемы выявления языковых и прагматических средств фокусирования внимания собеседников на обсуждаемой теме, определение условий дезинтеграции темы обсуждения и связей между этой темой и доминированием в обсуждении тех или иных участников компьютерно-опосредованной коммуникации (более подробно см. [Козлова, 2018; Чекунова, 2016; Шляховой, 2019] и др.);
- прослеживается связь между темпоральным фактором, стратегиями самопрезентации и постепенными и закономерными сдвигами в обсуждаемой теме общения (с течением времени тема общения, задаваемая исходным стимулирующим сообщением блогера, уточняется, детализуется, а нередко и изменяется на новую тему) [Визигина, 2015; Савицкая, 2011 (а); Савицкая, 2011 (б)].

Как мы уже заметили, в поступательном разворачивании блогерского текста конструктивную роль играют респонденты-координаторы. Со-

гласно нашим наблюдениям, респонденты, берущие на себя функцию координации межличностного взаимодействия, порождают приблизительно одну треть часть от суммарного количества реагирующих сообщений. В связи с этим у них появляется возможность управления локальными темами обсуждения в своих интересах. Можно говорить о том, что в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации между доминированием того или иного собеседника и контролем над темой текущего обсуждения обнаруживается определенная взаимосвязь.

Респонденты-координаторы не только вносят самый существенный вклад в расширение объема блогерского текста (посылают больше сообщений, чем иные участники общения), контролируют процесс целостного разворачивания данного текста (задавая вопросы и вводя императивные предписания остальным («не доминирующим») респондентам), но и порождают своеобразные метакомментарии о дискурсивных действиях группы собеседников, обсуждающих одну и ту же тему, занимают доминирующее положение в детализации и уточнении обсуждаемой тематики.

Как представляется, возможным является измерение контролирующего процесса разворачивания обсуждаемой темы с опорой на подсчет общего количества реакций, полученных на определенный стимул. С логической точки зрения успешной будет считаться такая тема обсуждения, которая поддерживается наибольшим количеством реагирующих сообщений, инициированных не только респондентами-координаторами, но и другими респондентами.

Само понятие комментария указывает на то, что он является реакцией на предварительно обнародованное сообщение. Вместе с тем в процессе виртуального общения функцию контроля над обсуждаемой темой могут приобретать те или иные респонденты, вводя новую тематику или фокусируя внимание собеседников на теме, представленной другим респондентом. Если респондент выдвигает сообщение, не соответствующее текущей теме обсуждения, последующий респондент имеет возможность представить оценочную реакцию на это сообщение, поддержать данную новую тему и тем самым наметить сдвиг в тематическом однообразии текущего коммуникативного процесса.

Контекстуальный параметр, задаваемый в компьютерно-опосредованном общении, предопределяет ту норму взаимодействия собеседников, в соответствии с которой наиболее релевантной реакцией на стимулирующее сообщение предстает комментирование тех или иных сегментов пропозиции стимула. Думается, что в основе исследования процессов последующего разворачивания темы респондентами, исходно заданной блогером, лежит эмпирический (в том числе и статистический) анализ реагирующих суждений, поддерживающих тему, обнаруженную стимулирующим сообщением. В свою очередь подобный анализ проливает свет на те контексты виртуального общения, в которых респонденты осуществляют успешный контроль над сменой темы текущего общения.

Указанная выше проблема решается в нашем исследовании с опорой на рассмотрение следующих вопросов:

- определение того, в какой степени поддержание темы, заданной в стимулирующем сообщении блогера, является дискурсивной нормой для респондентов, реагирующих на это сообщение посредством комментария или иных личностных суждений;
- установление того, какие исследовательские импликации выявляет изучение представленного выше вопроса для анализа проблемы дискурсивного противостояния собеседников в контексте разворачивания блогерского текста.

Таким образом, эти вопросы предполагают решение следующих более локальных проблем:

- выявление частотности поддержания темы общения, предлагаемой блогером в исходном сообщении, со стороны реагирующих респондентов;
- исследование того, в какой степени блогер, задавая тему предстоящего общения, контролирует процессы разворачивания (детализации) этой темы респондентами.

Решение первой из указанных локальных проблем предполагает статистический подсчет реагирующих суждений респондентов, выражающих свое субъективное мнение в поддержку темы, исходно установленной блогером для последующего общения. При более детальном

рассмотрении мы призваны проанализировать степень частотности поддержания исходной темы со стороны респондентов в сопоставлении со степенью частотности изменения этой темы в последующем разворачивании блогерского текста. На основании этого мы также проследим, как часто отдельно взятый респондент:

- а) оформляет свои суждения в тематическом ключе, предложенном блогером в стимулирующем сообщении, одновременно фокусируясь на теме, обнаруженной иным респондентом в предшествующем ходе межличностного взаимодействия;
- б) игнорирует тему, исходно предложенную блогером в стимулирующем сообщении, и сосредоточивает свое внимание на новой теме, предложенной респондентом на предшествующем этапе разворачивания блогерского текста.

При развитии коммуникативного сценария (а) сдвиг в теме общения заметно смягчается, поскольку респондент все же признает ту исходную тему, которую обнаружил блогер, хотя и принимает во внимание тему, предложенную другим респондентом на одном из предшествующих этапах разворачивания блогерского текста. Сценарий (б), активируемый в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации, нарушает развитие общения в едином тематическом ключе, тем самым представляет угрозу для социального лица блогера.

Выводы по третьей главе

1. Лингвистическая прагматика исследует эффективные способы передачи смыслового содержания, которое скрывается за буквально выраженными пропозициями. Исходя из данной теоретической установки дискурс интерпретируется как конструкт, потенциально открытый для множественной интерпретации в исходно заданном контекстуальном окружении. Дискурс говорящего субъекта, в том числе и в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации, изобилует неявными смыслами, которые дополняют, уточняют буквально выражаемые значения, нередко вступая с ними в логическое противоречие. Интерпретируя этот дискурс, респондент линейно перерабатывает его, с опорой на контекстуальный фактор эксплицирует

смысловое содержание. В функции первичного контекста выступают текстовые сегменты, порожденные на предшествующих этапах межличностного взаимодействия. Процедуры интерпретации стимулирующих сообщений, к которым прибегают участники устного спонтанного и компьютерно-опосредованного общения, в определенной степени различаются.

2. В рамках данной главы нашей работы мы представили теоретические основания исследования прагматической специфики реактивных реплик согласия / несогласия и их конструктивной роли в разворачивании блогерского текста, проследили те взаимосвязи, которые устанавливаются между реакциями несогласия и дискурсивным противостоянием участников компьютерно-опосредованной коммуникации. При выявлении прагматических особенностей реализации указанных коммуникативных шагов мы сфокусировались на таких лингвокультурологических и социокультурных факторах, как «социальное лицо блогера / респондента», «личностные предпочтения участников виртуального общения», «лингвокультурная предопределенность общения», «формат участия в виртуальном общении».

3. На основе изученных теоретических источников делается вывод о том, что реактивные реплики несогласия с мнением собеседника являются коммуникативными шагами, которые потенциально представляют угрозу социальному лицу автора мнения, обсуждаемого в блоге. Реактивные сообщения, выражающие согласие / несогласие с предварительно обнародованным мнением, формируют прогнозируемые дискурсивные практики участников компьютерно-опосредованного общения, т. е. конкретные модели взаимодействия с учетом контекстуального фактора. Вследствие этого явную перспективность приобретает определение языковых средств манифестации и частотности дискурсивных шагов с иллюзией согласия / несогласия на фоне иных возможных реакций на исходный стимул в ходе совместного разворачивания блогерского текста.

4. Для целей нашего научного исследования реагирующие реплики несогласия, реализуемые респондентами, расцениваются в качестве

устойчивых индикаторов дискурсивного противостояния коммуникантов. Исходя из методологической перспективы исследования действенность анализа реактивных сообщений несогласия с исходным мнением инициатора общения в целях выявления специфики дискурсивного противостояния собеседников системно проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, в ходе анализа подобных сообщений необходимо фиксировать, кем из собеседников — блогером или респондентом — они реализуются, какой конкретный речевой шаг (несогласие с мнением, критика этого мнения и т. д.) стал основой для его инициации. Подобный аспект исследования приобретает конструктивную значимость в нашей работе, поскольку дает возможность проследить, насколько частотным оказывается реагирующее несогласие на исходное несогласие-стимул или стимулирующее сообщение, содержащее критические замечания относительно представленного мнения.

Во-вторых, нам необходимо провести сравнительный анализ реагирующих сообщений несогласия и иных коммуникативных шагов, реализуемых в сходном контексте. В данном случае мы определяем частотность этих сообщений как реакций на разнообразные коммуникативные шаги собеседников, участвующих в совместном разворачивании блогерского текста. Указанный сравнительный ракурс исследования основывается на анализе таких коммуникативных шагов, стимулирующих несогласие, как согласие с исходно обнародованной точкой зрения, комплимент в пользу этой точки зрения или критика, направленная против нее. В этой связи особую актуальность приобретает прагматическое описание моделей взаимодействия собеседников, формируемых в результате реализации реагирующих сообщений несогласия, их роли в установлении дискурсивного противостояния между собеседниками.

5. Моделируя виртуальный текст, блогер, принимая во внимание возможные ожидания респондентов, избирает ту или иную тему для обсуждения или некоторую совокупность тем. Последующие реагирующие суждения респондентов фактически ограничиваются той темой, которая обнародуется в стимулирующем сообщении: респонденты призваны комментировать факты, представленные в стимуле, при-

держиваясь его тематического содержания. Контекст, в котором разворачивается компьютерно-опосредованная коммуникация, исходно предполагает, что детализация исходной темы предстает своеобразной дискурсивной нормой общения.

Глава 4
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОБЕСЕДНИКОВ
В ПРОЦЕССЕ
СОВМЕСТНОГО ПОРОЖДЕНИЯ
СВЯЗНОГО БЛОГОВОГО ТЕКСТА:
СОГЛАСИЕ / НЕСОГЛАСИЕ

4.1. Проблема формирования прагматических моделей взаимодействия собеседников в блогговом тексте

4.1.1. Типология дискурсивных шагов блогеров и респондентов в составе текста блога

В рамках данной главы мы фокусируемся на прагматическом анализе моделей взаимодействия собеседников в процессе совместного порождения связного блоггового текста при наличии дискурсивного противостояния между участниками общения, конструктивной роли респондентов в этом процессе. Особое внимание уделяется тем теоретическим импликациям, которые приобретают анализируемые модели для системного описания компьютерно-опосредованной коммуникации в целом.

Для решения данной проблематики мы выявляем частотность реагирования собеседников на стимулирующее и последующее сообщение, представляем типологию средств реагирования респондентов и блогеров на инициируемые сообщения. Демонстрируется, что, вступая в виртуальное взаимодействие, блогер и респонденты наделяют себя определенными обязательствами, связь между которыми последовательно проявляется в ходе формирования интеракционных моделей, действенных для участников компьютерно-опосредованной коммуникации.

При исследовании моделей взаимодействия собеседников в различных типах коммуникации центральное положение занимает проблематика, связанная с определением частотности ответного реагирования на тот или иной стимул, типов подобного реагирования, объективируемых в дискурсивных шагах респондентов (более подробно см. [Бойко, 2016: 35—37; Плотникова, 2015: 62; Утешева, Жиенбаева, 2016: 217] и др.).

Учет фактора ответного реагирования дает возможность выявить те модели взаимодействия, которые являются актуальными для определенного типа общения, определить частотность участия адресанта и респондента в разворачивании совместного целостного текста. В аспекте нашего научного исследования ключевым моментом предстают процессы кодирования сообщений-комментариев блогера и ре-

спондентов на исходные и последующие стимулы. Типология подобных реакций, релевантных для целостного разворачивания блоггового текста, представлена в Таблице 2. В данной таблице также учитываются реакции блогера, который является автором не только исходного стимулирующего сообщения, но и потенциальных последующих реакций на комментарии респондентов (своего рода «реакций на реакции»).

Таблица 2

Типология ответных реагирований блогеров и респондентов в ходе совместного разворачивания целостного текста

Участник компьютерно-опосредованной коммуникации	Прагматические типы реагирующих сообщений
Блогер	<ol style="list-style-type: none"> 1) реакция на комментирующее сообщение респондента; 2) детализация информативного или аксиологического содержания своей предшествующей реплики; 3) реакция на автономное сообщение респондента; 4) неоднозначные сообщения, совмещающие приведенные выше реакции
Респондент	<ol style="list-style-type: none"> 1) реакция на сообщение блогера; 2) реакция на сообщение иного респондента; 3) детализация информативного или аксиологического содержания своей предшествующей реакции; 4) реакция на последующее уточнение информативного или аксиологического содержания, представленное блогером; 5) реакция на последующее уточнение информативного или аксиологического содержания, представленное иным респондентом; 6) реакция на автономное сообщение, реализованное иным респондентом; 7) неоднозначные сообщения, совмещающие приведенные выше реакции; 8) спам

Как свидетельствуют наши наблюдения, реплики блогеров и респондентов могут представлять собой реакции на предшествующие комментирующие сообщения, автономные сообщения, сообщения, одновременно содержащие индивидуальную точку зрения и комментариев на некоторый предшествующий стимул. Кроме того, в типологию ответных реакций мы включаем такую категорию, как «спам», которая может проявляться в комментирующих сообщениях респондентов.

Типология ответных реакций в составе разворачивающегося блогового текста была определена нами с опорой на метод контент-анализа, поскольку формат сообщений, принятый в блогосфере, предполагает интерактивный обмен стимулами и реакциями, которые не всегда непосредственно стыкуются друг с другом, располагаясь в непримыкающих текстовых сегментах, отграничиваясь иными комментирующими сообщениями.

4.1.2. Частные иллокуции в составе дискурсивного шага собеседника

Одно и то же комментирующее сообщение можно рассматривать как реакцию на один или несколько стимулов. В связи с этим мы маркируем подобные сообщения двояким образом. Например, сообщение респондента может одновременно расцениваться как реализация двух дискурсивных шагов: реакции на стимул блогера и реакции на реагирующую реплику иного респондента, маркирующую нижнюю границу текста в данный момент общения. Подобные сообщения респондента, следовательно, мы трактуем как совмещающие два различных типа ответных реакций. Кроме того, мы разграничиваем два типа дискурсивных шагов участников виртуального взаимодействия:

- 1) дискурсивные шаги, предстающие стимулом для последующих реакций;
- 2) дискурсивные шаги, являющиеся реакциями на предшествующий стимул (или стимулы).

Разграничение, представленное выше, дает нам возможность определить не только конструктивную роль сообщений собеседников в

связном разворачивании блогового текста, но и тот сегмент текста, который получает реакции со стороны самого блогера и/или иных респондентов. Понятие о дискурсивном шаге занимает в нашем научном исследовании одно из центральных мест, поскольку обнаруживание его специфики в контексте блогового текста обеспечивает возможность системного выявления актуальных моделей взаимодействия собеседников. В соответствии с целями, поставленными в данной главе нашей работы, мы группируем дискурсивные шаги участников компьютерно-опосредованной коммуникации в более обобщенные категории, обеспечивая определение этим шагам.

Первоочередную важность для нашего исследования приобретают дискурсивные шаги, которые выявляют коммуникативную практику согласия / несогласия с предварительно обнаруженным мнением блогера или иного респондента. Данная категория дискурсивных шагов формируется за счет таких частных иллокуций, как «согласие», «несогласие», «согласие и несогласие», «критическая позиция по отношению к мнению иного собеседника», «критическая позиция по отношению к собственному мнению», «критическая позиция по отношению к собственному мнению и мнению собеседника», «комплимент в пользу собеседника», «комплимент в пользу собственной позиции», «комплимент в пользу собеседника и себя».

Мы полагаем, что критическое отношение к позиции собеседника, как и комплимент в пользу этой позиции, в концептуальном плане манифестирует собой несогласие / согласие с точкой зрения партнера по виртуальному взаимодействию. Критика в адрес собеседника, как и несогласие со смысловой позицией, выдвинутой этим собеседником, рассматриваются нами как дискурсивные действия, причиняющие ущерб социальному лицу — объекту реагирования, предполагающие озвучивание тех моментов, по которым прослеживается несовпадение во мнениях. Аналогичным образом комплимент, как и согласие, трактуется нами как дискурсивное действие, поддерживающее социальное лицо партнера по взаимодействию, поскольку данная иллокуция направлена на фокусирование внимания на схожести в точках зрения собеседников (более подробно см. [Качевская, Хитина, 2008]). Представленные выше дискурсивные шаги систематизируются в Таблице 3.

**Дискурсивные шаги респондентов,
реализующие согласие / несогласие с мнением собеседника**

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Согласие с мнением собеседника	сегмент дискурса, который в семантическом плане соответствует сегменту дискурса другого собеседника, обнаруживает ту же самую точку зрения или позицию, совместимую с позицией, заявленной в стимулирующем сообщении [Лужная, 2018: 293; Мосалева, Шаронов, 2017: 47]
Несогласие с мнением собеседника	сегмент дискурса, который предстает реакцией на сегмент дискурса другого собеседника, демонстрирует противоположную точку зрения, не совместимую с позицией, заявленной в стимулирующем сообщении [Архипова, 2012: 200]
Согласие и несогласие с мнением собеседника	реактивный дискурсивный шаг, в котором согласие с некоторым сегментом пропозиции стимула одновременно формирует несогласие с другим сегментом этой же пропозиции [Ковальчук, Клеменова, 2018: 47]
Критическая позиция по отношению к мнению иного собеседника	такая ситуация общения, в которой один собеседник реагирует на смысловую позицию другого собеседника суждением, содержащим негативную оценку, озвучивая противоположную точку зрения на обсуждаемую проблематику [Геккина, 2016]
Критическая позиция по отношению к собственному мнению	такая ситуация общения, в которой собеседник реагирует суждениями, содержащими негативную оценку себя и своих действий [Лисанюк, 2014: 25]
Критическая позиция по отношению к собственному мнению и мнению собеседника	такая ситуация общения, в которой собеседник реагирует суждениями, содержащими негативную оценку себя и иных собеседников [Лисанюк, 2014: 27]
Комплимент в пользу собеседника	речевой акт, посредством которого говорящий субъект положительно оценивает мнение собеседника; ассоциируется с выражением согласия с точкой зрения партнера по взаимодействию; похвала и признание действительности смысловой позиции собеседника, манифестируемые при комплименте, лежат в основе отграничения данного речевого акта от собственно согласия [Ван, 2018]

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Комплимент в пользу собственной позиции	речевой акт, посредством которого говорящий субъект позитивно оценивает собственное мнение [Бигунова, 2016: 5]
Комплимент в пользу собеседника и себя	речевой акт, посредством которого позитивно оцениваются одновременно собственное мнение и смысловая позиция собеседника [Бигунова, 2016: 8].

Таблица 4

**Дискурсивные шаги собеседников, нацеленные на поиск
и обеспечение актуальной информации в блогговом тексте**

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Поиск актуальной информации	собеседник запрашивает у участников общения информацию относительно обсуждаемой ситуации, тематического направления блога в целом
Ответные сообщения, обеспечивающие собеседника актуальной информацией при ее предварительном запросе	реагирующие сообщения блогера или респондентов на предварительные стимулирующие вопросительные реплики или проблемное освещение обсуждаемой ситуации; также контексты, в которых блогер или отдельно взятый респондент инициирует диалог посредством стимулирующего вопросительного высказывания, предполагающего дальнейшее совместное и целостное разворачивание виртуального текста
Ответные сообщения, поддерживающие интерактивный обмен актуальной информацией	реагирующие сообщения комментирующего характера, которые обеспечивают актуальную информацию на неявный стимулирующий запрос, содержащийся в предварительном сообщении, предполагают субъективное освещение индивидуального опыта постижения обсуждаемой ситуации, личностной позиции в отношении этой ситуации

Частные проявления дискурсивных шагов, систематизированные в Таблице 3, в том числе согласие и несогласие со смысловой позицией блогера или иного респондента, играют в нашем исследовании особую роль. В прототипическом плане эти шаги ассоциируются с коммуни-

кативными стратегиями поддержания / умаления социального лица собеседника, конструированием солидарности / несовместимости с мнением партнера по виртуальному взаимодействию и в конечном итоге с противостоянием точек зрения собеседников и прагматическими способами его преодоления. В контексте компьютерно-опосредованной коммуникации, реагирования на стимулирующие сообщения участники общения прибегают к указанным стратегиям в ходе интерпретации актуального содержания, уже отраженного в блоговом тексте, взаимного обеспечения диктальной и модусной информацией.

В Таблице 4 детализуются наши представления о тех дискурсивных шагах, которые предпринимаются участниками компьютерно-опосредованного общения в целях нахождения и обеспечения актуальной информации. Поиск актуальной информации и ее реактивное обеспечение формируют прагматически взаимосвязанные дискурсивные шаги, поскольку они обнаруживаются, как правило, в стыкующихся сообщениях или одном и том же сегменте блогового текста. Дискурсивный шаг, нацеленный на информативный поиск, предполагает получение искомого диктального или модусного содержания от конкретного или неуточненного респондента.

В отдельных контекстах блогер или респондент задает вопрос и обеспечивает ответ на него в рамках одного и того же сообщения. Прагматической основой для интерактивного обмена актуальной информацией выступает стимулирующее сообщение блогера, в котором освещается субъективное восприятие ситуации, предлагаемой для обсуждения, выдвигается личностная точка зрения в плане оценки этой ситуации. Респонденты комментируют эту информацию и/или предшествующие комментарии.

Наш предварительный анализ показал, что респонденты (как и блогер при последующем реагировании на сообщения респондентов) в подавляющем большинстве контекстов не обеспечивают собеседников последовательными комментариями к предшествующим сообщениям, а преимущественно фокусируются на собственном индивидуальном видении и личностной оценке обсуждаемой ситуации. Между собеседниками инициируется интерактивный обмен информацией, позволяющий узреть ситуацию исходя из разных, в том числе альтернативных позиций. Очевидно, что в компьютерно-опосредованной коммуника-

ции на уровне блоговых текстов к настоящему моменту конвенцией считается целый ряд семантических и прагматических способов обеспечения собеседника актуальной информацией при ее предварительном явном / косвенном запросе.

В собранном нами фактическом материале феномен обеспечения интерактивного обмена актуальной информацией, как правило, реализуется в формате реагирующих сообщений. Стимулом для него выступает предварительно инициированное автономное сообщение или реагирующий комментарий блогера или иного респондента. Как мы показали выше, этот информативный обмен не всегда носит комментирующий характер, поскольку на передний план общения выдвигается не столько анализ предшествующего мнения, сколько обнаружение собственной индивидуальной позиции.

Таким образом, рассматриваемый нами дискурсивный шаг в связном разворачивании блогового текста может трактоваться в качестве виртуального континуума тех прагматических категорий, которые активируют самые разнообразные способы детализации обсуждаемой ситуации, в том числе с опорой на лингвистическое выражение согласия / несогласия с мнением собеседника.

В составе блогового текста мы выявляем еще одну последовательность дискурсивных шагов, которые нацелены на запрос и предоставление совета в плане перспектив интерпретации обсуждаемой ситуации. В этом отношении отметим, что обеспечение актуальной информацией и совет по возможной интерпретации этой информации как автономные дискурсивные шаги не всегда последовательно разграничиваются в контексте виртуальных взаимоотношений собеседников. При возможности целесообразно проследить, как участники общения взаимно реагируют на дискурсивные шаги друг друга, поскольку эта исследовательская процедура проливает свет на варианты интерпретаций стимулирующих сообщений в ходе реагирования на них.

Вместе с тем в контексте блогового общения не всегда автономно выделяются независимые сообщения, которые демонстрируют индивидуальную точку зрения, и комментирующие сообщения, стимулируемые предварительными постами. На этих основаниях мы дифференцируем указанные дискурсивные шаги с учетом того, включает ли анализируемый текстовый сегмент субъективную оценку, суждения и

указание на возможную интерпретацию обсуждаемой ситуации, нацеленные на программирование у собеседника определенного мнения. При наличии этих форматов мы квалифицируем реагирующее сообщение именно как совет принять видение обсуждаемой ситуации под определенным углом зрения.

В Таблице 5 систематизируются наши представления о дискурсивных шагах, которые манифестируют намерение субъекта сообщения дать совет собеседнику относительно того, в каком свете следует воспринимать ситуацию, обсуждаемую в блоговом тексте. Эти шаги не получают в нашем исследовании системного освещения, но упоминаются в качестве одного из конструктивных средств установления и поддержания фатического контакта между участниками компьютерно-опосредованной коммуникации. Признаем, что многоаспектное изучение гибких взаимосвязей между реализацией дискурсивных шагов поиска и обеспечения совета по аксиологической и гносеологической ориентации в проблематике, обсуждаемой в блоге, и конструированием социальной и психологической идентичности участников виртуального общения представляет явную перспективу для последующих исследований в избранной нами сфере.

Таблица 5

Дискурсивные шаги запроса и реализации совета в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Запрос собеседнику дать совет	сочетание субъективной оценки и поиска направления интерпретации стимулирующего суждения / обсуждаемой ситуации, которое предполагает возможные импликации для последующего формирования некоторого фрагмента картины мира запрашивающего собеседника
Совет на запрос собеседника	обнародование определенного видения обсуждаемой ситуации как следствие явной / косвенной просьбы дать совет
Совет без предварительного запроса собеседника	обнародование определенного видения обсуждаемой ситуации без предварительного запроса соответствующего совета

Интерпретируя собранный нами фактический иллюстративный материал, мы также выделили разнообразные синтаксические конструкции, которые задействуются участниками компьютерно-опосредованной коммуникации в целях поддержания совместного связанного разворачивания блогового текста. В частности, мы проследили конструктивную значимость таких дискурсивных шагов, как извинение, жалоба, поздравление (направленные на собеседника или себя, собеседника и себя одновременно), провозглашение дружеских отношений с собеседником, который обнародовал унисонную точку зрения, обещание, предложение, просьба, благодарность, пожелание.

Все эти дискурсивные шаги, не играющие существенной роли в связанном разворачивании текста блога, систематизируются в Таблице 6. Как представляется, эти шаги указывают на возможность формирования устоявшихся контактов между конкретными собеседниками, так как они потенциально предполагают наличие предшествующего опыта общения.

Таблица 6

Дискурсивные шаги, играющие второстепенную роль в связанном разворачивании блогового текста

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Извинение	оправдание, указание причины, объясняющей предшествующий дискурсивный шаг собеседника, вступившего в полемику [Шафаги, 2010: 86—87].
Жалоба	сожаление, недовольство по поводу дискурсивных шагов собеседника [Харитонов, 2017: 62].
Поздравление в адрес собственной персоны	радость, удовлетворение от инициированного собственного дискурсивного хода в связи с оригинальной трактовкой обсуждаемой ситуации [Дудкина, 2010: 90].
Поздравление в адрес собеседника	радость, удовлетворение от дискурсивного хода, предварительно реализованного партнером по взаимодействию в связи с оригинальной трактовкой обсуждаемой ситуации [Дудкина, 2010: 92].

Окончание таблицы 6

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Поздравление в адрес себя и собеседника	радость, удовлетворение от дискурсивных ходов, реализованных собственно говорящим субъектом и его партнером по взаимодействию в связи с оригинальной трактовкой обсуждаемой ситуации [Латышев, Ветошкина, 2017: 80—81].
Признание в любви / объявление дружбы	явное озвучивание позитивных эмоций, манифестирующих любовь и дружбу по отношению к партнеру по взаимодействию [Дементьев, 2013: 127—129].
Предложение	побуждение собеседника принять искомую смысловую позицию или отказаться от того мнения, которое собеседник занимает в данный момент общения [Мишаква, 2016: 201].
Обещание	обязательство привести искомые доводы в пользу поддержания точки зрения, релевантной в контексте обсуждения актуальной ситуации [Кудряшов, 2017: 70—71].
Просьба	побуждение предоставить искомую информацию или указать ее актуальный источник [Иосифова, 2017: 107].
Благодарность	признательность собеседнику за предоставленную актуальную информацию или позитивный настрой по отношению к выраженному мнению [Фонина, 2010: 204—205].
Желание	потребность получить искомую информацию или ее актуальный источник [Бирюлин, 1992: 21]

Согласно нашим наблюдениям, все эти дискурсивные шаги не играют ведущей роли в связанном разворачивании текста блога. Однако мы их учитывали в нашем исследовании, поскольку они в определенной степени обеспечивают возможность изучения дискурсивных шагов согласия / несогласия в более широком контексте виртуального взаимодействия блогера и респондентов, проливают свет на специфику этого взаимодействия. Так, дискурсивные шаги предложения, обещания и просьбы в обязательном порядке предполагают проявление коммуникативного обязательства одного собеседника перед другим,

что в свою очередь способствует поддержанию фатического контакта между ними не только в контексте текущего взаимодействия, но и на последующем этапе разворачивания блогового текста.

Особое внимание уделяется дискурсивным шагам, которые принимаются блогером и респондентами в целях связанного разворачивания виртуального текста и структурирования стимулирующих и реагирующих сообщений, а именно — метакомментариям и указаниям на предварительно обнародованные суждения. В системном виде эти шаги освещаются в Таблице 7.

Таблица 7

Дискурсивные шаги, нацеленные на структурирование блогового текста

Дискурсивный шаг	Определение дискурсивного шага
Метакомментарии	детализация информации о форме или содержании уже порожденного фрагмента блогового текста.
Отсылка к предварительно инициированному сообщению	указание на форму или содержание предварительно реализованного сегмента отдельного сообщения или сообщение в целом

Метакомментарии, которые структурируют блоговый текст, сигнализируют участнику виртуального общения о том, что смысловая позиция, представляемая им на данном этапе разворачивания блогового текста:

- ранее была уже обнародована иным респондентом или самим блогером;
- не соответствует тематике текущего обсуждения или намечает сдвиг к иной теме;
- может трактоваться как преамбула к последующим комментирующим сообщениям.

Подобный дискурсивный шаг предопределяется не столько информативным содержанием, актуальным для связанного тематического разворачивания блогового текста, сколько ссылкой на предварительно реализованные сообщения и комментарии к этим сообщениям в более

широком контексте интерактивного обмена стимулами и реакциями. Согласно нашим наблюдениям, подобный шаг может предшествовать, следовать или внедряться в иные шаги.

Все дискурсивные шаги, проанализированные в данном разделе нашего исследования, приобретают особую прагматическую значимость при системном изучении моделей взаимодействия блогера и респондентов. Реализация этих моделей, как мы покажем ниже, связывается со специфическими правами и обязательствами участников компьютерно-опосредованной коммуникации, в том числе с полномочиями блогера в сфере последующего структурирования виртуального текста, совместно порождаемого с респондентами.

4.1.3. Проблема прагматического моделирования процессов взаимодействия блогеров и респондентов

В Таблице 8 систематизируются статистические результаты наших наблюдений относительно типологии стимулирующих и реагирующих сообщений, представленной в предшествующем параграфе нашей работы. В частности, учитывается категория субъекта, инициирующего комментирующие сообщения, направленность этих сообщений на конкретного участника компьютерно-опосредованной коммуникации. Мы также вывели процентное соотношение комментариев, являющихся спамом, и детализирующих сообщений, инициируемых как блогером, так и респондентами в отношении своих собственных суждений, выдвинутых на одном из предшествующих этапах разворачивания текста.

Комментирующие сообщения респондентов, реагирующих на сообщения-комментарии блогера или иного респондента, получают в нашем исследовании двойное маркирование, а именно — как реакция на предварительно инициированный автономный стимул и как реакция на предшествующий комментарий блогера (или иного респондента). На этих основаниях общее количество стимулирующих и реагирующих сообщений, собранных нами в корпусе анализируемого материала, и суммарное количество реально учитываемых сообщений при систематизации результирующих данных разнятся. Так, в корпусе исследованных нами блогерских сообщений насчитывается 985 реплик, которые,

Таблица 8

Дискурсивная активность блогеров и респондентов

Комментарии блогеров	Количество реакций
Реакции на комментарии респондентов	64
Детализации собственного предварительно инициированного комментария	17
Реакции на автономные сообщения респондентов	27
Реакции, тип которых определяется неоднозначно	13
Общее количество сообщений	111 / 121

Комментарии респондентов	Количество реакций
Реакции на автономные сообщения блогеров или иных респондентов	207
Реакции на комментарии блогеров	103
Реакции на комментарии иных респондентов	100
Детализации собственного предварительно инициированного комментария	16
Реакции на автономные сообщения и комментарии, стимулируемые дискурсивными шагами блогеров	345
Реакции на автономные сообщения и комментарии, стимулируемые дискурсивными шагами иных респондентов	102
Реакции сразу на несколько стимулирующих автономных сообщений или комментариев	12
Реакции, тип которых определяется неоднозначно	9
Спам-сообщения	2
Общее количество сообщений	874 / 906

в свою очередь, формируют 1027 дискурсивных шагов участников компьютерно-опосредованной коммуникации (т. е. 42 шага получили в нашем исследовании двойное маркирование).

Как свидетельствуют контрольные цифры, представленные в Таблице 8, при конструировании реакций на сообщения комментирующего характера респонденты оказываются намного более активными, чем блогеры (875 сообщений против 111 сообщений).

Подобное положение дел предопределяется общим соотношением блогеров и респондентов, чьи дискурсивные шаги составили корпус анализируемого материала (9 и 503 соответственно). При этом мы учитывали только тех респондентов, которые реализуют дискурсивную деятельность не анонимно, т. е. имеют виртуальный никнейм (имя). Первичный анализ полученных данных позволил нам сделать следующий предварительный вывод, важный для последующего исследования: блогеры обеспечивают 11,3 % от суммарного количества проанализированных сообщений, респонденты 88,7 % соответственно. Другими словами, на одного отдельно взятого блогера приходится 21,3 комментирующего сообщения, на одного отдельно взятого респондента — 1,8 комментирующего сообщения. На этом основании мы приходим к заключению, что блогеры занимают доминирующее положение в последующем разворачивании виртуального текста вследствие того что:

- оказываются ключевым адресатом реагирующих сообщений респондентов;
- наделяются коммуникативной ролью ближайшего собеседника респондентов;
- активно вовлекаются респондентами в дискурсивную деятельность по комментированию и детализации тех точек зрения, которые обнародуются на том или ином этапе взаимодействия участников обсуждения.

Попеременно реализуя коммуникативные роли инициатора сообщений и адресата сообщений респондентов, блогеры приобретают оптимальную возможность контроля над потоком диктальной и модусной информации, т. е. участвовать в дискурсивном противостоянии с респондентами.

Статистические результаты также наглядно свидетельствуют о том, что нечастотными оказываются такие ситуации межличностного взаимодействия собеседников, в которых отдельно взятый респон-

дент реагирует на сообщения другого респондента более чем два раза. В частности, 77 % всех респондентов участвуют в разворачивании блогового текста лишь один раз (т. е. единожды реализуют комментирующее сообщение). Подобная ситуация имеет место даже в ближайшем контексте непосредственно примыкающих друг к другу стимулирующих и реагирующих сообщений.

Подавляющее большинство сообщений блогеров представляет собой реакции на комментирующие сообщения респондентов. В процентном соотношении несущественное распространение получают случаи, когда блогер:

- прибегает к детализации и уточнению своих же собственных предшествующих комментариев на сообщения респондентов (1,8 %);
- повторно освещает (анализирует) проблематику, поднятую в своем предшествующем сообщении (1,6 %);
- реализует комментирующие сообщения, характеризующиеся неоднозначностью, иллюкутивной размытостью (0,9 %).

Среди реакций, которые реализуются респондентами, самыми частотными предстают комментирующие сообщения на исходный стимул блогера (76 %). Безусловно, что основная дискурсивная деятельность респондентов заключается в реагировании на сообщения в зоне ближайшего и дальнего контекста. При этом их текущее внимание сосредоточивается преимущественно на стимулирующих сообщениях блогера (78 %). Однако при анализе непосредственно стыкующихся сообщений (т. е. при формировании диалогического единства в составе блогового текста) выявлен тот факт, что реагирующие комментарии конкретно взятого респондента направлены, как правило, на сообщения другого респондента, а не блогера (9 % против 4 % соответственно).

В теоретическом плане дискурсивный шаг респондента «комментарий на автономное сообщение или иной комментарий» в отношении блогера может быть реализован двояким образом, а именно как: (1) реакция на автономное сообщение; (2) предварительно выдвинутый комментарий. Как это иллюстрируется нами в Таблице 8, приблизительно 9 % этих комментариев носит реактивный характер, стимулом которого выступают сообщения блогера и иного респондента. При этом 1,9 % формируют контексты, в которых отдельно взятый респондент реагирует на одно и то же стимулирующее сообщение блогера два раза.

Эти статистические данные указывают на то, что сегмент блогерского текста, формируемый за счет комментирующих сообщений, также выступает в качестве такого прагматического континуума, в котором осуществляется межличностное взаимодействие респондентов, что в свою очередь проливает свет на возможности реализации конверсационного контроля в тексте блога и, следовательно, проявление дискурсивного противостояния между собеседниками. Данное противостояние системно проявляется, в том числе в указанном прагматическом континууме, в рамках которого респонденты получают коммуникативные роли выразителя мнения и адресата, попеременно меняются этими ролями. Полученные результаты обсуждаются нами в соответствующих разделах данной главы.

Отметим, что такие дискурсивные шаги респондентов, как последующая детализация собственных комментариев, одновременная реакция на несколько сообщений и/или комментариев, неоднозначные реакции и спам, не занимают в нашем исследовании конструктивной позиции, в том числе в силу отсутствия существенной частотности в распространении. Согласно нашим подсчетам, только 3,7 % респондентов одновременно реагируют сразу на несколько предшествующих стимулов. Эти данные учитываются нами при исследовании проблемы, связанной с реализацией контроля над темой обсуждения в ходе связного разворачивания блогерского текста. Респонденты реализуют неоднозначные комментирующие сообщения (9 зафиксированных нами случаев в собранном корпусе примеров) именно в тех контекстах, в которых эти сообщения не маркируются как реакции. Другими словами, в этих сообщениях отсутствует явное языковое маркирование субъекта (блогера и/или иного респондента), к которому обращена реакция.

4.2. Реакции респондентов на стимулирующие сообщения блогеров

Как мы уже показали, наиболее распространенным стимулом для комментирующих реакций респондентов выступает проблематика, которую поднимают блогеры в своем исходном сообщении (345 зафиксиро-

ванных случаев). В связи с этим мы исследуем прагматические способы поддержания проблематики, исходно представленной блогером, со стороны респондентов. В целях проведения этого исследования мы фокусируемся на процессах функционирования наиболее частотных дискурсивных шагов, посредством которых респонденты реагируют на сообщения блогеров. Статистические данные об этих шагах систематизируются в Таблице 9. Анализ осуществлялся из расчета 906 реагирующих действий респондента в ходе связного разворачивания блогерского текста.

Таблица 9

Наиболее частотные дискурсивные шаги респондентов, реагирующих на сообщения, исходно стимулируемые блогерами

Дискурсивный шаг	Количество и процентное соотношение
Комплимент в пользу собеседника	241 (30,3 %)
Ответные сообщения, обеспечивающие собеседника актуальной информацией при ее предварительном запросе	197 (24,8 %)
Согласие с мнением собеседника	150 (18,8 %)
Ответные сообщения, обеспечивающие собеседника актуальной информацией при ее предварительном запросе	86 (10,8 %)
Несогласие с мнением собеседника	68 (8,5 %)
Совет без предварительного запроса собеседника	52 (6,8 %)
Общее количество дискурсивных шагов	794 (100 %)
Иные дискурсивные шаги	112
Общее количество дискурсивных шагов	906

Дискурсивные шаги, манифестирующие комплимент респондента в пользу блогера и согласие с его мнением, представляются наиболее

частотными в блоговом тексте (49,1 %). Высокая частотность данных шагов является следствием потребности респондентов поддержать социальное лицо блогера, осветить его с положительной стороны. Подобный характер взаимоотношений собеседников оказывает конструктивное воздействие на процессы сглаживания дискурсивного противостояния блогера и респондентов.

Кроме того, учитывая все возможные комментирующие реагирования в связном разворачивании блогового текста (т. е. реакции как респондентов, так и блогеров), мы подсчитали, что комплимент респондента в пользу блогера составляет 85 % всех комплиментов, которые формируют комментирующие сообщения. В контекстах взаимодействия собеседников, в которых дискурсивный шаг респондента направляется непосредственно на сообщения блогера, сама личность блогера выдвигается в сильную позицию, начинает занимать привилегированное положение. Мнение блогера приобретает более высокий статус по сравнению с респондентами.

В примере (35) каждый четвертый респондент реагирует на исходные суждения посредством явно выражаемого комплимента в пользу блогера или того события, которое он освещает. Дискурсивные шаги, репрезентирующие комплимент инициатору общения и пропозициональному содержанию стимулирующего сообщения, в связном разворачивании блогового текста насчитывают 25 %. Ср.:

(35) *«— Итоговый в Лондоне — одно из самых стабильных соревнований в истории финальных турниров АТР... В том, что Британия умеет проводить теннисные турниры, не сомневается никто. Но история «Уимблдона» и его статус не позволяли слишком сильно экспериментировать с новыми технологиями. Сложно представить лазерное шоу на Центральном корте или стюардов, разносящих по знаменитому уимблдонскому холму попкорн. Итоговый же, проходящий на крытом харде, довольно быстро превратился в одну из самых стильных площадок в туре...»*

— (1) *Спасибо за отличный материал! Сразу захотелось побывать на этом замечательном празднике тенниса!*

— (2) *Шикарный пост! Спасибо!*

— (3) *Данная статья-мнение журналиста, чья специализация — футбол. В этом плане теннис действительно выгодно отличается.*

— (4) *Спасибо за экскурс за кулисы! Здорово!*

— (5) *Какой замечательный пост. Фото просто класс. Про турнир: когда увидела селфи великопленной восьмерки 2019 года, поймала себя на мысли: Роджер, Новак и Рафа как то выглядят очень незаметно, скромно на фоне молодых, красивых, дерзких и высоких (Берритини очень фотогеничен, он когда попадает в кадр, занимает собой все пространство).*

— (6) *Турнир — супер. Приятно удивляют полные трибуны, что редко бывает на теннисе. Грамотная идея — построить спортооружение с инфраструктурой торгового центра. Ну и уже привычные для залов освещенный корт с затемненными трибунами — что придает теннису некую гламурность и театральность. В общем, кто бы не выиграл, — смотреть одно удовольствие!»*
[Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Реагирующие комментарии 1, 2, 4, 5 представляют собой комплименты в пользу высокого профессионализма блогера по освещению теннисных турниров. Респонденты проявляют доверие публицистическому мастерству инициатора общения, таким образом наделяют его ролью компетентного индивида, который дает квалифицированную оценку популярному спортивному событию. В реагирующем сообщении 3 данная роль заметно усиливается за счет указания на то, что блогер, специализируясь на анализе футбольных матчей, тем не менее дает релевантную оценку теннисному турниру. В суждениях, формирующих дискурсивный шаг 6, респондент выражает комплимент в пользу спортивного события, которое освещается в стимулирующем сообщении.

Как свидетельствуют статистические данные, обобщенные в Таблице 9, при связном разворачивании блогового текста респонденты, реагируя комментирующими сообщениями, отдают предпочтение дискурсивным шагам, которые поддерживают социальное лицо собеседника, позитивно усиливают значимость выражаемого им мнения для конструктивного взаимодействия в целом. Вместе с тем респонденты

также озвучивают несогласие с предварительно обнародованной точкой зрения (8,5 % дискурсивных шагов), навязывают собеседнику свое видение обсуждаемой ситуации без предварительного запроса совета об этом (6,8 % дискурсивных шагов).

В целях релевантной оценки указанных данных для нашего исследования представляется необходимым проанализировать суммарный срез функционирования рассматриваемых нами дискурсивных шагов во всех типах комментирующих сообщений, а именно — в текстовых сегментах, репрезентирующих не только реакции респондентов на стимулы блогеров, но и комментарии иных респондентов, а также ответные реплики блогеров на комментарии респондентов. Результаты этого анализа, выходящие за рамки статистических подсчетов, приводимых в Таблице 9, привели к следующим выводам. Если реагирующие комментарии исходно стимулируются сообщениями блогера, реакции несогласия и предварительно незапрашиваемого совета, как зафиксировано в Таблице 9, составляют 8,5 % и 6,8 % соответственно от общего числа учтенных дискурсивных шагов респондентов. В целом же подобные реакции, реализуемые как блогерами, так и респондентами, насчитывают 40,5 % и 73 % соответственно. Установлено, что несогласие более частотно озвучивается блогерами, реагирующими на комментарии респондентов, а также респондентами, комментирующими мнения иных респондентов.

Частотность дискурсивного шага «предварительно незапрашиваемый совет» при суммарном срезе их функционирования в блогеровом тексте проливает свет на то, что общепринятой коммуникативной практикой среди респондентов, вступающих в виртуальное общение, предстает наделение себя функцией компетентных экспертов в обсуждаемой ситуации. Респонденты реализуют подобный дискурсивный шаг, несмотря на то, что именно блогер обладает первоочередными полномочиями по структурно-семантическому разворачиванию виртуального текста. Указанное положение дел, в частности, иллюстрируется во фрагменте текста (36), в котором блогер, выдвигая стимулирующее сообщение, не запрашивает у потенциальных респондентов совета по возможной психологической интерпретации освещаемой ситуации, приводит беспристрастные сведения о мужчинах из своей семьи. Тем не менее один из респондентов сигнализирует о том, что обладает достаточными

психологическими знаниями о мужчинах и настоятельно советует, как с ними вести себя блогеру. Ср.:

(36) «— ...Вот я перечислила самых близких для меня мужчин. Вы скажете, у кого нет недостатков... Это не недостатки. Но я никого не обвиняю, я просто констатирую. Возможно, женщины нашей семьи и моя подруга (которая, вероятно, похожа на меня, иначе она не была бы моей подругой) виноваты сами. Не знаю. Мне трудно судить, потому что я одна из них...

— Анализ Вам не нужен... У Вас все еще впереди, просто Вы не стучитесь в “те самые” двери. Попробуйте...» [Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/>].

В подобном контексте межличностного взаимодействия респондент, очевидно, делает попытку сравнить свой коммуникативный и социальный статус с полномочиями блогера, не допустить дискурсивного противостояния с ним. Респондент проявляет инициативу паритетного общения с блогером, признает за собой право «равного среди равных собеседников» в ходе совместного разворачивания виртуального текста.

В добавление к этому следует также отметить конструктивную роль действия фактора «обеспечение интерактивного обмена актуальной информацией» в ходе связного разворачивания текста блога. В контекстах, при которых отдельно взятый респондент признает стимулирующее сообщение блогера исключительно как отправную точку для обнародования субъективного мнения, он задействует раздел комментариев виртуального текста в целях:

- доминировать во взаимодействии собеседников;
- вербально представлять свой опыт и аргументы как равные по коммуникативному статусу смысловой позиции блогера;
- выступать как субъект взаимодействия, предопределяющий тематическую перспективу совместного разворачивания текста.

Как представляется, подобное дискурсивное поведение респондента предопределяется намерением компенсировать отсутствие тех полномочий по структурно-семантическому упорядочиванию виртуального текста, которые априорно присущи блогеру, обрести контроль над формой и содержанием разворачиваемого текста. Усиливая праг-

матическую релевантность комментариев, респондент максимально пользуется своим правом озвучивать субъективную точку зрения и привносит в обсуждение собственную индивидуальную перспективу видения ситуации, несмотря на несбалансированность участия в структурно-семантическом разворачивании текста, которая исходно устанавливается между ним и блогером.

Особая частотность дискурсивного шага «реагирование на стимулирующее сообщение блогера» по сравнению с иными типами шагов, прагматическая важность выражения согласия с мнением инициатора общения проливает свет на то, что комментирующие реакции респондентов знаменуют собой такое виртуальное пространство, которое обеспечивает возможность исчерпывающе обсуждать ту проблематику, которую поднимает блогера в стимулирующем сообщении. В собранном нами фактическом материале подавляющее большинство диалогических единств, репрезентирующих интерактивный обмен информацией, реализуется в таком контексте, при котором они могут свободно восприниматься и интерпретироваться массовой аудиторией — известными и неизвестными собеседниками, сторонними наблюдателями. Преимущественно эти единства характеризуются динамической структурой, отражают специфику общения между блогерами и респондентами и состоят из двух—четырёх стимулирующих и реагирующих дискурсивных ходов.

Классическая схема взаимодействия информацией между блогером и отдельно взятым респондентом включает в себя, как правило, стимулирующее сообщение и реагирующий комментарий; блогер также может впоследствии реагировать на комментарий респондента, а респондент — на реакцию блогера. В обоих контекстах (т. е. когда взаимодействие информацией представлен двумя и четырьмя репликами) блогер оказывается центральным субъектом, организующим коммуникативный процесс. При этом характер обсуждения актуальной ситуации свидетельствует о том, что блогер воспринимается респондентом в качестве целевого адресата, наиболее предпочитаемого собеседника.

Конвенциональный формат интерактивного обмена сообщениями в совместно порождаемом тексте фокусирует внимание всех собеседников на привилегированном статусе взаимоотношений между бло-

гером и респондентами с опорой на непосредственный взаимообмен сообщениями между респондентами. В ходе связного разворачивания текста респонденты приобретают оптимальную возможность обмениваться мнениями и аргументами на взаимной основе. Однако каждый из респондентов отдает первостепенное значение установлению и поддержанию фатического контакта с блогером. Другими словами, блогер в отличие от своих респондентов априорно обладает безграничными коммуникативными и дискурсивными полномочиями, когда он иницирует стимулирующее сообщение. Необходимость придерживаться той проблематики, которую поднимает блогер в этом сообщении, трактуется респондентами как своего рода свидетельство тематического ограничения высказываемых ими мнений.

Указанный ракурс общения системно реализуется в девяти из десяти проанализированных нами блогерских текстах (см. Таблицу 10). В каждом из этих текстов нами был произведен статистический подсчет всех реализованных дискурсивных шагов респондентов с опорой на ту типологию, которая была разработана для Таблиц 2, 8 и 9. Прослеживая дистрибуцию комментирующих сообщений респондентов, мы выявили, что всего лишь в одном из десяти блогов (в Таблице 10 он условно обозначен как Б-1) обнаруживается иная модель взаимодействия собеседников.

Кроме того, в Б-1 наблюдается минимальное процентное соотношение количества комментирующих сообщений респондентов к общему числу дискурсивных шагов всех участников виртуального взаимодействия (70,7 %). В остальных девяти блогерских текстах это соотношение заметно превышает 70 %.

Вполне закономерным оказывается тот факт, что с большей долей вероятности взаимодействуют друг с другом респонденты, которые уже накопили совместный коммуникативный опыт взаимодействия друг с другом. Очевидно, что респонденты, вступая в общение, чувствуют себя в более комфортном положении, если у них уже имеется предварительный опыт взаимодействия с блогером (или они знают его лично). Так, судя по характеру взаимодействия, можно говорить о том, что блогер в Б-1 уже имел опыт общения приблизительно с половиной респондентов, вступивших в межличностное взаимодействие.

Статистика комментирующих сообщений респондентов в блоговых текстах

Тип комментирующего сообщения респондента	Корпус блоговых текстов и общее количество сообщений в них (суммарное количество / %)									
	Б-1 (65)	Б-2 (58)	Б-3 (193)	Б-4 (72)	Б-5 (49)	Б-6 (201)	Б-7 (85)	Б-8 (142)	Б-9 (57)	Б-10 (117)
Реакция на исходный стимул блогера	12/ 26,7	33/ 63,4	77/ 52	30/ 51,7	17/ 53,1	97/ 53	38/ 53,5	68/ 52,7	23/ 54,7	57/ 56,4
Реакция на последующий комментарий блогера	4/ 8,7	5/ 9,6	21/ 14,1	13/ 22,4	7/ 21,8	34/ 18,5	12/ 16,9	22/ 17	7/ 16,6	16/ 15,8
Реакция на комментарий иного респондента	15/ 32	3/ 5,7	13/ 8,7	6/ 10,3	3/ 9,3	17/ 9,2	0/ 0	9/ 6,9	2/ 4,7	8/ 7,9
Последующая детализация собственного реагирующего комментария	3/ 6,5	1/ 1,9	12/ 8,1	2/ 3,4	2/ 6,2	7/ 3,8	5/ 7	10/ 7,7	6/ 14,2	10/ 9,9
Реакция на комментарий или независимое сообщение, стимулом которого послужило исходное сообщение блогера	4/ 8,7	2/ 3,8	7/ 4,7	3/ 5,4	1/ 3,2	9/ 4,9	5/ 7	12/ 9,3	3/ 7,1	4/ 3,9
Реакция на комментарий или независимое сообщение, стимулом которого послужило исходное сообщение иного респондента	2/ 4,3	3/ 5,7	9/ 6	1/ 1,7	1/ 3,2	6/ 3,2	4/ 5,6	4/ 3,1	3/ 7,1	3/ 2,9
Последующая детализация собственного реагирующего комментария к сообщениям нескольких респондентов	4/ 8,7	4/ 8	6/ 4	2/ 3,4	1/ 3,2	9/ 4,9	5/ 7	3/ 2,3	4/ 9,5	1/ 2,1
Неоднозначные реакции	2/ 4,3	1/ 1,9	3/ 2,4	1/ 1,7	0/ 0	4/ 2,5	2/ 2,1	1/ 1	1/ 2,7	2/ 1,9
Суммарное количество реагирующих сообщений респондентов для каждого блога	46/ 70,7	52/ 89,6	148/ 76,6	58/ 80,5	32/ 75,3	183/ 91	71/ 83,5	129/ 90,8	42/ 73,6	101/ 86,3

Этот опыт был непосредственно накоплен в ходе обсуждения иной проблематики (так, как показали наши наблюдения, в других разделах блогосферы этого же самого автора в обсуждении принимают участие от 20 до 40 % респондентов, отреагировавших в Б-1). В Б-2 ... Б-10 принимает участие от 7 до 25 % респондентов, знакомых блогерам по предварительному компьютерно-опосредованному взаимодействию. Именно такое среднее процентное соотношение было выявлено нами в ходе анализа участия определенного круга респондентов на разных страницах блога, который ведется одним и тем же субъектом. Специфика взаимодействия респондентов, представленная в Б-1, по сравнению с блоговыми текстами Б-2... Б-10 также проявляется, если мы берем в расчет те контексты, в которых блогер и респонденты явно отмечают, что знают друг друга по общению на других страницах при обсуждении иной проблематики.

Случаи эксплицитного маркирования подобных отношений в комментирующих сообщениях конкретно взятого респондента, нацеленных на сообщения иного респондента, в собранном нами корпусе фактического материала достаточно редки (два контекста взаимодействия двух респондентов в рамках одного и того же блогового текста, в частности Б-1 и Б-2). В этих виртуальных текстах подобные взаимоотношения разворачиваются между двумя респондентами, которые отличаются наиболее активным участием в обсуждении тех ситуаций, которые исходно были предложены блогерами.

Проанализированные нами фактические данные не дают возможности установить причинно-следственные отношения между лингвокультурными факторами, отмеченными выше. Однако мы не отрицаем вероятность того, что собеседники, вступающие в общение в контексте блоговых текстов, обладают предварительным опытом обмена сообщениями друг с другом, не всегда явно заявляя об этом. Полученные нами результаты предполагают наличие ассоциативной связи между процессами взаимодействия собеседников («блогер — респондент», «респондент — респондент»), суммарным количеством собеседников, вступающих в коммуникативный контакт друг с другом, и актуальными структурами (практиками) межличностного взаимодействия участников компьютерно-опосредованного общения.

В свою очередь подобная связь предопределяет реализацию блогерами и респондентами конврсационного контроля над связным разворачиванием виртуального текста.

4.3. Реакции блогеров на сообщения респондентов

Как зафиксировано нами в Таблице 8, 64 дискурсивных шага блогеров (52,8 % из расчета 121 шага) представляют собой комментирующие реакции на сообщения респондентов. В связи с данным показателем в настоящем разделе нашего исследования мы анализируем специфику дискурсивной деятельности блогеров, связанной с комментированием сообщений респондентов.

Прежде всего мы рассматриваем такие проблемы, как:

- определение частотности инициации блогерами сообщений комментирующего характера (как отдельно взятого сообщения, взаимосвязанного с предшествующими реакциями респондентов на стимул конкретного блогера);
- выявление того, какой функциональной нагрузкой обладают комментирующие реакции блогеров в ходе связного разворачивания виртуального текста (как отдельно взятые дискурсивные шаги, реализуемые в ходе связного разворачивания виртуального текста);
- установление мотивационных факторов, лежащих в основе комментирующей деятельности блогеров как совокупности реакций на предшествующие сообщения респондентов.

Для выявления специфики дискурсивной деятельности инициатора компьютерно-опосредованного общения, связанной с комментированием сообщений респондентов, а также частотности комментирующих реакций этого субъекта мы снова обращаемся к фактическим данным, содержащимся в десяти блоговых текстах, уже проанализированных нами с позиции дискурсивной активности респондентов. Дальнейшее исследование этих текстов показало, что они обладают вариативными особенностями в плане реагирования блогеров на комментирующие сообщения респондентов. Фактор вариативности дал нам возможность разделить исследуемые виртуальные тексты на следующие два типа,

а именно — тексты, в которых блогеры реагируют на сообщения респондентов, ответивших на исходный стимул:

- 1) на регулярной основе;
- 2) на избирательной основе.

Частотность реакций блогеров в данных типах виртуальных текстов отражена в Таблице 11. Тексты, формирующие первый тип, включают блоги Б-1, Б-3, Б-4, Б-5, Б-10; ко второму типу относятся блоги Б-2, Б-6, Б-7, Б-8, Б-9. В первом типе виртуальных текстов реакции блогеров на комментирующие сообщения респондентов приблизительно составляют от 88,8 % (в Б-10) до 60 % (в Б-3). Во втором типе текстов блогеры заметно проявляют меньшую активность в реагировании на реплики собеседников, вступивших в компьютерно-опосредованное общение. Так, в тексте Б-9 обнаруживается лишь одна реакция блогера; в остальных текстах частотность вторичной активности блогера составляет 15,3—33,3 %, что значительно меньше, чем в первом типе виртуальных текстов (за исключением Б-2, который мы проанализируем отдельно).

С учетом процентного показателя частотности реагирования блогера на комментарии респондентов виртуальный текст Б-2 был отнесен нами ко второму типу, несмотря на то, что этот показатель заметно приближается к тем процентным соотношениям, которые характерны для текстов второго типа. Иницируя стимулирующие сообщения в этом тексте, блогер фактически проявляет не меньшую дискурсивную активность, чем блогеры текстов первого типа. Отнесение текста Б-2 ко второму типу обуславливается следующими основаниями.

Частотность реакций блогера на комментарии респондентов, зафиксированная для текста Б-1, была нами несколько «округлена», поскольку между респондентами в этом тексте обнаруживаются существенные разногласия, отсутствие единодушия в признании общей точки зрения. В связи с этим данный текст преимущественно включает в себя такие сегменты, которые отражают информативный взаимообмен между респондентами. Этот фактор в свою очередь предопределяет снижение частотности реагирования блогера на комментарии, принадлежащие респондентам, его лишь маргинальную вовлеченность в обсуждение актуальной проблемы. Вместе с тем блогер реагирует на контрастные комментарии спорящих респондентов на регулярной основе.

Реакции блогера на комментарии респондентов

Тип комментирующего сообщения блогера	Корпус блогеровых текстов и общее количество сообщений в них (суммарное количество / %)									
	Б-1 (65)	Б-3 (193)	Б-4 (72)	Б-5 (49)	Б-10 (117)	Б-2 (58)	Б-6 (201)	Б-7 (85)	Б-8 (142)	Б-9 (57)
	Первый тип					Второй тип				
Реакция на комментарий респондента	13/ 68,4	27/ 62,3	10/ 71,4	15/ 88,2	16/ 88,8	3/ 66,7	4/ 22,2	4/ 28,5	2/ 15,3	1/ 6,6
Последующая детализация собственного стимулирующего сообщения	1/ 5,2	5/ 11,1	1/ 7,1	0/ 0	1/ 5,6	2/ 33,3	10/ 55,5	5/ 35,7	8/ 61,5	10/ 66,6
Реакция на автономное сообщение респондента	3/ 15,7	12/ 26,6	3/ 21,4	2/ 11,8	1/ 5,6	0/ 0	2/ 11,5	4/ 28,5	2/ 15,3	2/ 13,3
Неоднозначные реакции	2/ 10,7	0/ 0	0/ 0	0/ 0	0/ 0	0/ 0	2/ 11,5	1/ 7,3	1/ 7,9	2/ 13,3
Суммарное количество реагирующих сообщений блогеров для каждого текста	19/ 29,2	45/ 23,3	14/ 19,4	17/ 34,6	18/ 15,3	6/ 10,3	18/ 8,9	14/ 16,4	13/ 9,1	15/ 26,3

Основанием того, почему частотность реагирования блогера в тексте Б-2 приближается к таковой, зафиксированной для текста Б-1, предстает использованная нами методология анализа, основанная на фактическом подсчете количества реакций блогера на комментарии респондентов.

Данные, приведенные в Таблице 11, отражают то количество реакций блогера, которое отмечается для отдельного сообщения, написанного конкретным респондентом. Мы не принимали в расчет тот факт, что отдельно взятая реакция блогера может теоретически быть адресована более чем одному респонденту. Подобный подсчет является релевантным для нашего исследования, поскольку блогер в тексте Б-1 в рамках единого сообщения на регулярной основе реагирует на комментарии нескольких респондентов, как это иллюстрируется в примере (37). Ср. фрагмент текста Б-1:

(37) «— Я вообще-то не говорил, где плохо, где хорошо, и далее по всем вашим спискам. Просто некорректно для сравнения с английскими ценами давать цену окко для России без прочих данных. Выглядит, как будто у нас это копейки стоит по сравнению с ними. Хотя даже в ваших комментариях фигурирует цифра 240 тр в месяц, а у нас очень многие за 15—20 живут...» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

В данном реагирующем комментарии блогер разъясняет отдельные положения своего стимулирующего сообщения, которые вызвали критику сразу нескольких респондентов. Блогер текста Б-2 не прибегает к подобной практике совокупного комментирования нескольких сообщений респондентов в рамках одной и той же реакции, а поэтому по своим структурным характеристикам он приближается к текстам второго типа. В нашем исследовании мы задействуем такой характер одновременной реакции блогера на сообщения множественного респондента как один из факторов разграничения двух типов анализируемых нами десяти виртуальных текстов. В текстах, формирующих первый тип, по сравнению с текстами второго типа блогеры производят более широкий диапазон дискурсивных шагов, частотно реагируют на комментарии нескольких блогеров одним сообщением, в котором

обобщается критическая информация, предварительно полученная от этих респондентов.

В Таблице 12 приводится процентное соотношение дискурсивных шагов блогеров, реагирующих на комментарии респондентов для первого и второго типов виртуальных текстов. При этом для удобства интерпретации дискурсивной деятельности блогеров мы не включили в Таблицу 12 те шаги, которые не получили реализацию (ср. с дискурсивными шагами, представленными в Таблице 8).

Суммарное количество анализируемых шагов блогеров было извлечено нами из Таблицы 11 (см. опция «реакция на комментарий респондента»):

- для текстов первого типа (Б-1, Б-3, Б-4, Б-5, Б-10) 13 + 27 + 10 + 15 + 16 = 81 дискурсивный шаг;
- для текстов второго типа (Б-2, Б-6, Б-7, Б-8, Б-9) 6 + 18 + 14 + 13 + 15 = 66 дискурсивных шагов.

Таблица 12 наглядно иллюстрирует, что в сравниваемых нами типах виртуальных текстов на вариативной основе реализуется 22 дискурсивных шага блогеров. При этом в первом типе текстов эти шаги получают полную реализацию, во втором типе текстов находят воплощение только 12 шагов инициатора компьютерно-опосредованного общения.

Таблица 12

Типы дискурсивных шагов, реализуемых блогером при реагирующем комментировании на сообщения респондентов

Тип дискурсивного шага	Блоги первого типа (количество / %)	Блоги второго типа (количество / %)
Согласие с мнением респондента	8 / 9,8	10 / 15,1
Извинение за неточную информацию	2 / 2,4	0
Жалоба на резкость респондента или неточную интерпретацию им исходной информации	2 / 2,4	1 / 1,5
Жалоба на себя за неточную информацию в стимулирующем сообщении	1 / 1,2	0
Поздравления в адрес респондента	1 / 1,2	0

Окончание таблицы 12

Тип дискурсивного шага	Блоги первого типа (количество / %)	Блоги второго типа (количество / %)
Поздравление в адрес себя	1 / 1,2	0
Поздравление в адрес себя и респондента	3 / 3,7	0
Критика в адрес респондента	2 / 2,4	3 / 4,5
Критика в адрес себя	1 / 1,2	1 / 1,5
Критика в адрес себя и респондента	2 / 2,4	0
Объявление любви / дружбы	2 / 2,4	0
Несогласие с мнением респондента	9 / 11,1	10 / 15,1
Обещание обеспечить релевантной информацией	2 / 2,4	1 / 1,5
Обеспечение респондента актуальной информацией	15 / 26,9	17 / 48,8
Обеспечение обменом актуальной информацией	3 / 3,7	4 / 6
Ссылка на предшествующие комментарии и/или автономные сообщения	1 / 1,2	0
Просьба дать искомую информацию	1 / 1,2	0
Метакомментарии, структурирующие виртуальный текст	2 / 2,4	3 / 4,5
Благодарность в адрес респондента	14 / 17,2	2 / 3
Неоднозначная реакция, дискурсивное значение которой явно не прослеживается	1 / 1,2	2 / 3
Совет, который предварительно не запрашивается респондентом	1 / 1,2	2 / 3
Пожелание в адрес респондента	2 / 2,4	0
Суммарный подсчет реакций (количество / %)	81 / 100	66 / 100

Различия между дискурсивными практиками блогеров, инициировавших два типа виртуальных текстов, последовательно прослеживаются с учетом такого параметра, как реагирование на комментарии респондентов. Эти различия усматриваются прежде всего в общем количестве реакций на дискурсивные стимулы респондентов (ср. 81 реакция в первом типе текстов и 66 реакций во втором типе текстов). Количественный показатель этих реакций в разных типах текстов отражает несходный диапазон дискурсивных шагов, предпринимаемых блогерами в целях поддержания связного характера речевых произведений. Тот факт, что блогеры первого типа текстов производят более разнообразные дискурсивные шаги, на наш взгляд, отражает тенденцию к реагированию на подавляющее большинство комментирующих сообщений респондентов.

Другими словами, сообщения респондентов оказываются вне зависимости от семантического содержания и прагматической нагрузки существенным стимулом для блогеров повторно вступать в акты общения и обнародовать дополнительную информацию, в том числе и модусного характера (ср., например, тот факт, что дискурсивный шаг «благодарность в адрес респондента» реализуется блогерами в 17,2 % контекстов). Блогеры поддерживают связное разворачивание виртуального текста вне зависимости от того, какой вклад вносят респонденты в этот процесс, признавая их право на выражение индивидуального мнения. Тип дискурсивного шага, реализуемый блогером, реагирующим на сообщение респондента, по всей видимости, предопределяется тем, какое речевое действие расценивается им как наиболее релевантное в текущий момент взаимодействия с собеседником.

В частности, можно говорить о том, что в конкретном контексте межличностного взаимодействия комментирующие сообщения респондентов, по терминологии А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина, «иллокутивно вынуждают» [Баранов, Крейдлин, 1992: 12] реализацию наиболее уместного дискурсивного шага блогера. Так, комплимент или поздравления от лица респондента влекут за собой выражение благодарности блогером. Ср.:

- (38) «— Какой же классный текст. Спасибо, Даша!
— Какая же Дария крутая! (с)

— *Спасибо, дорогие мои, в следующий раз расскажу вам, как «Ливерпуль» проиграл в Неаполе»* [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Очевидно, что диалогические шаги комплимента в адрес блогера, выдвигаемые двумя респондентами, оказываются прагматической основой для иллокутивно вынуждаемой благодарности со стороны блогера. Блогер не только принимает активное участие в связном разворачивании виртуального текста на начальном этапе создания текстового произведения, но и устанавливает непосредственный контакт с респондентами, предоставляет им право выразить свою точку зрения, детализировать информацию, уже обнародованную в тексте на предшествующих этапах взаимодействия собеседников.

Анализ блогерских текстов второго типа показал, что инициатор компьютерно-опосредованного общения реагирует на комментирующие сообщения респондентов в зависимости от типа реализуемых ими дискурсивных шагов. При этом реакции блогеров, по сравнению с текстами первого типа, являются менее разнообразными, поскольку самих реакций оказывается намного меньше. Как показали наши наблюдения, блогеры преимущественно обеспечивают респондентов актуальной информацией при ее предварительном запросе, выражают несогласие с критическими замечаниями в свой адрес, соглашаются со смысловыми позициями, которые, по их мнению, удачно уточняют исходное сообщение, благодарят респондентов за оказанную информационную поддержку своей точки зрения. В подобных текстах предстает частотность реакций, направленных на обеспечение респондентов актуальной информацией или выражение несогласия с мнением респондентов. Фактически согласие / несогласие с точкой зрения респондентов представлено в обоих типах текстов сходной пропорцией (ср. согласие 9,8 % и 15,1 %; несогласие 11,1 % и 15,1 % соответственно).

Очевидно, что каждый дискурсивный шаг, реализуемый блогерами, оказывается одновременной реакцией на несколько сообщений респондентов. Некоторые реакции предстают более релевантными, чем иные реакции, реализованные с опорой на контекстуальный фактор. Самой высокой частотностью обладают дискурсивные шаги, в основе которых лежит обеспечение респондентов актуальной информацией

(48,8 % от суммарного числа всех произведенных реакций). Как представляется, подобное положение дел свидетельствует о том, что блогеры второго типа виртуальных текстов проявляют гибкую тенденцию к предоставлению респондентам ответов на задаваемые вопросы. Ср.:

(39) «— У тебя и у меня фактически один и тот же вес. И мне тоже надо идти на свадьбу подружки, только в апреле. И я тоже хочу надеть платье 50 размера. Так хочется влезть в него. А ты какого размера носишь платья при таком весе?

— Давно не занималась шопингом и не покупала себе платья. Подозреваю, что у меня сейчас 52-й размер. Но с натяжкой влезаю и в 48-й размер, только садиться не могу и живот сильно сдавливает, что, я бы сказала, не придает мне привлекательности» [Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/>].

Реагируя на стимулирующее сообщение блогера, респондент фокусирует внимание на общей, фоновой информации о своем весе, предстоящих планах и связанных с ними проблемах личного характера, делает запрос с целью получить от собеседника специфические сведения аналогичного характера. Другими словами, реагирующий собеседник создает прагматическую основу для последующего интерактивного обмена актуальной информацией с инициатором общения. Блогер обеспечивает респондента искомой информацией.

Наши наблюдения показывают, что в текстах Б-2, Б-7, Б-8, относящихся ко второму типу, блогеры озвучивают несогласие с мнением респондента преимущественно как реакцию на предварительно выдвинутое несогласие этого респондента с диктальным или модусным содержанием стимулирующего сообщения. Ср.:

(40) «— Я не вижу смысла Варди сравнивать с Кейном. Оба отличные форварды и не нуждаются в возвышении себя путем приписания достоинств соперника. Я усомнился в справедливости ваших слов, что «Варди тащил команду к чемпионству». Он далеко не был единственным лидером в команде. Главным лидером, если уж на то пошло, был Марез. Кстати, и приз игроку сезона получил тогда он, а не Варди.

— Вы извините, но вам про Фому, а вы упрямо про Ерему. Варди — это именно звезда. Человек, делающий разницу. Причем абсолютно неважно, на каком уровне — чемпионат Европы, АПЛ или матч за первенство завода. Справедливо, что у него есть титул, а у Кейна пока нет, и не факт, что будет» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Выдвигая ответное сообщение, респондент демонстрирует точку зрения, несовместимую со смысловой позицией, которая озвучивается блогером в исходном стимулирующем сообщении. Несогласие затрагивает ситуацию с Марезом, нападающим британской футбольной команды «Лестер», который, по мнению респондента, является рядовым игроком команды. В свою очередь блогер, реагируя на несогласие респондента, квалифицирует подобное мнение как не действенное, приводит субъективные аргументы в поддержку своей исходной позиции.

Другими словами, несогласие респондента побуждает блогера к поиску нового обоснования своего исходного суждения. Это обоснование призвано воздействовать на модусную сферу несогласного респондента. Если исходное стимулирующее сообщение содержит преимущественно диктальную информацию, то при ее последующем аргументировании блогер прибегает к модусному воздействию на критически настроенного респондента с целью убедить его в действительности исходно выдвинутой точки зрения.

Сравнительный анализ дискурсивной деятельности блогера, прослеживаемой в исследованных нами виртуальных текстах, показал, что взаимосвязь между комментирующими сообщениями, производимыми респондентами, и реакциями блогеров на эти комментарии оказывается менее последовательной в текстах второго типа. Все респонденты, принимающие участие в связном разворачивании блогерского текста, действуют как ратифицированные собеседники, реализуя свое коммуникативное право реагировать позитивными / критическими комментариями на стимулирующие сообщения инициатора компьютерно-опосредованного общения.

Блогеры, реагирующие на комментарии респондентов на регулярной основе, вне зависимости от того, какой дискурсивный шаг реализуют эти комментарии, ратифицируют потребность собеседников к

выражению своего мнения, одновременно наделяют их полноценной ролью адресата, таким образом потенциально предопределяя возможность любого респондента выступить следующим собеседником. Те же блогеры, которые инициируют реакции лишь на определенные типы дискурсивных ходов респондентов, наделяют избранных респондентов привилегированной ролью к выражению мнений.

Проанализировав собранный нами практический материал в терминах дискурсивной практики респондентов, мы пришли к заключению, что реагирующие собеседники блогера в текстах Б-1, Б-3, Б-4, Б-5 и Б-10 фактически ограничивают диапазон потенциально возможных шагов инициатора общения. Комментируя исходные сообщения, респонденты в этих текстах делают попытку взять инициативу по последующему разворачиванию виртуального текста в свои руки, занять коммуникативную позицию, которая была бы равной позиции блогера. В виртуальных текстах второго типа подобной инициативности не наблюдается, респонденты неявно выражают согласие с доминирующим положением блогера в межличностном общении.

Тот факт, что блогеры избирательно реагируют на сообщения респондентов, создает в тексте основу для иерархии комментирующих реакций. Комментарии, на которые блогер отреагировал, соответственно получают в разворачивающемся тексте привилегированный статус в свою очередь распространяющийся на личность их автора. Остальные респонденты оказываются своего рода свидетелями подобного «социального поглаживания» избранного респондента. Если конкретный респондент получает привилегированную позицию в виртуальном тексте, то эта позиция рассматривается как самоочевидная среди всех других участников компьютерно-опосредованной коммуникации.

С большой долей вероятности блогеры реагируют на комментирующие сообщения, которые содержат явное несогласие респондентов с точкой зрения на обсуждаемую ситуацию, представленную в исходном стимуле. В подобном контексте создается прагматическая основа для интерактивного обмена информацией и эмоциями, многоаспектного обсуждения актуального события, что позитивно сказывается на связном разворачивании виртуального текста. Другими словами, личностная перспектива видения мотивационных основ комментирующей деятельности в компьютерно-опосредованной коммуникации

предопределяет реальные дискурсивные практики реагирования блогеров на сообщения своих респондентов.

Как правило, блогеры, реагируя на комментарии респондентов, эксплицитно не озвучивают информацию о своих первостепенных полномочиях в разворачиваемом тексте и не берут на себя обязанность отвечать ответным действием на все сообщения своих собеседников. Не испытывая потребности принимать участие во всех обсуждениях, инициируемых респондентами, блогеры могут обходить молчанием некоторые реакции, особенно те, которые не соответствуют исходно выраженной смысловой позиции на обсуждаемую ситуацию.

Однако, как мы показали, блогеры виртуальных текстов первого типа (в частности в «Живом Журнале Британцевой») реагируют на максимально возможное количество комментирующих сообщений респондентов как позитивных, так и сугубо критических. Как представляется, это связывается с тем, что инициаторы общения испытывают потребность в создании и поддержании своего виртуального сообщества, привлечение постоянных собеседников на свой блог с тем, чтобы сформировать устойчивый круг общения с определенным контингентом субъектов, который обладает искомыми лингвокультурными характеристиками.

В частности, подобная потребность реализуется в коммуникативном акте выражения благодарности респонденту за комментарий (так, в тексте Б-1 подобный дискурсивный шаг оказывается наиболее частотным в дискурсивной деятельности блогера, 43,4 % от всех инициированных блогером шагов). Как свидетельствует особая частотность реакций инициатора компьютерно-опосредованного общения в первом типе виртуальных текстов, коммуникативная функция блогеров заключается в том числе и в обеспечении респондентов ответными сообщениями при соблюдении норм уместности для этих сообщений.

4.4. Реакции респондентов на сообщения иных респондентов

Личностные взаимоотношения между блогерами и респондентами занимают в совместном разворачивании текстового произведения превалирующую позицию. Однако респонденты также налаживают

и поддерживают фатические контакты между собой, обмениваются актуальной информацией, минуя коммуникативный контроль со стороны блогера. В частности, подобное положение дел ярко проявляется в тексте Б-1, демонстрирующем собой уникальную модель взаимодействия респондентов. Мы уже обсуждали проблематику, связанную с потенциальными основаниями альтернативного моделирования блогерского текста с учетом особой дискурсивной активности респондентов, утверждали, что лингвокультурные факторы предопределяют прагматическую перспективу взаимодействия участников компьютерно-опосредованной коммуникации (а именно — линий взаимодействия «блогер — респондент», «респондент — респондент») в совокупности с таким параметром, как количественный состав собеседников.

Так, в тексте Б-1 обнаруживается не только интерактивный обмен информацией между блогером и респондентами, но и гибкий контакт между различными респондентами (согласно нашим наблюдениям, между собой взаимодействуют приблизительно 45—50 % собеседников, комментирующих сообщения друг друга без учета реакций блогера). Очевидно, что некоторые респонденты знакомы друг с другом по общению на сайте данного блогера или на сайтах иных блогеров. Этот факт выявляется при анализе взаимообмена несогласиями, которые имеют место между данными собеседниками. При посредничестве блогера данные респонденты часто обмениваются интерактивными сообщениями: комментарии, озвученные ими, также выявляют тот факт, что они общаются не только опосредованно, но и в контексте личных встреч. Несмотря на то что доминирующей моделью формирования остальных девяти виртуальных текстов выступает приоритетность взаимодействия блогеров и респондентов, мы также обнаружили многочисленные примеры интерактивного обмена комментирующими сообщениями между респондентами.

В текстовых сегментах, иллюстрирующих данный обмен, можно проследить тенденцию к осуществлению контроля над информационным потоком со стороны респондентов как языковые показатели зарождения дискурсивного противостояния между собеседниками, реагирующими на комментарии друг друга. Наши наблюдения показали, что тенденции к усилению межличностного взаимодействия респондентов наиболее последовательно проявляются в тех виртуаль-

ных текстах, в которых сами блогеры лишь эпизодически реагируют на сообщения своих потенциальных собеседников.

Собранные нами фактические данные систематизируются в Таблице 13, в которой приводится частотность и процентное соотношение реагирующих комментирующих сообщений, инициированных респондентами, а также комментариев, в контексте которых отдельно взятый респондент одновременно реагирует на сообщения блогера и иных респондентов. Общие статистические сведения были извлечены нами из:

- Таблицы 2 путем вычисления стимулирующих и реагирующих сообщений, произведенных блогерами;
- Таблицы 8 путем вычисления реакций, которые интерпретируются как неоднозначные и спам.

Таблица 13

Реакции респондентов на комментарии иных респондентов

Тип комментирующего сообщения респондента	Корпус блогерских текстов и общее количество сообщений в них (суммарное количество / %)									
	Б-1 (65)	Б-2 (58)	Б-3 (193)	Б-4 (72)	Б-5 (49)	Б-6 (201)	Б-7 (85)	Б-8 (142)	Б-9 (57)	Б-10 (117)
Реакция на комментарий иного респондента, стимулом для которого выступило исходное сообщение блогера	33 / 50,7	19 / 32,7	28 / 14,5	32 / 44,4	12 / 24,4	93 / 46,2	27 / 31,7	51 / 35,9	22 / 38,5	27 / 23,0
Реакция на автономное сообщение иного респондента	9 / 49,3	33 / 67,3	119 / 85,5	24 / 55,6	20 / 75,6	82 / 53,8	44 / 68,3	75 / 64,1	18 / 61,5	70 / 77,0
Суммарное количество реагирующих сообщений блогеров для каждого текста	42 / 70,8	52 / 89,7	147 / 76,7	56 / 80,6	32 / 65,4	175 / 91,19	71 / 83,6	126 / 90,9	40 / 73,7	97 / 84,7

Мы учитывали следующие две разновидности количественных показателей:

- 1) реакции отдельно взятых респондентов на комментарии иных респондентов, стимулом для которых выступили исходные сообщения блогеров;
- 2) реакции на зависимые и автономные сообщения и комментарии, стимулируемые дискурсивными шагами иных респондентов.

Суммарное количество реакций, проанализированных в данной таблице, составило 837 дискурсивных шагов, которые были приняты за 100 % всех реализаций комментариев респондентов. Процентное соотношение совокупных реакций респондентов в рамках каждого блогерского текста выводилось путем вычета процентного показателя дискурсивной деятельности блогера (см. Таблицу 2).

Высокий процент реагирования респондентов на сообщения иных респондентов соответственно проявляется в тех виртуальных текстах, в которых блогеры реализуют ответные действия не на регулярной основе (тексты Б-2, Б-6, Б-8). Дискурсивная активность блогеров в плане реагирования на комментирующие сообщения респондентов приводит к относительному ослаблению межличностного взаимодействия респондентов между собой. В отмеченных выше виртуальных текстах приоритет межличностного взаимодействия респондентов формируется за счет снижения дискурсивной активности блогера.

Переводя данное утверждение в русло лингвокультурной практики обмена актуальной информацией в компьютерно-опосредованной коммуникации, можно говорить о том, что интерактивная модель в подобных виртуальных текстах, как правило, состоит из трех дискурсивных шагов:

- 1) сообщение отдельно взятого респондента, комментирующее дискурсивный стимул блогера;
- 2) реакция иного респондента на это сообщение, детализующее информацию, которая обнародуется первым респондентом;
- 3) ответный дискурсивный ход первого блогера на комментарий второго респондента.

В виртуальных текстах, в которых превалирует интерактивный обмен информативным содержанием между респондентами, блогер продолжает удерживать доминирующую позицию. Во всех виртуальных

текстах исходное сообщение инициатора общения манифестирует собой основу для последующего взаимообмена диктальной и модусной информацией, по мере связного разворачивания текстового произведения продолжает оставаться конструктивным стимулом для установления и поддержания фатических контактов между большинством респондентов. Другими словами, блогер не утрачивает контроль над информационным потоком, проявляет свои полномочия в формировании связного виртуального текста, отходя в общении на второй план.

На материале десяти исследуемых блогерских текстов анализ реактивной деятельности респондентов, направленной на связное разворачивание результирующего текстового произведения, дал нам также возможность выявить типологию дискурсивных шагов, реализуемых реагирующими собеседниками, определить их частотность. Данная типология включает в себя шестнадцать дискурсивных шагов, которые с разной частотностью используются респондентами в ходе интерактивного обмена актуальной информацией. Фактические сведения, полученные в результате произведенного анализа, систематизируются в Таблице 14.

Таблица 14

Типы дискурсивных шагов, реализуемых респондентами при реагирующем комментировании на сообщения иных респондентов

Тип дискурсивного шага	Статистические данные (количество / %)
Согласие с мнением собеседника	55 / 6,5
Комплимент в пользу собеседника	17 / 2,0
Критика в адрес себя	9 / 1,0
Критика в адрес собеседника	161 / 19,2
Несогласие с мнением собеседника	200 / 23,8
Несогласие через выражение согласия	61 / 7,3
Обещание обеспечить релевантной информацией	16 / 1,9

Окончание таблицы 14

Тип дискурсивного шага	Статистические данные (количество / %)
Обеспечение собеседника актуальной информацией	75 / 8,9
Обеспечение собеседника обменом актуальной информацией	102 / 13,0
Ссылка на предшествующие комментарии и/или автономные сообщения	18 / 2,1
Просьба дать искомую информацию	9 / 1,0
Запрос актуальной информации	9 / 1,0
Метакомментарии, структурирующие виртуальный текст	60 / 7,1
Благодарность в адрес собеседника	9 / 1,0
Неоднозначная реакция, дискурсивное значение которой явно не прослеживается	9 / 1,0
Совет, который предварительно не запрашивается респондентом	27 / 3,2
Суммарный подсчет реакций (количество / %)	837 / 100

Критика стимулирует критику, собеседники не всегда идут на компромисс, чтобы сгладить возникшие противоречия во взглядах на одну и ту же ситуацию или событие. В подавляющем большинстве контекстов критические замечания сопровождаются эксплицитным выражением несогласия с той позицией, которую отстаивает собеседник-оппонент. В ходе разворачивания блогерского текста критические отзывы выступают одним из мощных стимулов для ответного реагирования. Респондент, стимулирующий собеседника отреагировать ответным действием, в определенной степени ограничивает диапазон его возможных ответных дискурсивных шагов. В этом плане несогласие с мнением партнера по информационному взаимодействию, критические замечания в его адрес ассоциируются с отступлением от более типичной модели взаимодействия между двумя респондентами.

В целом можно говорить о том, что, когда респонденты обмениваются комментирующими сообщениями друг с другом, они производят менее широкий диапазон дискурсивных шагов, чем в контекстах реагирования на исходный стимул блогера. В момент реализации несогласия, критики и ответа на явный / косвенный запрос актуальной информации респондент берет на себя функцию говорящего субъекта, наделяет собеседника функцией адресата.

Произведенный нами анализ показал, что в основе лингвокультурной практики реагирующего комментирования респондентов в компьютерно-опосредованной коммуникации лежит неявная ратификация позиции блогера как доминирующего субъекта взаимодействия на всех этапах связного разворачивания совместного виртуального текста. Частотность реагирования респондентов на исходные сообщения инициатора межличностного взаимодействия, актуализация информативного содержания этих сообщений на всех этапах совместного разворачивания виртуального текста свидетельствует о том, что личность блогера воспринимается собеседниками в качестве наиболее предпочтительного получателя комментариев.

Позитивные и критические комментирующие сообщения призваны установить, поддержать и упрочить фатические контакты между блогерами и респондентами с опорой на локальные взаимодействия информативным и эмотивным содержанием между самими респондентами. Исходные сообщения блогеров занимают центральную позицию в разворачиваемом виртуальном тексте, по отношению к которому комментарии респондентов приобретают реагирующий характер, поскольку реакции зависят от стимула, предопределяются им.

Дополнительные свидетельства данного вывода можно получить с опорой на учет тех контекстов взаимодействия собеседников, в которых конкретный респондент одновременно реагирует на сообщения блогера и комментарии иного респондента, задействует те или иные формы обращения к этому респонденту. Примеры (41) и (42) иллюстрируют прагматическую специфику комментариев респондентов, которые адресованы как блогеру, так и иному конкретному респонденту. Ср.:

(41) «— Я не согласен с Belfast Boy. Кому такая ничья с трехэтажным автобусом нужна? Вот скажи, тебе по кайфу смотреть

на команду, которая весь матч на своей половине поля, и даже если им удастся отобрать мяч в центре, они тупо забрасывают на полполя Решфорд? **А главное, не дают нормально в футбол Ливерпулю играть со своим автобусом. Такой жалкой ничейке манки будут еще полгода вспоминать**» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>];

- (42) «— Дядя, сразу видно, что ты в футбол ни разу в жизни сам не играл. Мы разные матчи, что ли, смотрели? Ты разве не видел, что Лестеру как раз и повезло забить гол с единственного удара в створ за матч (и единственного момента в игре). Мог бы и додуматься, что, если бы Фаб не был на желтой, он бы сфоллил на Пересе, и никакого гола бы не было. Хороший добротный матч выдал Ливер. **Именно видна была подготовка к такому сопернику. Вообще пропустили случайно, но игре спокойно можно было устраиваться на 2:0 и 3:0**» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

Во фрагментах блоговых текстов (41) и (42) прослеживается одна и та же модель взаимодействия собеседников в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации: респондент сначала реагирует на сообщение иного респондента, комментируя это сообщение, а затем излагает актуальную информацию, непосредственно направленную блогеру (выделено нами жирным курсивом). В обоих контекстах сообщения респондента предстают реакциями на один из предшествующих комментариев, автором которых является иной респондент. Это, в частности, прослеживается в использовании форм обращения к респондентам (ср. *Belfast Boy* (виртуальный псевдоним собеседника), *Дядя* (неформальное обращение к собеседнику)). В сегментах комментариев, которые адресованы блогерам, форм обращения не наблюдается. В текстовом сегменте (41) отсутствуют местоимения, которые бы маркировали сдвиг комментария от сообщения одного собеседника к сообщению другого собеседника (от респондента к блогеру). Дискурсивный шаг убеждения собеседника в необходимости взглянуть на обсуждаемую ситуацию с альтернативных позиций маркируется глагольным предикатом *сказать* в повелительном наклонении, кото-

рый вводит риторический вопрос. Во фрагменте (42) обращение к собеседнику (иному респонденту) маркируется местоимениями. Сначала говорящий субъект объединяет себя и собеседника, используя местоимение *мы* (*мы разные матчи ... смотрели?*), затем обращается к собеседнику посредством местоимения *ты* (в явной форме *ты разве не видел...* и элиминированной форме *мог бы и додуматься...*). Совмещение в контексте реагирующих сообщений, направленных сразу двум собеседникам, обеспечивает языковое свидетельство того, что блогер может восприниматься как имплицитный предпочитаемый адресат субъекта реакции.

В других контекстах выражения несогласия респондента с мнением иного респондента мы сталкиваемся с альтернативной моделью. Так, в тексте Б-3 обмен мнениями между двумя респондентами в совокупности образует 12 комментариев, однако лишь в 5 из них блогер предстает неявным получателем этих сообщений. Фрагменты взаимодействия информацией, который адресован в том числе и блогеру, приводятся в (43) и (44). Ср.:

- (43) «— С чего Вы взяли, что Наполи не дал сыграть? У Ливерпуля тяжелый график после Наполи. Приехали сушить в полноги, но не удержали. Энфилд все расставит по местам. И пойдет Наполи по турнирной сетке ЛЕ. **Дарья, у Вас отличный репортаж получился, качественно передана атмосфера игры. Спасибо!**» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>];

- (44) «— Что, по-Вашему, должен был сделать Наполи? Нанять охрану, которая будет сопровождать фанатов Ливерпуля целыми днями, то, что происходит вне стадиона, не проблема клуба. **Дарья, Вы стали следовать за командами АПЛ по Европе? Ждем от Вас больше заметок!**» [Блог London Eye // <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>].

В сравнении с текстовыми фрагментами (41)—(42) в вышеприведенных реакциях респондента выявляется иная модель взаимодействия собеседников. В первой части сообщения содержится комментарий суждений, автором которых выступает иной респондент. В обоих фраг-

ментах субъект комментирования обращается к данному собеседнику посредством местоимения 2-го л. мн. ч. Адресатом второй части реакций выступает блогер, к которому респондент обращается по имени (*Дарья*). На предшествующих этапах разворачивания виртуального текста данные респонденты уже обменялись восьмью комментариями (каждый из них инициировал по четыре сообщения), выступив единственными собеседниками, которые приняли участие в обсуждении ситуации, исходно предложенной блогером. Вполне вероятно, что при оформлении реакций (43)—(44) один из респондентов, обращаясь к другому респонденту, эксплицитно не озвучивает его имя. Блогер, как мы уже заметили, является признанным ратифицированным собеседником, а поэтому в вышеприведенных реактивных сообщениях респондент, реализуя дискурсивные шаги комплимента и благодарности (43) и запрос актуальной информации (44), обращается к инициатору общения, эксплицитно озвучивая его имя. Возможно, это связывается также и с тем, что сам блогер в меньшей степени вовлечен во взаимодействие двух респондентов, не реагирует ответными дискурсивными действиями на их комментирующие сообщения.

Сравнительный анализ текстовых фрагментов (41)—(42) и (43)—(44) показал, что сегменты содержащихся в них сообщений, адресованные предпочтительному собеседнику, не получают специфического маркирования. Из этого следует, что сообщения, в которых респондент обращается к блогеру не по имени, а только комментируя его исходную информацию (что эксплицируется из порядка следования сегментов сообщения), предстают реакциями на стимул инициатора общения. Тот факт, что блогер оказывается предпочтительным адресатом комментариев респондентов, подтверждается и особой частотностью реакций на первоначальный стимул, порождающий последующее общение, по сравнению с другими типами реакций респондентов.

Выводы по четвертой главе

1. В данной главе была проанализирована проблема функционирования моделей взаимодействия собеседников в ходе взаимобмена комментирующими сообщениями, стимулом для которых послужила исходная информация блогера. Исследование данной проблемы дало

нам возможность проследить прагматическую специфику проявления полномочий блогера и дискурсивного противостояния между участниками общения при связном разворачивании виртуального текста.

2. В контексте виртуального текста доминирующей целью комментирующего сообщения является интерактивное реагирование на ту проблематику, которую исходно поднимает блогер. В этом отношении мы показали, что информативное содержание первоначального стимула блогера налагает определенные ограничения на дискурсивные действия респондентов, локальные контексты обсуждения актуальной ситуации, в которые они вовлекаются. Полномочия блогера по структурированию виртуального текста предопределяют модели взаимодействия респондентов в ходе комментирования стимулирующих и реагирующих сообщений, образующих связное единство. С опорой на количественный метод анализа мы установили, что к наиболее частотным дискурсивным шагам респондентов, реагирующих на исходные сообщения блогера, относятся:

- 1) «комплимент в пользу смысловой позиции собеседника»;
- 2) «обеспечение актуальной информации для последующего взаимобмена сообщениями»;
- 3) «согласие с точкой зрения собеседника»;
- 4) «предоставление актуальной информации при ее предварительном запросе»;
- 5) «несогласие с точкой зрения собеседника»;
- 6) «совет воспринимать обсуждаемую ситуацию под определенным углом зрения, который предварительно не запрашивался собеседником».

Указанные шесть дискурсивных шагов насчитывают 71 % всех реакций, реализуемых респондентами на исходные сообщения блогера, и могут как быть нацелены на поддержание социального лица инициатора общения («комплимент» и «согласие»), так и представлять собой угрозу его социальному лицу («несогласие», «предварительно незапрашиваемый совет»). Другие дискурсивные шаги респондентов фокусируют внимание участников компьютерно-опосредованной коммуникации на том, что комментирующие реакции формируют такой сегмент виртуального текста, который отражает индивидуальную пер-

спективу видения обсуждаемой ситуации с опорой на ратификацию блогера в качестве наиболее предпочтительного собеседника, доминирующего в общении.

3. При выявлении прагматической специфики реакций блогеров на комментарии респондентов мы пришли к заключению, что анализируемые десять виртуальных текстов, структура которых включает разное количество стимулирующих и реагирующих сообщений, могут быть разделены на два типа:

- 1) тексты, в которых блогеры обеспечивают сообщения респондентов ответными действиями на регулярной основе;
- 2) тексты, в которых блогеры избирательно реагируют на комментарии респондентов.

4. В первом типе виртуальных текстов наблюдается большее разнообразие дискурсивных шагов блогеров, комментирующих сообщения респондентов, чем во втором типе текстов, для которых релевантными оказываются «предоставление собеседнику актуальной информации» и «несогласие с мнением собеседника». Отмеченные дискурсивные шаги оказываются закономерными в таких контекстах, в которых респонденты делают предварительный запрос искомой информации или совета, не соглашаются с точкой зрения на обсуждаемую ситуацию, выраженную инициатором общения в исходном сообщении. Реагирующая деятельность блогеров, иницирующих первый тип виртуальных текстов, предопределяется их доминирующей ролью в обеспечении межличностного взаимодействия между всеми участниками общения. Во втором типе текстов реакции блогеров стимулируются тем дискурсивным вкладом, который делается респондентами в связанное разворачивание совместного произведения (т. е. конкретным типом дискурсивного шага отдельно взятого респондента). В восприятии блогера комментарии респондентов выстраиваются в определенную иерархию, в которой одни сообщения оказываются более актуальными, чем другие сообщения.

5. При изучении реакций респондентов на комментирующие сообщения друг друга было определено, что к доминирующим дискурсив-

ным шагам в контексте данного взаимодействия относятся «несогласие с мнением собеседника», «критика смысловой позиции, занимаемой собеседником», «обеспечение актуальной информации при ее предварительном запросе» и «предоставление информации, релевантной для последующего взаимодействия». Дискурсивные шаги несогласия и критики преимущественно стимулируются аналогичными дискурсивными шагами. Мы также проследили взаимозависимость между типом дискурсивного вклада, который вносится первым собеседником в связанное разворачивание виртуального текста, и последующей реакцией второго собеседника. В данном плане обнаруживается существенное сходство между реакциями респондентов на комментарии друг друга и реагированием блогеров на сообщения респондентов, реализуемым во втором типе виртуальных текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Текст блога преимущественно ориентирован на реализацию внеязыковых задач, а поэтому он является иерархически структурированным дискурсивным феноменом, оптимальным для исследования в аспекте обозначенной выше теории. Фактически для выявления целостной структуры текста блога, совместно порождаемого диалогическими шагами собеседников, мы задействуем модель риторической структуры. Так, согласно нашим наблюдениям, в основе порождения некоторых реагирующих сообщений респондента лежит не столько необходимость разрешить некоторые экстралингвистические задачи, сколько стремление реализовать соответствующие риторические цели. В этом ярко проявляется межкультурная специфика подобных сообщений.

В первой и второй главах работы с опорой на теорию риторических структур, разработанную У. Манном и С. Томпсоном, мы исследуем такие проблемы, как:

- типы риторических отношений, которые оказываются актуальными при формировании целостного характера текста блога;
- идентификация минимального фрагмента текста блога, в контексте реализации которого устанавливается определенный тип риторических отношений;
- выявление прагматической и межкультурной специфики текстового фрагмента блога, в котором реализуются риторические отношения между различными сегментами.

В отдельно взятом сегменте виртуального текста между стимулом и реакцией формируется определенный тип риторических отношений, при этом отдельное сообщение блогера или респондента выявляет собственный коммуникативно-прагматический потенциал, который служит для решения общих речевых задач текстового сегмента и в конечном счете всего общения в целом. В частности, базовой функцией исходного сообщения блогера является эмоционально-волевое воз-

действие на потенциального респондента с целью получения от него вербального ответа (функция стимулирования). К основной функции реагирующего сообщения респондента мы относим прежде всего экспликацию индивидуальной реакции на воздействие, предварительно осуществленное блогером (реактивная функция) с опорой на оценочные суждения.

В качестве базовой формы обнаружения координационной связи между стимулом блогера и реакцией респондента мы считаем семантическое тождество пропозициональных структур стимула и реакции. Координационные связи предопределяют такие основные характеристики сегмента виртуального текста, как коммуникативная заданность и структурная целостность. Другими словами, эти связи совмещают в себе прагматическую и структурно-семантическую когезию. Понятие связности виртуального текста координирует с проблемами организации микротекстов данной формы коммуникации — отдельных текстовых сегментов, включающих в себя сообщения двух или более собеседников. С опорой на фреймовый анализ мы выделяем базовый способ организации текста, а именно — принцип прагматического комбинирования сообщений в структурно-семантическое цельное единство.

Оценивая типы коммуникативной координации в тексте блога, мы принимаем во внимание такие факторы, как:

- 1) характер взаимодействия речевых намерений собеседников в ходе опосредованного общения (вопросительное высказывание — ответное сообщение / попытка избежать ответа и т. п.);
- 2) согласованность / рассогласованность эмоциональных реакций в ходе взаимодействия (выражение заинтересованности / равнодушия, позитивной / негативной оценочности и т. п.).

Как дополнительные факторы учитываются инициативность / безынициативность собеседников в развитии обсуждаемой тематики, этикетный / неэтикетный характер вербального поведения участников компьютерно-опосредованного общения. На основании этого нами предлагается следующая типология прагматической связности стимулирующего и реагирующего сообщений:

- 1) консенсус (взаимное выражение согласия, создание условий для гармоничности общения, его иллокутивной и модусной согласованности);

2) комфортность (проявление иллокутивной согласованности, которая сопровождается модально-тональной нейтральностью общения при безынициативности и незаинтересованности респондента).

Полагаем, что указанные выше отношения отражают искомые цели и результаты фатического контакта собеседников. Вследствие этого отдельно взятые сегменты текста блога можно рассматривать в терминах таких понятий, как тождество и различие, согласие и несогласие. Собственно согласие / несогласие с мнением собеседника фиксируется в реагирующих сообщениях текста блога, поскольку любая реакция в той или иной степени манифестирует согласие или несогласие участников виртуального общения друг с другом. Все остальные варианты ответных речевых действий, условно говоря, располагаются между указанными двумя полюсами, в точках приближения либо к согласию, либо к несогласию с предварительно выраженной смысловой позицией.

В целях детализации прагматической и межкультурной специфики риторических взаимоотношений между различными компонентами текста блога мы анализируем отдельно взятые высказывания в качестве базовых единиц текста блога. В свою очередь эти высказывания сегментируются на отдельные синтаксические синтагмы, которые характеризуются некоторым пропозициональным содержанием. Как показал наш анализ, диалогические ходы блогера и респондента часто формируют целостное высказывание, связность которого обеспечивается тем или иным сочинительным или подчинительным союзом, вводным словом или наречием. Подобные высказывания сегментируются нами на две части (часто совпадающие со стимулирующим и реагирующим сообщением), устанавливается связующее средство и характер риторических отношений, который им маркируется.

Компьютерно-опосредованная коммуникация, фиксируемая в тексте блога, реализуется в диалогических шагах блогера и респондента, каждый из которых обладает уникальной системой ценностей и намерениями, находящими системное отражение в совместной попытке поддержать межличностный контакт и одновременно решить какую-либо экстралингвистическую задачу. Нами выявлен целый ряд риторических стратегий респондента, нацеленных на установление и поддержание сотрудничества, синхронизацию воззрений и смысловых позиций, которые озвучиваются в тексте блога. Данные стратегии

включают в себя детализованный ответ на вопрос, выражение согласия с мнением блогера, признание действительности смысловой позиции, инициируемой им.

Исследована проблематика, связанная с аннотированием виртуального текста блога в аспекте риторических структур, порождаемых в данном типе текста. В фокусе исследовательского внимания находится вопрос о том, является ли представленная выше проблематика релевантным объектом исследования при рассмотрении аргументативного потенциала диалогических шагов блогера и респондента в процессе разворачивания текстов, отражающих межкультурную специфику текущего компьютерно-опосредованного общения. Теория риторических структур трактуется в нашем исследовании как описательная концепция иерархических дискурсивных структур, с опорой на которые идентифицируются функциональные взаимоотношения между текстовыми сегментами блога. В основе порождения этих структур лежат исходные намерения участников компьютерно-опосредованной коммуникации, предопределяющие целостный характер совместно порождаемого текста блога.

В третьей и четвертой главах нашей работы мы фокусировались на проблемах использования языка и проявления дискурсивного противостояния между собеседниками в корпусе исследуемых десяти блоговых текстов. Мы выявили прагматические модели взаимодействия между (а) блогером и респондентами, (б) респондентом и респондентом с опорой на выражение согласия / несогласия с мнением собеседника, их конструктивной роли в совместном связном разворачивании виртуального текста.

В частности, мы системно описали типы моделей взаимодействия собеседников, которые комментируют сообщения друг друга в попытке отстоять свое мнение и установить фатический контакт с блогером. В ходе исследования этих моделей мы установили, какую роль дискурсивные шаги согласия / несогласия играют в связном разворачивании блогового текста, каким образом эти шаги воплощаются с лингвистической точки зрения.

Наше исследование носит преимущественный качественный характер. Однако широко задействуется метод статистического анализа с целью проследить тенденции взаимодействия участников компью-

терно-опосредованной коммуникации в десяти исследуемых блоговых текстах. Прагматический анализ корпуса избранного нами практического материала (стимулирующих и реагирующих сообщений блогера и респондентов) проливает свет на то, какие языковые средства задействуются собеседниками в ходе связного разворачивания текста блога, как осуществляется дискурсивное противостояние между выражаемыми смысловыми позициями. В связи с этим полагаем, что проведенное исследование закладывает основы для последующей детализации прагматической функции языка в обеспечении взаимообмена информацией в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации. Методология исследования, использованная в нашей работе, может оказаться релевантной для системного изучения всех типов современных блоговых текстов.

Достигнутые в четвертой главе нашей работы результаты прагматического анализа десяти блоговых текстов, которые создают основу для последующих лингвокультурологических исследований в сфере компьютерно-опосредованного общения, могут быть обозначены следующим образом.

Особая частотность реагирования респондентов на детализующие сообщения друг друга, которая предстает характерной чертой виртуального текста Б-1 по сравнению с остальными исследуемыми текстами, предопределяется относительной малочисленностью реагирующих собеседников, стабильностью их межличностных взаимоотношений вследствие того, что у них имеется предварительный опыт обмена информацией в компьютерно-опосредованной сфере. Так, установлено, что 25—50 % респондентов лично знают друг друга, имели возможность общаться на страницах конкретного блогера.

Реакции, выражающие согласие / несогласие с предлагаемым мнением, являются превалирующими шагами собеседников в процессе комментирования сообщений друг друга. Дискурсивные шаги согласия и комплимента, поддерживающие социальное лицо собеседника, трактуются участниками виртуального общения как предпочтительные во всех исследованных нами текстах. Эти шаги характеризуются стабильной высокой частотностью и конструктивной ролью в совместном связном разворачивании блогового текста. Дискурсивные шаги несогласия и критики в адрес смысловой позиции оппонента

по взаимодействию рассматриваются участниками общения в качестве неpreferred деятельности. На основе качественного и статистического анализа также выявлены различные прагматические функции определенного диапазона дискурсивных шагов блогера и респондентов, которые являются типичными в ходе связного разворачивания виртуального текста.

Цели межличностного взаимодействия, отражающиеся, в частности, в процессе выражения несогласия с предлагаемым мнением и критики этого мнения, трактуются в нашей работе как лингвокультурные факторы совместного связного разворачивания блогового текста. Выступая в качестве дискурсивных шагов, которые фиксируют несоблюдение фреймов взаимодействия, превалирующих в компьютерно-опосредованном общении, несогласие с собеседником и критика в его адрес формируют прагматическую основу для дискурсивного противостояния участников общения. Языковые средства конструирования реактивных сообщений, в частности манифестирующих согласие / несогласие с мнением собеседника, отражают попытки блогера или респондентов, доминирующих в общении осуществить коммуникативный контроль над связным разворачиванием виртуального текста. Реактивный характер сообщения может конструироваться явным и имплицитным способом. Реактивное согласие / несогласие с мнением собеседника воспроизводится участниками компьютерно-опосредованного общения, как правило, имплицитными средствами.

В рамках блогового текста риторические отношения контраста представляют собой несовместимые точки зрения, которых придерживаются собеседники. Стимулирующая репрезентация определенного видения обсуждаемой ситуации в качестве оптимального дискурсивного хода предполагает реактивное обнародование альтернативного мнения. Отношения контраста в контексте одного или двух дискурсивных ходов выполняют функцию средства связности совместно порождаемого текста или отдельных текстовых сегментов с опорой на опровержение предварительно выдвинутой пресуппозиции, что находит отражение в антонимичности некоторых характеристик обсуждаемой ситуации, которые обнародуются в одном из сообщений или в стимулирующем и реактивном сообщениях. Антонимичность как параметр корреляции фоновых знаний участников виртуального общения выполняет кон-

структивную функцию в структурном и семантическом разворачивании блогерского текста, обеспечивая продуктивный обмен мнениями между собеседниками. Риторические отношения контраста согласовывают модусные сферы авторов стимула и реакции.

В контексте блогерского речевого произведения стимулирующее и реагирующее сообщения формируют базовую модель риторических отношений уступки, если находят явное или имплицитное выражение следующие структурные элементы:

- мнение блогера, выражаемое повествовательными или вопросительными структурами;
- частичное согласие с этим мнением со стороны отдельно взятого респондента, которое отражает уступку в пользу индивидуального видения обсуждаемой ситуации, предварительно представленного блогером;
- потенциально контрастный дискурсивный шаг респондента, манифестирующий собой альтернативную точку зрения на обсуждаемую ситуацию.

Вследствие того что респондент реализует риторическую уступку, смысловые позиции обоих собеседников приобретают равный коммуникативный статус. Вариативный потенциал базовой модели уступительных риторических отношений предопределяется специфической последовательностью дискурсивных шагов, предпринимаемых блогером и респондентом. В этой последовательности актуализации уступки может предшествовать контрастная точка зрения. В сообщении респондента контрастный дискурсивный шаг может также получать формальную невыраженность.

Риторические причинно-следственные отношения обеспечивают связность блогерского текста за счет:

- модусно-диктумного и модусно-модусного согласования компонентов соответствующей синтаксической конструкции;
- структурно-семантической связности текста, совместно порождаемого блогером и респондентами;
- программирования топика компьютерно-опосредованной коммуникации, который основывается на детализации фактов профессиональной деятельности конкретного тренера популярного футбольного клуба;

— расширения базового фрейма общения, который был задан в стимулирующем сообщении, за счет частных слотов, вводящих дополнительную информацию.

Комментирующие реакции, производимые респондентами на исходные сообщения блогеров, частотно реализуют такие прагматические иллокуции, как: (1) комплимент, в пользу блогера или лица, упомянутого блогером в стимулирующем сообщении; (2) предоставление актуальной информации по запросу; (3) согласие с выражаемой точкой зрения; (4) ответ на явный / косвенный вопрос; (5) обнаружение альтернативного / несовместимого мнения; (6) совет, который явно не запрашивается в данной ситуации. Из вышеприведенных дискурсивных действий респондентов шаги (1) и (3) трактуются нами в качестве эффективных средств поддержания социального лица блогера; шаги (5) и (6) — как представляющие собой определенную угрозу для социального лица собеседника. Шаги (2) и (4) в зависимости от контекста взаимодействия респондента и блогера могут оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на социальное лицо инициатора общения.

Результатом тенденциозной расположенности блогера регулярно реагировать на комментирующие сообщения респондентов становится зарождение в компьютерно-опосредованном общении интеракционной модели, предполагающей следующие три дискурсивных шага: (1) стимулирующие суждения блогера относительно актуальной ситуации или события (шаг 1); (2) реакция респондента на эти суждения, выражающая позитивную оценку дискурсивной деятельности блогера в форме комплимента (шаг 2); (3) иллокутивно вынуждаемая реакция блогера на выраженную позитивную оценку в форме благодарности (шаг 3).

Наиболее частотным дискурсивным шагом респондентов, реагирующих на сообщения иных респондентов, является несогласие с мнением собеседника, критические замечания, выявляющие точки расхождения в тех смысловых позициях, которые обнаружатся партнерами по межличностному взаимодействию. При этом собеседники, как правило, обмениваются критическими замечаниями: один из участников общения дает негативную оценку позиции другого собеседника (блогера или респондента), другой собеседник (респондент) стремится отстоять выраженное мнение, приводя аргументы, указывающие на несостоятельность мнения первого собеседника.

Блогер выступает как предпочтительный собеседник для респондентов в силу следующих лингвокультурных факторов связного разворачивания виртуального текста. Во-первых, блогер оказывается приоритетным адресатом комментирующих сообщений, даже когда эти сообщения явно не направлены ему. Во-вторых, блогер единодушно ратифицируется в качестве неявного искомого собеседника, когда комментарий адресуется кому-либо из респондентов. Блогер всегда является явным или косвенным реципиентом комментирующих реакций, а поэтому у него больше всего возможностей выступить в качестве очередного собеседника респондентов и вследствие этого осуществить контроль над информативным потоком, наполняющим виртуальный текст, свои полномочия в связном разворачивании взаимодействия всех собеседников. Как результат этого — блогер в лице респондентов приобретает высокий социальный статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова О. Б. Прагматика как векторная семантика говорящего и слушающего в бытовом диалоге // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. — 2012. — № 2 (22). — С. 121—124.
2. Авросимова Н. Г. Блоговая запись как эгоцентрический тип текста в реальной коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. — 2018. — № 6. — С. 68—80.
3. Агаркова О. А., Губанова Ю. В. Аргументация как стратегия речевого воздействия // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 7 (207). — С. 34—37.
4. Адясова О. А., Ворошилова М. Б., Провкова А. Б. Интернет-мем как знак культуры виртуальных социальных сетей // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 171—175.
5. Азарова О. А., Кудряшов И. А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. — 2015. — № 21. — С. 30—33.
6. Алахвердиева Л. К., Локтионова Н. М. К вопросу о сущности знаковой репрезентации // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. — С. 516.
7. Андроникова О. В. Интерактивность как типформирующий признак детских Интернет-СМИ // Научный вестник Кубанского государственного университета. Медиакоммуникация. — 2016. — № 2 (3). — С. 28—31.
8. Аникин А. А., Михайлова М. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация как новая площадка для языковой игры // Лингвистика гипертекста и компьютерно-опосредованной коммуникации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2019. — С. 5—11.
9. Аннушкин В. И. Термины «язык — речь — слово» в эволюционном развитии // Наука и культура России. — 2014. — Т. 1. — С. 151—154.
10. Аннушкин В. И. Язык — речь — слово и наука филология в свете проблем современного образования // Всероссийский форум русского языка, посвящ. наследию академика И. И. Срезневского: сб. мат-лов. — Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2016. — С. 17—22.

11. Аннушкин В. И. Филология — словесность — риторика — культура речи: к уточнению терминов и содержания данных наук // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: сб. мат-лов XXI Междунар. науч. конф. по риторике. — М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2017 (а). — С. 15—22.
12. Аннушкин В. И. Двадцать лет как точка отчета: хроника юбилейной конференции Российской риторической ассоциации // Мир русского слова. — 2017 (б). — № 2. — С. 86.
13. Ануфриева Н. А. Блогосфера как открытое информационное пространство: опыт классификации // Поволжский педагогический поиск. — 2016. — № 1 (15). — С. 81—84.
14. Артюхин В. В. Анализ проблем в многоуровневой структуре компьютерно-опосредованных коммуникаций // Прикладная информатика. — 2009. — № 4 (22). — С. 41—51.
15. Архипова Е. В. Особенности функционирования речевого акта согласия / несогласия в различных типах эпизодов общения // Вопросы психолингвистики. — 2012. — № 16. — С. 198—207.
16. Архипова Е. В. Свободно конструируемые высказывания как средство выражения согласия / несогласия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология, журналистика. — 2013. — № 1. — С. 9—11.
17. Бадмаева Н. И. Интерактивность и парасоциальность Интернет-коммуникации // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 10-2. — С. 125—128.
18. Бажанова Н. Г. Эмоциональность интернет-речи в аспекте гендерных исследований // Преподаватель XXI век. — 2012. — Т. 2. № 3. — С. 284—291.
19. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 4 (20). — С. 125—131.
20. Баженова И. С. Эмоции, прагматика, текст. — М.: Менеджер, 2003. — 391 с.
21. Байков А. А. Проявление способности человека к иллюзии в построении виртуальных реальностей // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2013. — № 8. — С. 22—33.
22. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 11—21.
23. Баркович А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. — 2015. — № 4-3. — С. 97—101.
24. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 288 с.
25. Баркович А. А. Интернет-лингвистика: методологическая целесообразность // Технологии обучения русскому языку как иностранному: мат-лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. — Минск: Белорус. гос. мед. ун-т, 2017. — С. 18—21.
26. Беленченко С. О., Кихтан В. В. Блоггерство как современное направление СМИ // Перспективы науки-2016: мат-лы III Междунар. конкурса науч.-исслед. работ. — Казань: Рокета Союз, 2016. — С. 91—93.
27. Белкин А. И. Технический детерминизм и гуманитарные знания: возможно ли взаимодействие // Наука, образование, общество. — Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. — С. 18—19.
28. Бигунова Н. А. Объект оценки в речевых актах одобрения, похвалы, комплимента и лести // Записки з романно-германської філології. — 2016. — № 1 (36). — С. 3—10.
29. Бирюлин Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992. — 41 с.
30. Богомолова Е. И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия // Человек. Сообщество. Управление. — 2014. — № 2. — С. 104—120.
31. Бойко А. К. Модели реализации оценки в диалогической коммуникации (на материале современного английского языка). — Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2016. — 144 с.
32. Бойко А. К., Величко Е. В. Эксплицитная модель оценки в спонтанной диалогической коммуникации // В мире научных открытий. — 2015. — № 5—6 (65). — С. 2025—2032.
33. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Ростов-на-Дону, 2004. — 27 с.
34. Борботько В. Г. Контекстный катализ и смыслопорождающий потенциал дискурса // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2016. — № 21. — С. 16—21.
35. Борботько В. Г. Некоторые аспекты регулятивной функции языка // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2017. — № 22-1. — С. 36—40.
36. Борисова А. В., Семилет Т. А. Блогосфера и СМИ в Рунете: проблема определения статуса // Медиаисследования. — 2017. — № 4-2. — С. 109—116.
37. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности: дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2001. — 430 с.

38. Бородачев С. А., Проскурина Н. Ф. Трансформация коммуникации в условиях электронной среды // Территория науки. — 2007. — № 2. — С. 239—244.
39. Брагина В. Д. Особенности языка в блогах, посвященных моде // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 15 (56). — С. 1341—1343.
40. Буланов В. В. Диалогический дискурс и межкультурная коммуникация // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. — 2014. — № 4. — С. 63—70.
41. Бурлаченко Л. С. Понимание молодежью блогинга как профессиональной деятельности // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2019. — № 1. — С. 185—195.
42. Бурсевич В. В. Стратегии исследования идеологии в критическом дискурсе-анализе // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е. Педагогические науки. — 2018. — № 7. — С. 136—140.
43. Буряк В. В., Кудряшов И. А. Коммуникативно-прагматические типы высказываний в аспекте косвенной номинации смысла // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: тр. VI Всерос. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2016. — С. 223—228.
44. Былкова С. В. Документальная лингвистика: от теории к практике. — Ростов-на-Дону: Дон. гос. техн. ун-т, 2022. — 170 с.
45. Былкова С. В., Кудряшов И. А. Диалогическое общение как сфера взаимодействия дискурсивных и грамматических факторов // Общественные науки. — 2017. — № 6. — С. 167—178.
46. Бычихина О. В. Результаты когнитивного исследования отвержения как речевого жанра негативной реакции // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Сер. Гуманитарные исследования. — 2018. — № 2 (4). — С. 23—27.
47. Вавилова Ж. Е. Виртуальный карнавал как пространство знаковой репрезентации субъекта // Информационное общество. — 2014. — № 5—6. — С. 56—62.
48. Валов С. П., Лихачев Н. И., Шаврин С. С. Пакетная коммутация сегодня и завтра // Вестник связи. — 2011. — № 1. — С. 18—20.
49. Ван Л. Различия комплимента от одобрения, похвалы и лести по теории речевых актов // Университетский научный журнал. — 2018. — № 43. — С. 69—77.
50. Васильева Е. В. Интернет в контексте современных теорий коммуникации // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2010. — № 10. — С. 65—73.
51. Вачаев С. П. Блогосфера как средство влияния на общественное мнение // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2014. — № 1. — С. 44—47.
52. Величко М. А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. — 2016. — № 2 (177). — С. 39—43.
53. Визигина С. Ю. Особенности самопрезентации в интернет-блогах // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2015. — № 1. — С. 107—111.
54. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса (проблема выделения и специфики функционирования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2016. — 22 с.
55. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. — 2018. — № 4 (20). — С. 294—303.
56. Винник Ю. В. Стратегия как доминанта диалогического взаимодействия в коммуникации // Дискурс в синтагматике и парадигматике: сборник научных трудов. — Краснодар: КубГУ, 2018. — С. 32—38.
57. Виноградова Е. Н. Актуализационная парадигма сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения // Язык. Сознание. Коммуникация. — М.: МАКС Пресс, 2001. — С. 99—107.
58. Виноградова Н. Л. Диалогическая сущность социального взаимодействия: дис. ... д-ра филос. наук. — Волгоград, 2007. — 300 с.
59. Вишнякова Е. А. Типологические особенности компьютерно-опосредованной коммуникации // Актуальные проблемы английского языкознания: сб. науч. ст., посвящ. юбилею зав. кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ, д-ра филол. наук, проф. О. В. Александровой. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 289—295.
60. Войскунский А. Е., Дорохова О. А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы // Вопросы философии. — 2010. — № 5. — С. 69—83.
61. Волкова М. В. Человек. Коммуникация. Культура. Компьютерно-опосредованная коммуникация в современном медиапространстве // Наука, образование и культура. — 2016. — № 3 (6). — С. 38—39.
62. Володина М. С., Акай О. М., Царевская И. В. Научно-лингвистические категории в концепции деловой коммуникации. — Ростов-на-Дону: Дон. техн. ун-т, 2019. — 107 с.
63. Володина М. С., Ковальчук Н. В. Проблема представления голоса в тексте блога: фреймы, средства выражения, интерсубъектив-

- ность // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. № 1 (26). — С. 39—42.
64. Волошина Т. Г., Гурьева И. А. Принцип вежливости в косвенных речевых актах // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 2-5. — С. 40—41.
65. Воробьев В. В. Лингвокультурология. — М.: Изд-во: РУДН, 2008.
66. Воробьев В. В. Русский язык и коммуникативная реальность современной России // Сб. науч. ст. IV Междунар. симпозиума: в 2 т. — Симферополь: КФУ им. Вернадского, 2020. — С. 78—87.
67. Воробьев В. В., Скнарв Д. С., Новикова М. Л. Перспективные направления современной лингвистики // Сб. науч. тр. Междунар. науч.-теорет. конф. / под ред. В. В. Воробьева, Д. С. Скнарва, М. Л. Новиковой. — М.: РУДН, 2020. — 440 с.
68. Воробьев Д. В., Сыров В. И. Об идеях ничто, виртуальной реальности, дискретности постижения и недискретной действительности // Философия и общество. — 2009. — № 2. — С. 110—118.
69. Воробьева О. В., Граббе Н. Ю. Средства выражения несогласия и его семантико-синтаксическая значимость // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — № 116. — С. 218—227.
70. Ворошилова Т. С. Интерактивность как выразительное средство эстетических практик в условиях киберпространства // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 332. — С. 59—62.
71. Вострикова Е. В. Семантика vs. Прагматика: современные подходы // Эпистемология и философия науки. — 2011. — Т. 30. № 4. — С. 99—115.
72. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. — М.: ЛИБРОКОМ, 2015. — 210 с.
73. Выготский Л. С. Психология развития человека. — М.: Смысл: Эксмо, 2005. — 1136 с.
74. Вязигина С. Ю. Особенности самопрезентации в интернет-блогах // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2015. — № 1. — С. 107—111.
75. Габдрафикова Т. Ш. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12-3 (90). — С. 496—499.
76. Гаврилова Г. Ф. Предложение и текст: системность и функциональность. — Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. — 412 с.
77. Газисов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в речевом общении немцев и русских: монография. — Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2009. — 150 с.
78. Галинская Т. Н. Способы самопрезентации в современной интернет-коммуникации // Язык и социальная коммуникация: сб. тр. по мат-лам I Междунар. науч.-практ. конф. — М.: Наукосфера, 2017. — С. 77—80.
79. Галич Т. С. Контекстуальное взаимодействие в дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 4—3 (64). — С. 188—192.
80. Гапон Л. А. Этнокультурные стереотипы в компьютерно-опосредованной межкультурной коммуникации // Университетские чтения — 2016. — Пятигорск: ПГЛУ, 2016. — С. 139—145.
81. Гапонов А. С. Язык как среда и основание социального познания // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 351. — С. 46—49.
82. Гачечиладзе Е. Н. Когнитивные модели анализа связного текста // Перспективы интеграции науки и практики. — 2016. — № 3. — С. 50—52.
83. Гезельбаш Н. Г., Китанина Э. А. Нарушение когерентности в российских политических блогах // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. — С. 125—127.
84. Геккина Е. Н. К типологии метаязыковых оценок в интернет-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. — 2016. — № 2. — С. 93—97.
85. Гельпей Е. А. Фрейм как модель диалогической коммуникации // Северо-восточный научный журнал. — 2010. — № 2. — С. 4—6.
86. Гладченкова Е. А., Щербакова Г. Г. Троллинг и флейминг: к определению понятий // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2012. — С. 79—84.
87. Головинова П. А., Кудряшов И. А. Косвенные экспрессивные акты с коммуникативным интродуктором: семантика и функционирование в диалогической речи // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2015 (а). — С. 137—141.
88. Головинова П. А., Кудряшов И. А. Косвенный экспрессивный акт как отражение эмоционального опыта говорящего субъекта в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. — 2015 (б). — № 11—2 (71). — С. 1020—1028.
89. Голубев М. В. Интернет-сленг как форма коммуникации в виртуальных социальных сетях // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 1 (3). — С. 164—165.

90. Голубь О. Е. Роль теории вежливости в формировании прагматической компетенции, грамматические средства выражения негативной вежливости и реализации лисосохраняющих речевых актов // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. — 2018. — № 11 (51). — С. 160—165.
91. Голубь Ю. Г. Симулятивная природа культуры эпохи постмодерна: философские и ценностные основания: дис. ... канд. филос. наук. — Воронеж, 2009. — 179 с.
92. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. — Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2007. — С. 223—237.
93. Горошко Е. И., Павлова Л. В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа, серверов коммуникативно-интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. — 2015. — № 1 (11). — С. 132—136.
94. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. — 2015. — № 2 (12). — С. 119—127.
95. Горюхов В. М., Гринберг Т. Э. Связи с общественностью в системе коммуникаций: монография. — М.: МГУ, 2018. — 78 с.
96. Гревцева А. А. Постмодернистская парадигма культуры глобализирующегося мира: дис. ... канд. филос. наук. — Орел, 2009. — 147 с.
97. Григоренко Е. В. Модель идеального языка как интерпретация реальности в аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. — 2016. — № 4 (36). — С. 39—49.
98. Григорьева В. С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): дис. ... д-ра филос. наук. — Тамбов, 2018. — 349 с.
99. Гришаева Л. И. Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — Т. 16. № 2. — С. 172—187.
100. Грушевская Е. С. Стратегический потенциал успешной коммуникации в дискурсивном пространстве // Гуманитарные и юридические исследования. — 2017. — № 4. — С. 174—178.
101. Грушевская Е. С. Тема как операциональная единица для формирования ценностно-стратегических приоритетов в дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 2. — С. 124—131.
102. Гурочкина А. Г. Некоторые нерешенные проблемы компьютерно-опосредованной коммуникации // Когнитивные исследования языка. — 2015. — № 21. — С. 552—554.
103. Григоренко Е. В. Проблема следования правилу в языковой прагматике // Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 3. — С. 96—107.
104. Дайнеко П. М., Ирисханова О. К. Речевые стратегии и тактики конструирования статуса эксперта / специалиста в институциональной интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 297. — С. 114—152.
105. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике: монография. — М.: Глобал Ком, 2013. — 338 с.
106. Дзараева Н. А., Смирнова Е. А. Конфликты в виртуальном дискурсе // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. — 2016. — № 12. — С. 36—39.
107. Дмитриев В. О., Богатов М. В. Типология искаженных норм русского языка в виртуальном пространстве сети Интернет // Новая наука: опыт, традиции, инновации. — 2016. — № 5-3 (83). — С. 132—134.
108. Доброскловская Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 4. — С. 26—38.
109. Доброскловская Т. Г. Медиалингвистика: теория и методы изучения языка СМИ // Медиалингвистика. — 2014. — № 2 (5). — С. 7—15.
110. Долгоруков В. В. Новые книги по лингвистической прагматике // Эпистемология и философия науки. — 2013. — № 1 (36). — С. 246—249.
111. Дудкина Н. В. Речевой жанр «Поздравление» в русской и американской лингвокультурах: сопоставительный анализ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2010. — № 2. — С. 87—95.
112. Дука С. И. Социогуманитарные аспекты становления информационного общества (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — СПб., 2006. — 37 с.
113. Дымарский М. Я. Прагматика как векторная семантика // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (24). — С. 118—125.
114. Егорова М. А. Отклики и оценочные комментарии при компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 1. — С. 15—20.
115. Елинер И. Г. Интерактивность как квинтэссенция мультимедийного произведения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2013. — Т. 200. — С. 19—23.

116. Елькин В. В. Компьютерно-опосредованная коммуникация как лингвокреативная среда бытования продуктивных моделей реализации принципа языковой экономии // Университетские чтения-2016. — Пятигорск: Пятигор. гос. ун-т, 2016. — С. 155—160.
117. Елькина О. М. Самопрезентация автора в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2011. — № 2. — С. 88—93.
118. Елькина О. М. Лингвосоциокультурные особенности речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2012. — 25 с.
119. Елькина О. М. К вопросу о полимотивированности личности блогера как участника компьютерно-опосредованной коммуникации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. — 2013. — № 6. — С. 136—143.
120. Ерещенко М. В. Эмоциональное содержание спонтанной диалогической коммуникации: перспективы исследования // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — С. 1307—1315.
121. Ермакова О. П. Функции согласия и несогласия в дружеской беседе (психолого-лингвистические заметки) // Жанры речи. — 2018. — № 1 (17). — С. 60—66.
122. Жумаева О. А. Анализ интернет-интервью через призму фактора адресата // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 10 (339). — С. 56—63.
123. Загидуллин Ж. К., Иванов Д. В., Труфанова Е. О. Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия. — М.: Институт философии РАН, 2016. — 169 с.
124. Золкин А. Л. Аналитическая философия языка: основные исследовательские программы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2013. — № 4 (8). — С. 44—61.
125. Золотухин С. А. Развитие теоретических представлений о коммуникации в интернет-среде (ранние исследования компьютерно-опосредованного взаимодействия) // Психолого-педагогический поиск. — 2014. — № 4 (32). — С. 100—108.
126. Ибраева А. Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 8-2 (86). — С. 333—336.
127. Иванов Д. В. Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. — 1999. — № 1. — С. 32—40.
128. Иванова С. В., Чанышева З. З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культуранности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 154—166.
129. Изотова Е. И. Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения: эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций // Психологические исследования: электронный научный журнал. — 2014. — Т. 7. № 37. — С. 5.
130. Изюмская С. С. Современный русский язык: орфография и пунктуация. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Южн. федер. ун-т, 2021. — 140 с.
131. Ильин А. А. Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности // Социальная политика и социология. — 2009. — № 2 (44). — С. 304—310.
132. Ионова С. В. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. — 2016. — Т. 15. № 3. С. 6—16.
133. Иосифова Е. В. Парадигматическая асимметрия императива и прохибитива в речевом акте просьбы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — № 1. — С. 105—110.
134. Казнова Н. Н., Овчинников И. Г. Специфика коммуникации в социальных сетях по сравнению с блогосферой // Вопросы психолингвистики. — 2014. — № 21. — С. 86—97.
135. Калашникова А. А. Концепт «друг» как отражение картины мира языковой личности блогера // Язык. Текст. Дискурс. — 2010. — № 8. — С. 262—270.
136. Калашникова А. А. Языковая личность в русскоязычном блоге: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2011. — 188 с.
137. Калашникова А. А. Языковая личность в компьютерно-опосредованной коммуникации: вопросы теории и прагматики: учебное пособие. — Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. — 119 с.
138. Каминская Т. Л. Блогер как актер развития онлайн-журналистики // Медиалингвистика. — 2014. — № 3. — С. 191—193.
139. Канинская В. Н. Особенности виртуальной самопрезентации подростков // Приоритетные научные исследования и разработки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 114—116.
140. Карпун Е. В. Влияние англоязычной традиции общения на русскоязычную коммуникацию в Twitter // Научное мнение. — 2013. — № 8. — С. 46—50.
141. Качевская А. А., Хитина М. В. Compliment как средство речевого воздействия // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. — 2008. — № 1. — С. 82—86.

142. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. — М.: ФЛИНТА, 2013. — 224 с.
143. Кириленко Н. П. К вопросу о формировании лингвориторических навыков у журналистов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение, журналистика. — 2012. — № 1. — С. 85—89.
144. Кириллов А. Г. Дискурс блогосферы: ключевые понятия и категории блогов как гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. — Орел: ОГИК, 2014. — С. 260—270.
145. Кириллов А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. — 2017. — № 2 (16). — С. 260—267.
146. Кириллова Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. — 2017. — Т. 4. № 5. — С. 524—531.
147. Киселева Н. Ю. Прагматическая компетенция: базовые нормы и принципы речевого общения // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе. — 2008. — № 8. — С. 200—205.
148. Киселева Н.Ю. Изучение сетевых жанров в рамках формирования коммуникативной компетенции // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе. — 2016. — № 19. — С. 101—108.
149. Китанина Э. А. Проблемы кодификации: норма и антинорма в СМИ // Русское культурное пространство: сб. мат-лов XVII Междунар. науч.-практ. конф. — М.: Перо, 2016. — С. 162—164.
150. Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2013. — № 7. — С. 109—113.
151. Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Диалогическое движение в современной лингвистике: прагматическое исследование личности в информационном обществе // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: тр. междунар. науч.-теорет. конф. — СПб.: С.-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого, 2015. — С. 281—289.
152. Ключева Е. В. К вопросу об электронном общении // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. — 2012. — № 1. — С. 140—141.
153. Ключева Е. В. Особенности компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкоязычных интернет-дневников) // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. — 2014. — № 1. — С. 145—148.
154. Кнорц О. В. «Возражение» в кругу близких речевых жанров: интегральные, дифференциальные признаки и особенности функционирования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования. — 2019. — № 1 (5). — С. 71—76.
155. Ковалев А. Н. Ценности в системе межличностного взаимодействия // Вестник Ярославского государственного университета. им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. — 2012. — № 1 (19). — С. 126—128.
156. Ковальчук Н. В. Конструкции с уступительной семантикой в контексте неформального интервью // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. — С. 39—42.
157. Ковальчук Н. В. Диалогические реплики со структурой альтернативного вопроса в неформальном интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 7-1 (85). — С. 138—142.
158. Ковальчук Н. В., Володина М. С. Проблема представления голоса в тексте блога: фреймы, средства выражения, интересубъективность // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. № 1 (26). — С. 39—42.
159. Ковальчук Н. В., Володина М. С. Теория риторических структур как прагматическая концепция анализа текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 3. — С. 107—113.
160. Ковальчук Н. В., Клеменова Е. Н. Неформальное интервью как модель риторических отношений уступки. — Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2018. — 128 с.
161. Ковтуненко И. В., Былкова С. В., Кудряшов И. А., Корман Е. А. Сценарии унисонного разворачивания текста в русскоязычной блогосфере // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 79—94.
162. Кожемякина В. А. Переключение и смешение кодов в сети Интернет (на примере русского и китайского языков) // Россия — Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников IX Междунар. науч.-практ. конф. — Казань: Фэн, 2016. — С. 150—156.
163. Козаковская В. В., Хохлова М. В. Модусные вопросы в текстовом корпусе: модели описания, частотность, предпочтения в ответах // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. — СПб.: Ин-т лингвист. исследований РАН, 2013. — С. 115—121.
164. Козаковская В. В., Хохлова М. В. Вопросно-ответные единства, апеллирующие к точке зрения адресата // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11. № 1. — С. 401—438.
165. Козлова О. А. Публицистические тексты как материал для изучения диалогичности текстового блога // Современные вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. тр. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2018. — С. 33—38.

166. Колесникова Е. А. Интерактивность как глобальный признак молодежных массмедиа // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2009. — № 3 (71). — С. 178—184.
167. Колодин Д. В. Информационное влияние в социальных сетях в виртуальной реальности // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 11 (340). — С. 59—63.
168. Колодин Д. В., Дмитриенко Л. В., Садловская М. В. Модель социальной стратификации в виртуальных социальных сетях // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2017. — № 2 (45). — С. 199—206.
169. Колокольцева Т. Н. Культура диалогического общения (реплики-реакции в диалоге) // Грани познания. — 2009. — № 1 (2). — С. 33—36.
170. Колокольцева Т. Н. Современная диалогическая коммуникация и проблема типологии диалогических дискурсов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2012. — № 2 (66). — С. 74—78.
171. Колокольцева Т. Н., Лутовинова О. В. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. монография / под ред. Т. Н. Колокольцевой, О. В. Лутовиновой. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. — 328 с.
172. Кольцова О. Н. Сопоставительный анализ явления компрессии в англоязычном и русскоязычном Twitter // Современные научные исследования и инновации. — 2013. — № 6 (26). — С. 22.
173. Комиссарова М. С., Кудряшов И. А. Проблема речевой компетенции собеседников в диалогическом взаимодействии // Язык и право: актуальные вопросы взаимодействия: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2015. — С. 158—165.
174. Коробова Н. В. Принцип такта и стратегии вежливости в речевом общении // Человек. Культура. Образование. — 2014. — № 2 (12). — С. 166—173.
175. Косарев А. В. Прагматизм и риторика: эволюция понимания коммуникативной ситуации // Сибирский философский журнал. — 2017. — Т. 15. № 2. — С. 226—242.
176. Косенчук Л. Ф. Концепции виртуальной и сетевой идентичности: критический анализ // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — С. 693—700.
177. Костюшкина Г. М., Кузьмина Т. М. Коммуникативный акт как инструмент изучения категорий в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 9-2 (87). — С. 361—365.
178. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 25. — С. 817—823.
179. Кочеткова М. О., Тубалова И. В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. — 2014. — № 1 (27). — С. 39—52.
180. Коханова Л. А., Калмыков А. А. Основы теории журналистики: учеб. пособие. — М.: Юнити, 2014. — 536 с.
181. Крайнова А. С. Согласие и несогласие в русском речевом общении: лингвистический и коммуникативный аспекты // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2012. — № 4 (14). — С. 81—86.
182. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее научный статус // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1994. — Т. 53. № 2. — С. 3—15.
183. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. — М.: Наука, 1995. — С. 144—238.
184. Кудряшов И. А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. отд-ния Рос. академии образования, 2005. — 240 с.
185. Кудряшов И. А. Диалогическая специфика функционирования косвенных комиссивных актов // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 4 (64). — С. 68—77.
186. Кудряшов И. А. Имплицитное содержание диалогической реплики в свете семантических форм мышления // Гуманитарные исследования. — 2021. — № 3 (79). — С. 116—119.
187. Кудряшов И. А. Предисловие выпускающего редактора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 3. — С. 14—17.
188. Кудряшов И. А., Бессонова Т. М. Концепция хронотопа М. М. Бахтина: история, сферы применения и перспективы исследования // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2014. — С. 64—71.
189. Кудряшов И. А., Бурьянова А. А. Проблема синкретизма жанров новостных и репортажных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2022. — № 3. — С. 117—130.
190. Кудряшов И. А., Калашникова А. А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической линг-

- вистики. — Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2015 (а). — № 1 (17). — С. 24—31.
191. Кудряшов И. А., Калашникова А. А. Блог как сфера реализации социокультурных стереотипов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2015 (б). — № 2 (18). — С. 40—48.
192. Кудряшов И. А., Калашникова А. А. Блог как сфера представления стереотипизированного образа носителя культурно-языковых ценностей // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2015 (в). — № 3 (19). — С. 26—33.
193. Кудряшов И. А., Клеменова Е. Н. Концептуальные измерения когнитивного «движения» в современной лингвистике // Язык. Текст. Дискурс. — 2015. — № 13. — С. 17—32.
194. Кудряшов И. А., Клеменова Е. Н. Невежливый диалог как прагматический феномен // Язык. Текст. Дискурс. — 2017. — № 15. — С. 65—84.
195. Кудряшов И. А., Клеменова Е. Н. Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и методы вузовского обучения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2016. — № 3-1. — С. 53—73.
196. Кудряшов И. А., Макова Т. А. Коммуникативно-прагматические типы высказываний в аспекте косвенной номинации смысла // Слово в синтаксисе: сб. науч. тр., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. В.П. Малащенко. — Ростов-на-Дону: Южн. федер. ун-т, 2014. — Ч. 1. — С. 167—174.
197. Кузнецова А. В. Языковые особенности коммуникации в твиттере // European Social Science Journal. — 2012. — № 5 (21). — С. 175—177.
198. Кузьменко Н. А. Косвенные экспрессивные акты в диалогической коммуникации: «грамматика экспрессий»: дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2010. — 159 с.
199. Кузьмина М. К. Интенциональные смыслы «согласие и уход от темы» и «несогласие и уход от темы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8—2 (26). — С. 106—109.
200. Куковская А. В. Блоги как звено в семиотической цепи текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 10 (749). — С. 18—26.
201. Куликова О. В. Каузальность как основа репрезентации событийной цепочки в аргументативном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 746. — С. 134—140.
202. Куликова Э. Г. Стратегия коммуникативного поведения в диалоге и дискурсе: лингвопрагматический и лингвокультурологический аспект // European Social Science Journal. — 2014. — № 14 (51). — С. 240—247.
203. Кулинцева Н. А. Священный текст как структурированное коммуникативное пространство // Университетские чтения-2015. — Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2015. — С. 39—46.
204. Кульчинская А. В. Блогосфера как альтернативное средство массовой коммуникации // Подготовка профессиональных управленческих кадров: опыт, проблемы, инновационные образовательные технологии: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск: РЕКПОЛ, 2011. — С. 89—93.
205. Курьян М. Л. Управление речевым общением: коммуникативные стратегии завершающей стадии диалога // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2013. — № 4—1. — С. 105—109.
206. Куст Т. С. Изучение жанров компьютерно-опосредованной коммуникации в современной отечественной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6 (43). — С. 331—334.
207. Кусьяев А. Р. Жанровая модель промо-вебинара // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 27 (382). — С. 121—125.
208. Лабзина П. Г. Оценка как основная категория прагматики // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 11 (66). — С. 130—132.
209. Лазарев В. А. Медийное пространство американского социума как портретирование национально-культурной информации: монография. — Ростов-на-Дону: Южн. федер. ун-т, 2021. — 92 с.
210. Лазарева О. П. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу компьютерно-опосредованной коммуникации // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 26. — С. 624—627.
211. Лазуткина Е. В. Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы Рунета // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. — 2016. — Т. 15. № 6. — С. 51—59.
212. Латышев Д. С., Ветошкина Е. Н. СМС-поздравление как одна из коммуникативных форм реализации речевого акта поздравления // Инновационные механизмы решения проблем научного развития: сб. ст. — Уфа: Агентство международных исследований, 2017. — С. 79—81.
213. Лебедев П.П. Культурно-речевой аспект и блогосфера // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 5 (360). — С. 77—84.
214. Леденева С. Н. О психолингвистических аспектах понимания связного текста // Вопросы прикладной лингвистики. — 2016. — № 22. — С. 74—85.

215. Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // *Экология языка и коммуникативная практика*. — 2016. — № 1 (6). — С. 70—83.
216. Летяйкина Т. А. Специфика английского языка в текстах тематических блогов // *Вестник Московского института лингвистики*. — 2012. — № 3. — С. 26—31.
217. Лисанюк Е. Н. Взаимоотношение аргументации и конфликта // *Конфликтология*. — 2014. — № 1. — С. 20—31.
218. Лободенко Л. К. Медиапродукт: понятие, структура, особенности функционирования // *Вестник Орловского государственного университета*. Сер. Новые гуманитарные исследования. — 2012. — № 8 (28). — С. 124—128.
219. Лысак И. В., Косенчук Л. В. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры: монография. — М.: Спутник +, 2016. — 147 с.
220. Лужная М. М. Косвенные речевые акты согласия, несогласия, возражения в обиходном русском общении // *Гуманитарные технологии в современном мире: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф.* — Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. — С. 290—293.
221. Лукашевич Е. В., Семилет Т. А. Проблема нарушения коммуникативных норм в практике современной медиакоммуникации // *Медиаисследования*. — 2017. — № 4—2. — С. 64—70.
222. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2009. — 519 с.
223. Ляпун С. В., Хабекирова З. С. Ценностная парадигма виртуальной коммуникации // *Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф.* — Майкоп: Электронные издательские технологии, 2016. — С. 77—80.
224. Ляшенко Ю. А. Отчуждение человека в виртуальной реальности: основные формы и особенности // *Сибирский философский журнал*. — 2009. — Т. 3. № 3. — С. 50—54.
225. Магда А. А. Виртуальная реальность как часть реальности // *Гуманитарный трактат*. — 2017. — № 9. — С. 35—36.
226. Манаенко Г. Н. «Мир коммуникации»: взаимодействие значений «мира текста» и смыслов «мира дискурса» // *Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах / под ред. проф. Г. Н. Манаенко*. — Ставрополь: ПГЛУ, 2009. — Вып. 7. — С. 17—22.
227. Марченко Н. Г. Социальная сеть как новая форма коммуникации в интернет-пространстве // *Казанская наука*. — 2012. — № 10. — С. 187—193.
228. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие: для студентов вузов. — 2-е изд., стер. — М.: Academia, 2004 — 202 с.
229. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2008. — 352 с.
230. Матюхина М. В. Интернет-блог как представитель компьютерного медиадискурса // *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. — 2019. — № 3 (43). — С. 118—128.
231. Мельник Т. С. Перспективы медиа в пространстве Интернета // *Журналистский ежегодник*. — 2013. — № 2-1. — С. 10—12.
232. Мельникова А. С., Ощепкова К. П. Языковые особенности блогговых текстов // *COLLOQUIUM-JOURNAL*. — 2018. — № 12-3 (23). — С. 64—65.
233. Милосердова Е. В. Прагматика речевого общения в свете антропологической лингвистики // *Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: мат-лы Всерос. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Ю. М. Малиновича*. — Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2014. — С. 196—201.
234. Милославский И. Г. Русский — язык с высокой или низкой контекстуальностью? // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр.* — М.: Университетская книга, 2018. — С. 33—35.
235. Милославский И. Г. Контекстуальность в русском языке // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Лингвистика. — 2019. — Т. 23. № 3. — С. 731—748.
236. Минец Д. В., Горушкина А. В., Елистратова К. А. Дискурсивные практики конструирования идентичности в современной сетевой литературе: лингвокреативный аспект: монография. — М.: Конверт, 2018. — 144 с.
237. Минчук И. И. Синтаксические конверсивы: от грамматики к прагматике // *Медиалингвистика: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф.* — СПб.: СПбГУ, 2017. — С. 212—214.
238. Мишакова Л. Л. Выражение волеизъявления в определено-личных предложениях с императивной и индикативной формой главного члена // *Университетский научный журнал*. — 2016. — № 20. — С. 197—205.
239. Моисеева И. Ю., Ремизова В. Ф. Позиционная организация интенсификаторов в текстах блогов // *Вестник Оренбургского государственного университета*. — 2017. — № 5 (205). — С. 44—51.
240. Морозова О. Н. Лингвориторическая парадигма согласованной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2005. — 41 с.
241. Морослин П. В. Русский язык в Интернете: социолингвистический и социокультурный аспекты: монография. — М.: Тезаурус, 2010. — 196 с.
242. Мосалева С. В., Шаронов И. А. Особенности употребления коммуникативной группы подтверждения и согласия // *Вестник РГГУ*. Сер. История.

- Филология. Культурология. Востоковедение. — 2017. — № 11 (32). — С. 46—56.
243. Мурашова Е. А. Лексические прагматические маркеры темпорального позиционирования // Язык и культура. — 2015. — № 2. — С. 64—75.
244. Найман Е. А. Проблема участников речевого события в современной прагматике // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 40. — С. 132—143.
245. Насилевич К.А. Косвенный реквестивный акт в общей структуре предваряющих его высказываний и последующего развития диалога // Научный альманах. — 2016. — № 3—4 (17). — С. 311—315.
246. Никитенко А. А. Интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность как доминирующие типологические признаки сетевых изданий // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2009. — № 1. — С. 150—166.
247. Никитенко А. А. Медиаконвергенция и конкурентная борьба за пользователя: новые информационные проекты Рунета // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 13. № 6. — С. 156—163.
248. Новикова М. Л. Медиалогия как комплексная наука (прагматический потенциал лингвистических исследований) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6. № 4. — С. 643—649.
249. Новикова М. Л. Язык как информационная система и средство общения: на земле и на космической орбите // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7. № 1. — С. 59—75.
250. Новоженова З. Л. Глагольное предложение: прагматика vs. семантика, прагматика vs. грамматика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология, журналистика. — 2014. — Т. 14. № 1. — С. 5—9.
251. Носкина Л. В. Выбор языковых средств в зависимости от ситуации общения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 7-3. — С. 56—57.
252. Овруцкий А. В. Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления: дис. ... д-ра филос. наук. — Ростов-на-Дону, 2012. — 394 с.
253. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. — Волгоград: Парадигма, 2004. — 507 с.
254. Оразалинова К. А. Интенциональные концепты «согласие — несогласие» в татарском, русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тобольск, 2012. — 23 с.
255. Орежев Е. А. Виртуальная коммуникация в сети Интернет // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Ярославль: Ремдер, 2016. — С. 168—171.
256. Орлова М. Ю. Интерактивность интернет-журналистики: читатель как источник информации и критик // Человек в информационном пространстве. — Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2014. — С. 191—194.
257. Осипова М. Р. Блогосфера как новое поле коммуникации молодежи // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. — СПб.: С.-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого, 2018. — С. 709—712.
258. Ошанова Е. С. Вклад модальных частиц в коммуникативно-когнитивную перспективу высказывания // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 3 (40). — С. 86—90.
259. Павловская О. Е., Пономаренко И. Н., Сегал Н. А. Антитеза как составляющая когнитивной оппозиции Симметрия / Асимметрия // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2 (41). — С. 705—708.
260. Павлюковская Н. С. Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2014. — № 2 (85). — С. 293—297.
261. Палагина О. И. Коммуникативная личность в компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2011. — № 257. — С. 241—248.
262. Палагина О. И. Языковая личность в компьютерно-опосредованной коммуникации (оценочный аспект) // Территория науки. — 2013. — № 3. — С. 26—32.
263. Палкова А. В. Социолингвистические особенности коммуникации в чатах // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. — 2013. — № 5. — С. 112—118.
264. Палкова А. В. Графические, морфологические и словообразовательные средства передачи невербальных компонентов общения в чатах // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. — 2014. — № 2. — С. 82—89.
265. Панков Ф. И., Овтина Е. А. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики // Педагогический журнал. — 2018. — Т. 8. № 1А. — С. 140—158.
266. Панков Ф. И. Сегмент и парцеллят как синтаксические позиции словоформ (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Русское слово в многоязычном мире: мат-лы XIV Конгресса МАПРЯЛ. — СПб.: Междунар. некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. — С. 249—254.

267. Парахневич Е. В. Виртуальный дискурс журнала «Путь»: интерактивность и гипертекстуальность // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. — 2013. — № 2 (49). — С. 188—195.
268. Паршукова Г. Б. Основы теории коммуникаций. Теории и модели коммуникации. — Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2017. — 69 с.
269. Петрова Е. А. Визуальная психосемиотика общения: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2000. — 402 с.
270. Петрова И. А. Особенности развития и функционирования субкультуры виртуального сообщества в сети Интернет // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности: сб. науч. ст. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2017. — С. 107—116.
271. Питько О. А. К вопросу о виртуальном характере новых медиа // Роль инноваций в трансформации современной науки. — Уфа: Аэрна, 2016. — С. 185—187.
272. Плотникова А. В. Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия // Вопросы языкознания в когнитивном аспекте: сборник научных статей. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2015. — С. 61—65.
273. Погребнова А. Н. Специфика представлений о базовых эмоциях в обыденном сознании русских и англичан: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005. — 256 с.
274. Полякова Е. Г. Межличностное взаимодействие в структуре общения // Мир образования — образование в мире. — 2012. — № 1 (45). — С. 238—242.
275. Полякова С. В. Репрезентация знаний в блогговом дискурсе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 2—2. — С. 108—111.
276. Полякова С. В. Особенности блоггового дискурса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. — 2010. — № 2. — С. 41—45.
277. Пономаренко И. Н., Крыжановская В. А., Сегал Н. А. Асимметричная основа антитезы с оппозицией Свой / Чужой в современных медиатекстах // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 11—116.
278. Попова М. А. Качественная пресса как тип медийного дискурса в лингвориторической парадигме // Символ науки. — 2016. — № 1-3 (13). — С. 99—103.
279. Поправко В. Н. Интернет-сообщества: специфика и роль в формировании социального пространства: дис. ... канд. филос. наук. — Томск, 2011. — 136 с.
280. Постовалова В. И. Образ лингвистики в метанаучных размышлениях Т. В. Булыгиной (Шмелевой) // Вопросы филологии. — 2014. — № 3-4 (48). — С. 13—29.
281. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. — М.: Ленанд, 2016. — 272 с.
282. Привалова И. В. Блогосфера как диффузное коммуникативное пространство // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности: сб. науч. ст. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2017. — С. 205—208.
283. Пташкин А. С. Дискурс, дискурсивный анализ и лингвистические процессоры // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — № 6 (171). — С. 66—70.
284. Радбиль Т. Б. Репрезентативные контексты в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и мат-лы V Междунар. конгресса исследователей русского языка. — М.: МГУ, 2014. — С. 759—760.
285. Радбиль Т. Б., Рацбургская Л. В., Щеникова Е. В., Жданова Е. А., Самылечева Н. А., Куликова В. А. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 328 с.
286. Разинкина А. О. Культурные практики виртуальных поэтических сообществ России и Европы: дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2011. — 148 с.
287. Рацбургская Л. В. Медиапространство: от речевой агрессии к положительным имиджам // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: мат-лы междунар. науч. конф. — СПб.: С.-Петербург. политехн. ун-т имени Петра Великого, 2017. — С. 125—127.
288. Редкозубова Т. М., Кудряшов И. А. Диалогическая теория М. М. Бахтина и ее методологическая действенность для современных методов обучения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2014. — С. 268—279.
289. Розина И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация: моделирование, реализация и исследование // Образовательные технологии и общество. — 2009. — Т. 12. № 2. — С. 387—388.
290. Розина И. Н. Принципы успешной коммуникации на основе гипертекста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. — 2016. — Т. 15. № 3. — С. 37—46.
291. Романов М. С. Языковая специфика немецко- и русскоязычных чатов // Языки, культуры, этносы: современные педагогические технологии в

- формировании языковой картины мира: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) по проблемам межкультурной коммуникации. — Йошкар-Ола: Марий. гос. ун-т, 2009. — С. 83—86.
292. Романова М. В. Компьютерное общение как вид опосредованного общения // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2009. — Т. 2. № 4. — С. 59—70.
293. Романтовский А. В. Социальная манифестация личности в интернет-комментариях (на примере дискурсивных вариаций согласия / несогласия) // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 5 (240). — С. 78—86.
294. Романтовский А. В. Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2015. — Т. 1. № 3. — С. 141—149.
295. Румак Н. Л. Цифровые медиа — зеркало общества будущего? // Современная Европа. — 2012. — № 3 (51). — С. 150—153.
296. Румянцева А. А. Цифровые медиа как агенты трансформации культуры повседневности // Этносоциум и межнациональная культура. — 2012. — № 8 (50). — С. 27—30.
297. Русакова М. М., Скнарев Д. С. Электронный язык в современном электронном обществе // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 3 (42). — С. 651—655.
298. Рыбакова Е. В. Прагматическая связь между выбором языковых средств и ситуациями общения (на примере обращения в английском языке) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 3-1. — С. 315—319.
299. Рябикина З. И., Богомолова Е. И. Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей Интернета с особенностями их активности в сети // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 109. — С. 1041—1057.
300. Рябоконе Н. А. Общая характеристика языковых индикаторов функций речевых актов позитивной и негативной реакции // Актуальные вопросы современной науки. — 2014. — № 34. — С. 232—242.
301. Савельева И. В. Категория субъективного в интернет-комментарии // Гуманитарные технологии в современном мире: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. — Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. — С. 84—87.
302. Савельева Л. А. Роль частиц в когезии и когерентности текста // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23. № 1. — С. 225—232.
303. Савенков В. Д. Социальные медиа как блог-платформы // Социодинамика. — 2018. — № 6. — С. 9—20.
304. Савицкая Л. С. Об отражении конвенций блоггового дискурса в структуре модусной составляющей высказывания // Социальные варианты языка. — 2011 (а). — № 7. — С. 262—266.
305. Савицкая Л. С. Образ коммуникативного будущего в блогговом формате интернет-дискурса: модусная структура и языковое воплощение // Вестник Нижегородского университета им. Н. А. Добролюбова. — 2011 (б). — № 6-2. — С. 597—601.
306. Сагитова Л. Ф. Язык и мышление в аналитической философии // Modern Humanities Success. — 2018. — № 1. — С. 41—45.
307. Свиридова Т. М. Способы и средства выражения категории согласия-несогласия в русском языке: монография. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2006. — 189 с.
308. Свиридова Т. М. Языковые формы с повтором как экспрессивное средство выражения речевых актов согласия и несогласия // Philologos. — 2013. — № 17 (2). — С. 64—69.
309. Свиридова Т. М. Семантические модификаторы необходимости в речевых актах согласия и несогласия // Philologos. — 2014. — № 20 (1). — С. 64—68.
310. Сидоров Е. В. Когнитивная прагматика дискурса: монография. — М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2013. — 166 с.
311. Силантьев И. В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. — 2004. — № 7. — С. 98—123.
312. Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. — 2010. — Т. 9. № 6. — С. 78—83.
313. Синенко Т. В. Гипертекстуальность как ключевой признак сетевой полемии // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — № 7(63). — С. 151—157.
314. Синячкин В. П., Бахтикиреева У. М. Лингвистические заметки о Virtuality // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: РУДН, 2018. — Ч. 1. — С. 29—40.
315. Ситнова Н. А. Взаимодействие элементов диалогического дискурса (синтаксический аспект) // Вооружение. Технология. Безопасность. Управление: мат-лы VIII Всерос. науч.-техн. конф. — Ковров: Ковр. гос. технологич. академия им. В. А. Дегтярева, 2018. — С. 925—930.
316. Скнар Г. Д. Спонтанное диалогическое общение: тема и новая информация как реляционные концепты // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 258—263.
317. Скнар Г. Д. Тема как конституирующий компонент художественного текста: прагматический и когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2014. — 371 с.

318. Скарн Г. Д., Кудряшов И. А. Прагматические модели дискурсивной анафоры в монологическом тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15. № 1. — С. 51—65.
319. Соболева М.Е. Логика герменевтики // Вопросы философии. — 2013. — № 6. — С. 140—148.
320. Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: монография / В. Ю. Меликян, И. А. Кудряшов, В. П. Малащенко, Л. Г. Ларионова, Т. Л. Павленко, И. В. Нефедов, Л. В. Марченко, Н. Г. Марченко, А. Ф. Пантелеева, Е. В. Шейко, Т. М. Редкозубова, Н. А. Белик, Е. А. Гладченкова, Л. М. Месропян. — Ростов-на-Дону: Донское книжное изд-во, 2012. — 202 с.
321. Соколова-Бауш Е. А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе и реципиенте: дис. ... канд. психол. наук. — М., 1999. — 123 с.
322. Стерледева Т. Д. Проблема полноты духовного опыта человека в электронно-виртуальной реальности (футурологический аспект) // Вестник Вятского государственного университета. — 2010. — Т. 4. № 4. — С. 82—86.
323. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. — С. 4—20.
324. Субботина Т. А., Бардусова В. И., Торик Д. В. Языковые особенности блогговых текстов // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — Уфа: Агентство международных исследований, 2018. — С. 162—167.
325. Танимов О. В. Проблемы виртуальной личности в сети Интернет // Мониторинг правоприменения. — 2012. — № 4. — С. 57—62.
326. Темпл-Вуд Э. Блоггер и тролли // В мире науки. — 2017. — № 11. — С. 58—60.
327. Тищенко В. А. Компьютерно-опосредованная учебная коммуникация: коммуникативные барьеры // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2009. — № 9 (87). — С. 24—29.
328. Тищенко В. А. Обратная связь в контексте информационно-коммуникационных технологий // Школьные технологии. — 2011. — № 4. — С. 56—64.
329. Трофимова Г. Н. Конфликтотенность как дискурсивный параметр медиаобразов в сетевых СМИ // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: мат-лы X Всерос. науч.-практ. конф. — М.: РУДН, 2019. — С. 323—328.
330. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): монография. — М.: Изд-во РУДН, 2008. — 300 с.
331. Трофимова Г. Н., Барабаш В. В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации): монография. — М.: РУДН, 2020. — 270 с.
332. Трунова А. А. Стратегии выражения согласия / несогласия в американской и русской лингвокультурах в условиях переводной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9. Исследования молодых ученых. — 2016. — № 14. — С. 244—246.
333. Угро А. В. Виртуальное жанроведение: в поисках жанра // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 6 (129). — С. 168—172.
334. Ужахова З. М. К проблеме реализации категории модуса в диалогической форме речи // Вестник Университета Российской академии образования. — 2010. — № 1. — С. 43—45.
335. Улановский А. М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 27. — С. 218—237.
336. Усачева О. Ю. Анализ дискурса диалогической коммуникации в Интернете: монография. — М.: МГОУ, 2011. — 370 с.
337. Усачева О. Ю. Дискурсивный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. — Елец, 2013. — 516 с.
338. Усачева О. Ю. Скрытые смыслы в контексте некооперативной стратегии межличностного интернет-дискурса // Русская грамматика 4.0.: сб. тез. междунар. науч. симпозиума. — М.: Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина, 2016. — С. 433—437.
339. Утешева З. Б., Жиенбаева З. Б. К вопросу о стратегии моделирования диалогического взаимодействия // Влияние науки на инновационное развитие: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 215—219.
340. Ушнов П. В. Русскоязычная блогосфера в национальной системе СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология, журналистика. — 2015 (а). — № 1. — С. 143—145.
341. Ушнов П. В. Русскоязычная блогосфера: поиск аудиторной ниши в национальном информационном поле // Медиаальманах. — 2015 (б). — № 4 (69). — С. 30—36.
342. Федорова С.А. Жанровая особенность интернет-дискурса // Социально-экономические явления и процессы. — 2014. — Т. 9. № 12. — С. 330—335.

343. Федяева Е. В. Образы сознания как форма познания действительности // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — № 3 (168). — С. 73—78.
344. Фигуровская Ю. Е. Современный русский язык: нормативность и социальные контексты // Философия образования. — 2013. — № 6 (51). — С. 105—112.
345. Фомина М. Н. Объявления-благодарности: структурные и прагматические особенности // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. — 2010. — № 1. — С. 203—207.
346. Фэй Б. Языковое выражение категории согласия / несогласия в современном русском языке // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. — 2014. — № 7. — С. 184.
347. Хаминова А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 38—45.
348. Хамитова Л. Р. Метод ментальных пространств в исследовании причинно-следственных отношений // Поволжский педагогический вестник. — 2016. — № 4 (13). — С. 33—38.
349. Харитоновна Е. Ю. Жалоба как прагматический феномен в современном русском и английском языках // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2017. — С. 61—66.
350. Хотинец В. Ю., Сунцева Я. С. Согласованность социальных и культурных ценностей в регуляции межличностного взаимодействия // Психологический журнал. — 2009. — Т. 30. № 6. — С. 17—29.
351. Хуыз И. П., Духовная Т. В. О когнитивной природе формирования и интерпретации прагматического значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 1-2 (79). — С. 390—392.
352. Церюльник А. Ю. Прагматические особенности жанров интернет-коммуникации // Язык и культура. — 2016. — № 26. — С. 175—181.
353. Чекунова М. А. Риторические категории политико-административного сетевого медиадискурса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2016. — Т. 2. № 4. — С. 229—234.
354. Чичканов Е. С. Интерактивность как форма диалога в пространстве цифрового экранного произведения: дис. ... канд. искусствоведения. — СПб., 2011. — 165 с.
355. Шаймиева Л. В. Прагматика диалогизации и диалогичности радиоречи // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17. № 3. — С. 1342—1345.
356. Шаклеин В. М. Дифференциация русского языка в условиях новых информационных технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. — 2011. — № 1. — С. 52—55.
357. Шаклеин В. М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методики их преподавания. — 2013. — № 1. — С. 6—12.
358. Шафаги М. Анализ речевого акта извинения при нарушении прагматических постулатов общения // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2010. — № 3-4. — С. 85—89.
359. Шевцова В. М. Дискурс как объект исследования в прагматике // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: матлы II науч.-практ. конф. — М.: МГИМО, 2015. — С. 482—486.
360. Ширяева О. В. Лингвориторическая модель анализа медиатекстов // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — Сочи: Соч. гос. ун-т, 2012. — № 17. — С. 187—191.
361. Шлейвис П. И., Елькин В. В. К вопросу о конституентах языковой системы в эпоху глобальной электронной коммуникации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 1. — С. 126—131.
362. Шляховой Д. А. Категория диалогичности в микроблоге (на материале немецкой военной блогосферы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 3 (136). — С. 211—217.
363. Штатская Т. В. О лингвистической прагматике // Международный журнал экспериментального образования. — 2016. — № 11-1. — С. 80.
364. Шумилина С. А. Язык блога // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. — М.: РУДН, 2018. — Т. 1. — С. 403—411.
365. Щербаклова С. М., Крупина Т. А. Основные понятия для пользователей Интернета по современным объединенным компьютерным сетям // Современная техника и технологии. — 2016. — № 10 (62). — С. 70—72.
366. Щетинина А. В. Роль культурологического контекста в обучении русскому языку // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 6. — С. 139—143.
367. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. — Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2009. — 238 с.
368. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект. — М.: Красанд, 2010. — 294 с.

369. Щипицина Л. Ю. Виды гибридности в компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. — 2014. — Т. 14. № 3. — С. 30—35.
370. Якимушкина О. В., Есенова Т. С. Реализация принципа «вежливость» в коммуникативном поведении // Русская речь в инонациональном окружении. — 2013. — № 7. — С. 68—73.
371. Яковлева Г. Г. Директивный дискурс в диалогическом пространстве разных языков: строевые и функциональные аспекты описания: дис. ... д-ра филол. наук. — Тверь, 2005. — 321 с.
372. Akay O. M., Kalashnikova A. A., Kalashnikov I. A., Pshenichnaya A. Yu. Pragmatic Level of Language Personality in Social Networks // Current Issues of Linguistics and Didactics: An Interdisciplinary Approach in Humanities (CILDIAN 2017): Precedings of the 7-th International and Practical Conference. — Volgograd: Atlantis Press, 2017. — P. 9—14.
373. Baym N. Agreements and Disagreements in a Computer-Mediated Discussion // Research on Language and Social Interaction. — 2006. — No. 29. — P. 315—345.
374. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 235 p.
375. Dertouzos M. What Will Be. How the New World of Information Will Change Our Lives. — San Francisco: Harper-Collins, 1997. — 237 p.
376. Dijk T. A. van. Discourse, Power and Access // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. — London; New York: Routledge, 1996. — P. 84—104.
377. Dijk T. A. van. Pragmatic Connectives // Journal of Pragmatics. — 1979. — No. 3. — P. 447—456.
378. Dijk T. A. van. Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse Interaction and Cognition. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1980. — 238 p.
379. Grosz B. J., Sidner C. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse // Computational Linguistics. — 1986. — No. 12 (3). — P. 175—203.
380. Hert P. Social Dynamics of an On-line Scholarly Debate // The Information Society. — 2010. — No. 13. — P. 329—360.
381. Hoffmann D., Novak T. P., Schlosser A. E. The Evolution of the Digital Divide: How Gaps in Internet Access May Impact Electronic Commerce // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2000. — No. 5 (9). — P. 45—63.
382. Hoggs M. A., Vaughan G. M. Social Psychology. — London: Prentice Hall, 2002. — 659 p.
383. Jensen J. F. Interactivity: Tracing a New Concept in Media and Communication Studies // Nordicom Review. — 1998. — No. 19. — P. 185—204.
384. Kalashnikova A. A., Akay O. M., Tsarevskaya I. V., Volodina M. S., Tsybenko E. O. Pragmatic Role of a Diminutive in Computer-Mediated Communication of Social Networks // Man in India. — 2017. — Vol. 97. No. 16. — P. 161—172.
385. Kescses I. A Dialogic Approach to Pragmatics // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Сер. Лингвистика. — 2016. — Vol. 20. No. 4. — С. 26—42.
386. Kibble R., Power R. Optimizing Referential Coherence in Text Generation // Computational Linguistics. — 2004. — No. 30 (4). — P. 401—416.
387. Kikhtan V. V., Klemenova E. N., Ereshchenko M. V., Kovalchuk N. V., Kudryashov I. A. Discourse Marker as a Means of Modeling Interpersonal Relations in the Text of Analytical Report // Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research. — 2019. — Vol. 9. No. 1 S6. — P. 39—42.
388. Knott A., Sanders T. The Classification of Coherence Relations and Their Linguistic Markers: An Exploration of Two Languages // Journal of Pragmatics. — 1998. — No. 30. — P. 135—175.
389. Kovtunen I. V., Kudryashov I. A. Rhetorical Relations of Concession and Their Pragmatic Role in the Development of Blog Texts // Espacios. — 2019. — Vol. 40. No. 40. — P. 1—8.
390. Kovtunen I. V., Kurkimbayeva A. M., Kudryashov I. A., Ukolova L. E., Kushvakha K., Kovaleva O. S. Pragmatic Mechanisms for the Implementation of Stimulus and Response in the Blogs // Media Watch. — 2020. — Vol. 11. No. 3. — P. 458—474.
391. Laskova M. V., Lazarev V. A., Kudryashov I. A. Indirect Commissive Speech Act Typology in Russian Dialogic Communication // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities: Proceedings of the 13-th All-Russian Research and Methodological Conference with International Participation. — М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. — P. 148—156.
392. Lukina M. M. Russian Media and the Internet // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2013. — No. 3. — P. 180—195.
393. Lyon D. Would God Use Email // Zadok Perspectives. — 2001. — No. 71. — P. 19—31.
394. Mann W.C., Matthiessen Ch. M. I. M., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1992. — P. 39—78.
395. Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization // Text — 1988. — No. 8 (3). — P. 243—281.

396. Marcu D. Building up Rhetorical Structure Trees // Proceedings of 13-th National Conference on Artificial Intelligence. — Portland, Oregon, 1996. — Vol. 2. — P. 1069—1074.
397. Markus H., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. — 1986. — No. 41 (9). — P. 954—969.
398. Myers G. The Discourse of Blogs and Wikis. — London: Continuum, 2010. — 297 p.
399. Nardi B., Schiano D., Gumbrecht M. Blogging as Social Activity, or Would you Let 900 Million People Read Your Diary? // Proceedings of the Conference on Computer-Supported Cooperative Work. — New York: AMC Press, 2004. — P. 222—228.
400. Nayar P.K. An Introduction to New Media and Cybercultures. — Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. — 348 p.
401. Pavlik J. V. New Media Technology: Cultural and Commercial Perspectives. — Boston: Allyn and Bacon, 1998. — 237 p.
402. Perervina N. V. Intentional Contents of an Agreement Speech Act // Modern Science. — 2017. — No. 7. — P. 68—70.
403. Rocco E., Warglien M. La Comunicazione Mediata da Computer E L'Emergere dell'Opportunismo Elettronico // Sistemi Intelligenti. — 1995. — No. 7 (3). — P. 393—420.
404. Rogers E. M. Communication Technology: The New Media in Society. — New York: Free Press, 1986. — 289 p.
405. Rosaldo M. Toward an Anthropology of Self and Feeling // Culture Theory: Essays on the Mind, Self and Emotion. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — P. 234—249.
406. Sanders T., Spooren W., Noordman L. Toward a Taxonomy of Coherence Relations // Discourse Processes. — 1992. — No. 15. — P. 1—35.
407. Schmidt J. Blogging Practices. An Analytical Framework // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2007. — No. 12 (4). — P. 12—23.
408. Steuer J. Defining Virtual Reality: Dimensions Determining Telepresence // Journal of Communication. — 1992. — No. 42 (4). P. 73—93.
409. Stone A. R. Will the Real Body Please Stand Up? Boundary Stories about Virtual Culture // Cyberspace: First Steps. — Cambridge, MA: MIT Press, 1991. — P.
410. Taboada M. T. Building Coherence and Cohesion: Task-Oriented Dialogue in English and Spanish. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. — 321 p.
411. Yus F. The Role of Cognition and Relevance in New Digital Narrative // Prospective Multilingue e Interdisciplinari nel Discorso Specialistico. — Pisa: Pisa University Press, 2015. — P. 81—107.

Ссылки на электронные ресурсы

412. Блог *Астериск*. — URL: [https:// www.sports.ru/tribuna/blogs/asterisk/](https://www.sports.ru/tribuna/blogs/asterisk/)
413. Блог *Версификаторные рассказы*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/floters/120749.html>
414. Блог *Дикий, дикий запад*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>
415. Блог *Ледовые заметки*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>
416. Блог *Сухой лист*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/kleshchonok/>
417. *Живой Журнал Британцевой*. — URL: <http://britantseva.livejournal.com/>
418. *СБГ-блог*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/sbganalitica/>
419. Блог *Фигурный лед*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/figureice/>
420. Блог *Golden Ice*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/smonline/>
421. Блог *Hello*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/vadimlukomski/>
422. Блог *Нокейка*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>
423. Блог *London Eye*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/>
424. Блог *Mental Sport*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/drowntheice/>
425. Блог *Red-Blue Soul*. — URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/redbluesoul/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ БЛОГОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ	17
1.1. Компьютерно-опосредованная коммуникация: актуальные проблемные узлы, прагматические нормы, интерактивная природа.....	18
1.1.1. К уточнению понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация».....	18
1.1.2. Прагматический проблемный узел исследования компьютерно-опосредованной коммуникации	23
1.1.2.1. Лингвистическая прагматика как актуальная сфера исследований	23
1.1.2.2. Прагматическая специфика функционирования языка и жанра в компьютерно-опосредованной коммуникации	24
1.1.2.3. Интерактивность как базовая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации	27
1.1.2.4. Синхронность / асинхронность как прагматические показатели интерактивности.....	30
1.1.3. Лингвокультурный проблемный узел исследования компьютерно-опосредованной коммуникации	33
1.1.3.1. Лингвокультурный контекст реализации компьютерно-опосредованной коммуникации	33
1.1.3.2. Социальный контекст реализации компьютерно-опосредованной коммуникации	35
1.2. Блог как виртуальная реальность социального, лингвокультурного и межличностного общения	39
1.2.1. Блогосфера, блог, блогер как актуальные понятия компьютерно-опосредованной коммуникации	39

1.2.2. Прагматическое своеобразие исследования текстов русскоязычных блогов	42
1.2.3. Лингвокультурные аспекты исследования текстов русскоязычных блогов	48
1.3. Интегративный подход к категории связности и риторической структуре текстов блогов.....	58
1.3.1. Интегративный подход как точка пересечения лингвокультурного и прагматического аспектов исследования	58
1.3.2. Риторическая природа текстов блогов.....	65
<i>Выводы по первой главе</i>	72

Глава 2. МОДЕЛИ РИТОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ БЛОГОВ: СЕМАНТИКА, СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, ПРАГМАТИКА.....	75
2.1. Риторические отношения контраста и их прагматическая роль в разворачивании текстов блогов.....	76
2.1.1. Средства маркирования риторических отношений контраста	76
2.1.2. Прагматические типы реагирующих сообщений респондентов	94
2.1.2.1. Реагирующие сообщения респондентов, построенные по модели «изложение контрастной позиции + аргумент, который объясняет эту позицию»	95
2.1.2.2. Реагирующие сообщения респондентов, построенные по модели «изложение контрастной позиции + аргумент, который указывает на возможность решения проблемной ситуации»	105
2.2. Риторические отношения уступки и их прагматическая роль в разворачивании текстов блогов.....	117
2.2.1. Средства маркирования риторических отношений уступки	117
2.2.2. Основная модель формирования риторических уступительных отношений в компьютерно-опосредованной коммуникации	122
2.2.3. Вариативные модели формирования риторических уступительных отношений в компьютерно-опосредованной коммуникации: изменения в порядке следования дискурсивного шага респондента.....	140

2.3. Риторические причинно-следственные отношения и их прагматическая роль в разворачивании текстов блогов.....	154	3.2.3. Социокультурные факторы, предопределяющие выражение согласия / несогласия в непосредственной и компьютерно-опосредованной коммуникации	205
2.3.1. Средства маркирования риторических причинно-следственных отношений	154	3.2.3.1. Анонимность реализации реагирующего речевого намерения, усиление эффекта дискуссионности посредством игнорирования исходной темы общения	206
2.3.2. Риторические причинно-следственные отношения, построенные по модели «посылка-причина с интенсифицированной позитивной оценкой + следствие-разъяснение / следствие-дублирование оценки».....	161	3.2.3.2. Формат представления сообщения, возможность цитирования сообщений блогера, длительность сохранения реакций респондента на странице блогера.....	209
<i>Выводы по второй главе</i>	168		
Глава 3. ДИСКУРСИВНЫЕ ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ / НЕСОГЛАСИЯ	171	3.3. Феномен дискурсивного противостояния собеседников в блогосфере	213
3.1. Проблема соотношения понятий «дискурс собеседников — контекст — условия успешности при реализации блоггового текста»	172	3.3.1. Межличностный аспект исследования текстов блогов	213
3.1.1. Параметры разграничения семантики и прагматики	172	3.3.1.1. Уровни дифференцированного доступа участников блогосферы к социально ценностным источникам	215
3.1.2. Блог и устная коммуникация: точки соприкосновения и дифференциальные признаки	178	3.3.1.2. Приоритетная позиция блогера в контроле над формой и содержанием виртуального текста	218
3.1.3. Аспекты прагматического анализа блогговой коммуникации	183	3.3.2. Конверсационный контроль над целостным разворачиванием блоггового текста и дискурсивное противостояние собеседников.....	221
3.1.3.1. Особая роль контекстуального фактора	183	3.3.2.1. Проблема доминирования в компьютерно-опосредованной коммуникации.....	223
3.1.3.2. Личностный дискурс собеседников в аспекте порождения блоггового текста.....	186	3.3.2.2. Проблема контроля над поддержанием внимания собеседников к исходной тематике обсуждения.....	229
3.2. Семантико-прагматическая специфика выражения согласия / несогласия с мнением блогера.....	191	<i>Выводы по третьей главе</i>	233
3.2.1. Разграничение понятий «согласие / несогласие с мнением собеседника в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации»	191		
3.2.2. Лингвокультурологические факторы, предопределяющие выражение согласия / несогласия в непосредственной и компьютерно-опосредованной коммуникации	196	Глава 4. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОБЕСЕДНИКОВ В ПРОЦЕССЕ СОВМЕСТНОГО ПОРОЖДЕНИЯ СВЯЗНОГО БЛОГОВОГО ТЕКСТА: СОГЛАСИЕ / НЕСОГЛАСИЕ	237
3.2.2.1. Социальное лицо и личностные предпочтения	197	4.1. Проблема формирования прагматических моделей взаимодействия собеседников в блогговом тексте.....	238
3.2.2.2. Дискурсивные закономерности реализации ответных реакций несогласия.....	201	4.1.1. Типология дискурсивных шагов блогеров и респондентов в составе текста блога	238
3.2.2.3. Характер взаимоотношений между собеседниками	203	4.1.2. Частные иллокуции в составе дискурсивного шага собеседника	240
		4.1.3. Проблема прагматического моделирования процессов взаимодействия блогеров и респондентов.....	250

4.2. Реакции респондентов на стимулирующие сообщения блогеров.....	254
4.3. Реакции блогеров на сообщения респондентов	264
4.4. Реакции респондентов на сообщения иных респондентов	275
<i>Выводы по четвертой главе</i>	284
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	288
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	297
Ссылки на электронные ресурсы.....	329

Научное издание

Шаклеин Виктор Михайлович
Ковтуненко Инна Викторовна

РУССКАЯ БЛОГОСФЕРА

**Прагматическая и лингвокультурная специфика
реализации категории связности**

Монография

Подписано в печать 15.05.2023. Формат 60×88/16.

Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 16,73.

Тираж 500 экз. Изд. № 6077. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17 Б, офис 324

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 859-48-62